

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

4
'97

**Старший лейтенант
ЯГОДИН
Анатолий Венедиктович**

Родился 29 марта 1961 года в г. Ворсма Павловского района Нижегородской области. Русский.
На военную службу призван 27 апреля 1979

Отмечаем скорбную годовщину: 18 апреля 96-го при выполнении редакционного задания в Чечне погиб наш товарищ, военный корреспондент старший лейтенант Анатолий Ягодин.

Его мужество отмечено посмертно орденом серебряным крестом, переданным семье офицера в День памяти погибших журналистов 11 декабря прошлого года.

Нам, живым, осталось хранить память о добром друге. Мы должны сделать все возможное, чтобы в войсках помнили не только этого светлого человека, но и его творчество.

В этом номере журнала публикуются повесть А. Ягодина "Печать Авеля", подборка его стихов, а также литературные посвящения нашему коллеге, павшему на войне.

Фото А. РОДНОВА и В. НИКОЛАЙЧУКА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

4 '97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
СЕМЯХИНА В.В.

На первой странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Актуальное интервью

САВЦОВ Н.: "Служить в войсках должны сильные люди" 2

В особом районе

МУЧАК И. И жизнь, и смерть в одной упряжке .. 7
КИСЛЫЙ Ю. 101-я бригада: чеченские были .. 12
ПЕТРОВ А. Где "Юг", там и жарко 18

Служба

РОДНОВ А. Летный спецназ из детсада
"Солнышко" 24
По сообщениям пресс-бюро внутренних войск
МВД России 28

Назовем поименно

КОЛЕСНИКОВ С. Мужеству и доблести 30
По страницам Книги памяти 31
КАРПОВ Б. Поминание поручиков 36

Проза. Поэзия

ЯГОДИН А. До последнего выкрика (стихи) ... 42
ЯГОДИН А. Печать Авеля (повесть) 46

Литература и мы

ЛЕОНОВ Б. Правда и правдоподобие 66

Калейдоскоп

СОЛОВЬЕВ В. Мягкая посадка 72
СИПРОВ В. Самолет из "шараги" 75
ДУНАЕВ О. Награды спасителям 77
Шахматный клуб 78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 28.02.1997 г. Подписано к печати 3.04.1997 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 425. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

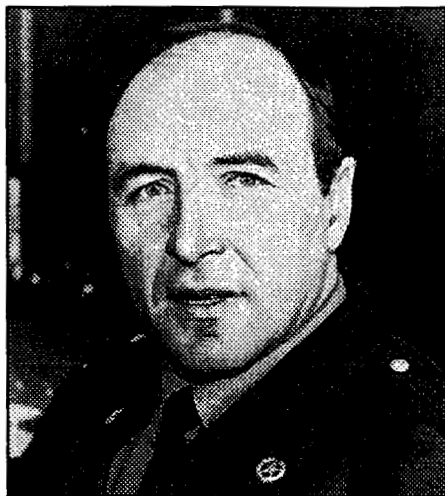
Ордена "Знак почета" типографии "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

**Начальник отдела
физической подготовки
и спорта управления
боевой подготовки
ГУКВВ МВД России
полковник
Николай САВЦОВ:**

“Служить в войсках должны сильные люди”

— Николай Иванович, в названии вашего отдела сочетаются физическая подготовка и спорт. Что же из них является для войск главным?

— Конечно, главное наше дело — физическая подготовка военнослужащих. Над этим работают инструкторы и начальники физподготовки в отдельных частях, преподаватели кафедр физподготовки и спорта в институтах и училищах, офицеры в управлениях округов и, наконец, в нашем отделе, входящем в управление боевой подготовки Главного управления командующего. Под их вниманием все категории военнослужащих: курсанты, солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры.

— Начнем с курсантов. Всегда ли удается физически подковать их за пять лет учебы? Ведь природные данные у всех разные. Да и приходят будущие курсанты — кто со школьной скамьи, а кто, отслужив срочную службу.

— Прежде всего об отборе среди абитуриентов. Вход в училище “через перекладину”. Допуск к экзаменам лишь после сдачи нормативов по физической подготовке. А здесь счастливый билет не вытянешь. Никакие влиятельные звонки не помогут. Ведь зачет принимают преподаватели кафедры физической подготовки и спорта, которым принять “слабака” себе дороже. Природные данные действительно у всех разные... Зачастую, допуск к эк-

заменам вчерашние школьники получают, выполнив упражнения на пределе сил. Зато через пять лет 80 процентов выпускников имеют по физподготовке отличные оценки. 40 процентов разрядники, треть из них в упражнении на полосе препятствий выполняет норматив первого разряда. Есть у нас и своя специализация. Так, во Владикавказском командном училище проводится горная подготовка, ранее такая дисциплина преподавалась лишь в Алма-Атинском пограничном училище. На кафедрах физподготовки и спорта училищ и институтов сегодня работает до пятнадцати преподавателей. Выросло внимание к физической подготовке будущих офицеров, увеличилось число часов, выделенных на нее в учебной программе. Да и не только в программе. Работать нашим преподавателям приходится и в будни, и в праздники. На них держатся вся спортивно-массовая работа, секции по самым разным видам спорта, проведение соревнований.

— А как обстоят дела с физподготовкой военнослужащих срочной службы? Какие изменения произошли здесь в последнее время? Помните, они когда-то проходили допризывную подготовку, сдавали нормы ГТО в школе, чтобы в армию прийти сильными и закаленными.

— Эти времена вспоминаются уже с трудом. Нынешний призыв молодежи в армию никак не напоминает парад

значкистов ГТО. По меньшей мере, треть призывников не готова ни к труду, ни к обороне. Речь не о том, что они хилые, они порой просто истощенные. Первые полгода службы таких ребят просто откармливают, и нагружать их физически даже рискованно. Подкормили солдата и начинаем его потихоньку подтягивать до установленных норм по сдаче физических нормативов. В них, кстати, предстоят изменения. В этом году планируется ввести новое наставление по физической подготовке личного состава. Новые физические упражнения будут более тесно увязаны с конкретными задачами, которые придется решать военнослужащим внутренних войск. Необходимость в обновлении НФП назрела давно. Возьмем, к примеру, такое известное всем упражнение, как "подъем на переворотом". Где, при решении какой боевой задачи пригодится воину умение выполнить это упражнение? Так давайте лучше больше внимания уделим подтягиванию, "выходу силой". Чем было обусловлено внимание к бегу на дистанции в три, пять километров? Выполнением боевой задачи по преследованию бегавшего осужденного. Изменились задачи, стоящие перед войсками, и мы можем заменить упражнение, ввести бег на меньшую дистанцию — четыреста метров, километр. Активно участвуют в разработке методических рекомендаций по физической подготовке офицеры отдела физвоспитания и спорта главка полковники Вячеслав Кошелев и Валерий Бильдей. Будут учтены и уроки чеченской кампании. Главный из них — служить в войсках должны сильные люди. Времени отжиматься, бегать, учиться стрелять в бою не будет. Этому надо отдать мирное время.

— Как можно оценить сегодня физическую подготовку личного состава внутренних войск?

— Общая оценка удовлетворительная. Напомним, что выставляется она, когда установленные физические нормативы выполнили 70 процентов личного состава части. Статистика — наука хитрая, можно ведь сказать и по-другому: тридцать процентов личного состава не выполнили нормативов. Но на практике в эти тридцать процентов входят молодые солдаты, которых лишь начали потихоньку подтяги-

вать до общего уровня. В некоторых округах дело обстоит получше, хочется отметить Уральский и Восточный округа внутренних войск, где начальниками физподготовки полковник Александр Насырев и подполковник Виктор Комиссаров.

— По-видимому, не во всех частях одинаковые возможности для организации физподготовки?

— Да, одинаковы лишь требования нормативов, а возможности разные. В ходе реформирования войск немало военных городков вместе со спортивными сооружениями отошло к ГУИНу. При развертывании же новых оперативных и специальных моторизованных частей в первую очередь решаются вопросы размещения и питания личного состава. На оборудование спортивного зала, покупку спортивного инвентаря денег уже не остается. В управлении материально-технического снабжения выбраны последние остатки. Гимнастические снаряды, гири, даже спортивные тапочки сегодня вপুরе выставлять в музей. Приходится командиру части и начфизу челом бить перед городской администрацией. Как правило, хозяева города идут навстречу, хотя бывает и так: испокон веку пользовалась часть городским стадионам, а теперь власти шлагбаум опустили: платите деньги.

Лучше положение в частях по охране особо важных объектов. В них и созданная за долгие годы материальная база есть, и у администрации предприятий деньги на солдатский спорт всегда находятся.

— Может, не только в деньгах дело? Может, нет у молодых тяги к физкультуре и спорту? Просто не хотят они быть сильными, ловкими и выносливыми?

— Не согласен. Вы зайдите в любую часть, в ней обязательно найдется тренажерный зал, пусть даже не зал, комната, угол, уставленный спортивными тренажерами. Причем спортивные снаряды обычно изготовлены из подручных материалов. Подчас диву даешься солдатской смекалке. В ход идут даже гусеничные траки, и получают тренажеры, по виду и характеристикам не уступающие фабричным образцам. И всегда очередь из желающих позаниматься. Спортивные снаряды вы встретите в караулах,

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Полковник Савцов Николай Иванович родился в 1950 году. В 1969 году поступил в Орджоникидзево военное училище МВД. После его окончания служил в спортивной роте ОДОНа командиром взвода, командиром роты. Заочно окончил спортивный вуз. Был начальником физподготовки полка, дивизии. С 1990 года — начальник отдела физической подготовки и спорта управления боевой подготовки ГУКВВ. Разносторонний спортсмен. Кандидат в мастера по пяти видам спорта.

кочегарках, автопарках, казармах. Книги, пособия и плакаты по бодибилдингу, восточным единоборствам переходят из рук в руки. Так что тяга к физическому совершенствованию у солдат есть. И первейшая обязанность начфиза, инструктора по физподготовке — ее поддержать.

Дело ведь не только в средствах, но и в желании командования. Не будет его, никаких денег не хватит. Практика показывает, что с помощью физподготовки можно даже сэкономить. Нет бензина для перевозки личного состава? Так пусть идет пешком — и попутная физподготовка, и бензин сэкономим. Кстати, в ОДОНе это постоянная практика, наработаны маршруты в учебные центры. Двенадцать с половиной километров туда и обратно своим ходом: летом пешим порядком, зимой на лыжах.

Так что все упирается в желание и умение офицеров организовать такую работу.

— **А как с физической подготовкой у самих командиров? В армиях некоторых стран порядок строгий: не выполнил офицер даже один установленный физический норматив — к службе не годен. Отличная сдача нормативов поощряется материально. У нас же иногда офицер, прослужив лет пять и отойдя от училищной физкультурной напряженки, начинает любовно растить животик. Потом, дослужившись до штабных должностей и больших звезд, морщит лоб в коридорах поликлиники, прикидывая, по какой из своих многочисленных болезней в группу ЛФК (лечебной физкультуры) перейти, чтобы лишний раз проверку не сдавать.**

— Потому он и становится завсегда-тем поликлиники, что физподготовкой пренебрегал. Любой врач скажет, что большинство болезней от неправильного образа жизни, малоподвижности и вредных привычек. Эти беды не обошли и военных. Бывает так, что в части о физподготовке вспоминают только перед итоговой проверкой, пытаются наверстать все разом. С грехом пополам проверку сдали — и вновь на целый год затишье.

— **Может, проблема в другом? Не хватает в войсках офицеров. Как следствие — высокая нагрузка на тех, кто служит за двоих, вот и не находится в плотном служебном графике места для физподготовки. В нашей почте немало вопросов на эту тему. Часто спрашивают: какова должна быть продолжительность физподготовки? Входит ли в это время дорога до спортивного объекта и обратно?**

— Вот уж никогда физическая подготовка не была помехой службе! Наоборот.

Она службе только способствует. На практике все от командира части зависит. Выйдет он сам на беговую дорожку или в спортзал, тогда без всяких разговоров на занятия пойдут и его подчиненные.

Время физподготовки для офицеров — два раза в неделю по полтора часа. Она включена в план боевой подготовки, ее время и место определяется приказом по части. Если на территории части нет своих спортивных сооружений, то время, потраченное на дорогу до стадиона или арендуемого бассейна, не учитывается. В неделю офицер должен отдать физподготовке чистых три часа.

— **И все же, говоря о проблемах, нельзя не вспомнить о подразделениях, где физическая подготовленность личного состава — на высочайшем уровне. Речь идет об отрядах спецназа, в последнее время излюбленном объекте внимания журналистов. В чем особенность физподготовки в таких частях?**

— Да, в отрядах специального назначения физическая подготовка играет ключевую роль. Туда и попадают обычно спортсмены, причем вопреки сложившемуся мнению, занимавшиеся не только спортивными единоборствами, но и силовыми видами спорта, лыжами, гимнастикой, легкой атлетикой. Опыт формирования таких отрядов существует еще с сорок первого года, когда вскоре после начала войны был создан наш знаменитый ОМСБОН. В его состав вошло свыше восьмисот спортсменов, специально отобранных центральными советами спортивных обществ "Динамо", "Спартак", "Локомотив". Мастера спорта, чемпионы СССР, рекордсмены Европы и мира, легкоатлеты братья Знаменские, боксеры Н.Королев, И.Миклашевский и С.Щербakov, борец Г.Пильнов — эти имена до сих пор помнят многие любители спорта. 350 студентов и преподавателей Центрального государственного института физической культуры сражались в составе отряда. Задачи, стоявшие перед ОМСБОНом, схожи с задачами отрядов специального назначения сегодня. Диверсии в тылу противника, разведка, партизанские действия — именно здесь пригодятся сила, выносливость и выдержка, наработанные в ходе занятий спортом.

В основном из бывших спортсменов набиралась двадцать лет назад первая учебная рота специального назначения, с которой началась история отряда "Витязь".

В программе физической подготовки частей специального назначения основная часть времени отведена на рукопашный бой, преодоление огненно-штурмовой полосы, выработку силовой вынос-

ливости. Уделяется внимание и развитию специальных качеств. Ведь в спецназе главное не грубая сила, а голова, свежая и разумная. В ходе чеченской кампании отрядам спецназа поручались наиболее сложные задачи, с которыми они успешно справлялись. Конечно, находясь в эпицентре боевых действий, они несли и потери. Погиб в бою майор Александр Микитанов, начальник физподготовки отряда "Росич", отличный офицер и товарищ. Александр посмертно представлен к высокой государственной награде.

Физическая подготовка спецназовцев продолжает совершенствоваться. Так, в активе отряда "Росич" теперь и прыжки с парашютом. Первое время мы даже думали, что вписали новую страницу в историю войск. Но, как оказалось, еще в 1935 году 56 воинов-дзержинцев прошли парашютную подготовку и совершили прыжки с самолета.

— Настало время перейти от физподготовки к спорту, к разговору о проблемах и достижениях войсковых спортсменов.

— Начать все же лучше не со спорта, а с физкультурного движения. О нем вспоминают не так часто, однако физкультура — база войскового спорта. А физкультурные традиции в войсках давние. В истории войск известны довоенные конные пробеги на сотни километров. Многодневные лыжные походы, в которые уходили всей воинской частью с полной боевой выкладкой. Были специальные знаки за сто, двести пройденных на лыжах километров. Проводились и семейные старты. К сожалению, сейчас повторять достижения прошлых лет все труднее. Массовые мероприятия за пределами части стали редкостью. Причины даже пояснять не надо.

Хотя и сегодня кое-что удастся сделать. Два года назад над Эверестом был поднят динамовский флаг. Вершину покорил в составе группы майор Владимир Кореньков, преподаватель кафедры физподготовки и спорта Владикавказского училища. В этом году он собирается повторить свое достижение, поднявшись на Эверест другим, более сложным маршрутом.

— Месяц апрель для нас праздничный. Годовщина спортивного общества "Динамо", к которому внутренние войска имеют самое непосредственное отношение. Правда, в последнее время о делах общества слышно мало, и вспоминая слова из известного кинофильма, хочется спросить: "А "Динамо" бежит?"

— Не только бежит, но и плавает, стреляет, борется. Хотя есть и трудности,

прежде всего финансовые. Но тем не менее, как и раньше, проводятся спартакиады общества "Динамо", и наши войсковые спортсмены в них, как правило, лидируют во всех округах, оставляя позади представителей налоговой полиции, пожарной охраны и другие команды. Только начинается спорт все же не там, а в конкретной части, на соревнованиях взвода, роты, батальона.

— Для многих наших именитых спортсменов такие состязания стали первой ступенькой в большой спорт. Ступенька следующая — чемпионаты округов и училищ. Удастся ли сегодня выяснить, кто сильнее, если части, где служат спортсмены, разбросаны порой на тысячи километров? Все ли задуманное выполняется?

— Несколько лет назад, когда начались перебои с финансированием, пришлось слегка ужаться, выделить основные, важнейшие для войск виды спорта. Это лыжные гонки, рукопашный бой, кросс, где первенство определяется среди округов. Наши училища и институты состязаются в рукопашном бое, офицерском многоборье и борьбе самбо. Все намеченное благодаря помощи командования, общества "Динамо" выполняется. Более того, последние два года наши чемпионаты достигли мастерского уровня. Звания мастеров спорта уже получили десятки войсковых спортсменов. Особенно хочется отметить соревнования по офицерскому многоборью, где высшие спортивные звания получают ежегодно по пятнадцать-двадцать спортсменов.

Ну а пожегтервоать пришлось биатлоном, борьбой дзюдо, пулевой стрельбой и военным троеборьем.

И все равно спортивный календарь получается достаточно плотным. Зимой в Екатеринбурге прошли лыжные гонки. В начале апреля в ОДОНе состоялся Всероссийский турнир по рукопашному бою на приз Героя Российской Федерации генерал-полковника Анатолия Романова. За приз боролись команды из самых разных спортивных ведомств и клубов. В мае в Саратове проведем чемпионат войск среди военно-учебных заведений по офицерскому многоборью. Затем в июне сильнейшие рукопашники округов, институтов и училищ съедутся на свой чемпионат в Кисловодск. Эти соревнования традиционно вызывают большой интерес зрителей, раз власти Кисловодска даже предложили для проведения чемпионата использовать арену городского цирка.

— Так, по ступенькам, мы добрались и до спортивной вершины. До чемпионатов страны и мира, Олимпийских

игр. За кого нам болеть? Кто сегодня в войсках несет олимпийскую вахту?

— Имена наших олимпийцев у всех на слуху. Помним мы и героев прошлых лет стрелков Василия Борисова и Елену Донскую, лыжников Павла и Алевтину Колчиных. Отличились войсковые спортсмены и на последней олимпиаде в Атланта. Настоящим ее героем стал пловец Александр Попов. Александр — прапорщик и проходит службу в спортивной команде Северо-Кавказского округа внутренних войск. Его две золотые олимпийские медали за победу на дистанциях 50 и 100 метров вольным стилем были им буквально вырваны у американских спортсменов, считавшихся до этого королями водного спринта. В Северо-Кавказский округ уехала из Атланты и золотая медаль лейтенанта Зульфии Забировой, полученная на состязаниях велосипедистов. Прапорщик Ольга Егорова из спортивной команды Приволжского округа стала серебряным призером олимпиады по марафону, добавив эту награду к уже имеющемуся у нее "золоту" предыдущей олимпиады. Всего же в нашей олимпийской команде было пятнадцать спортсменов внутренних войск. Хотя как не считать своим олимпийского чемпиона Александра Карелина? Александр учился в Новосибирском командном училище внутренних войск, долгие годы служил в спортивной команде Сибирского округа внутренних войск и лишь в прошлом году перешел на службу в налоговую полицию. За высокие спортивные достижения ему присвоено звание Героя России. Готовятся и наши лыжники к предстоящей зимней олимпиаде 1998 года в Нагано.

— **А зачем войскам олимпийские чемпионы? Может, с точки зрения командира какой-нибудь отдаленной части, зажатого в тисках повседневных и прежде всего финансовых проблем, чем олимпийца в Америку посылать, лучше заплатить офицерам и прапорщикам в его части вовремя отпускные и санаторно-курортные? Пусть они летом если не в Америку, так хоть на юг съездят, детей на море свозят. Или наоборот, пусть олимпийцы между собой соревнуются, это их олимпийское дело, а вот обычные соревнования в части можно и не проводить, все равно масштаб не тот.**

— О престиже России думать надо. А что касается денег, то на санаторно-курортные в одной части вполне хватит налогов, которые наши олимпийцы платят со своих наградных. Так что такой упрек безоснователен. Но чемпионы на пустом месте не вырастают. Соревнования внутри части, чемпионат округа, войск, Рос-

сии, Европы и мира, Олимпийские игры — все это стройная взаимосвязанная вертикаль, и стоит выдернуть отсюда любое, пусть даже ниже звено, сразу пошатнется вся выработанная десятилетиями система войскового спорта.

— **И все же цели большого спорта и физподготовки различны.**

— Конечно. На олимпиаде показывают предельные возможности человека, цели же физподготовки, пусть и более утилитарны, но не менее важны. Входя в систему боевой учебы, физическая подготовка помогает закалить тело и душу, готовит солдат и офицеров к выполнению боевых задач. Цена хорошо подготовленного солдата высока, и он вполне может состязаться даже с олимпийским чемпионом.

— ???

— Наденьте на чемпиона по стрельбе бронезилет, "сферу", нагрузите его боезапасом. В руках снаряженный АКМ, на ногах берцы. Так, с полной выкладкой, — на кросс. Потом штурмовая полоса, и уж только тогда на стрельбище. А там, вполне возможно, руки у него будут ходить ходуном, а вместо мишени в прорези прицела он увидит кровавую плену. И ничего удивительного в этом нет, у каждого своя задача. В большом спорте требуется добиться максимального результата в каком-то одном виде состязаний. На спортсмена международного уровня работает целая команда, где есть и тренеры, и врачи, и массажисты. Строятся графики рабочей формы, тренировки планируются так, чтобы достигнуть ее пика к определенной дате, к каким-то конкретным соревнованиям. Цель одна — добиться максимального результата, показать предел человеческих возможностей.

Солдат же всегда должен быть готов выполнить боевую задачу в любых условиях.

О проблемах мы сказали немало. Наверно, можно заключить, что физической подготовке военнослужащих сегодня должно быть уделено особое внимание. Надо как можно шире пропагандировать спорт, физкультуру, здоровый образ жизни. В этом мы надеемся и на помощь вашего журнала, газеты "Ситуация". Пусть на их страницах чаще появляются репортажи со спортивных состязаний, публикуются комплексы физических упражнений.

— **Согласны и к теме физкультуры и спорта мы еще не раз вернемся на наших страницах.**

Беседу вел
капитан А.МАКАРОВ.

Твои Герои, Россия

*Саша Бузин, патриот и воин,
Скромный парень,
не сробел в Чечне.
Всей России —
да твоей бы воли!
И не гибли б люди на войне.*
Е. Вдовенко.

И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

Вам когда-нибудь приходилось видеть, как плачет собака? Наверьд, по-человечески, роняя огромные слезы-горошины на избитые до крови лапы. Плачет оттого, что потеряла друга.

К сожалению, не видел этого и младший сержант Александр Бузин. Его сердце, прошитое бандитскими пулями в последнем бою, остановилось навсегда. Подоспевшие десантники бросились было оказывать помощь воину, но их остановил угрожающий оскал клыков и злобное рычание. Подстреленный Джон, четвероногий друг Саши Бузина, лежал рядом, истекая кровью, не чувствуя боли в своем израненном теле, из последних сил выказывал свою собачью преданность воспитавшему его человеку. Он никого не подпускал к своему хозяину и... плакал.

Увидев такую картину, железные парни из крылатой пехоты, уже многое повидавшие на этой войне, не единожды выносившие с поля боя погибших товарищей, срывали с себя голубые береты и утыкались в них лицом, пытаясь сдержать скупые мужские слезы.

Слезы, слезы... Сколько их пролито за последние два года! Наверное, уже всю Чечню можно затопить горькими материнскими слезами. Потускнели, выцвели заплаканные глаза. Только не меняются глаза сыновей, запечатленных на фотографиях: такие же по-дет-

ски шаловливые, с легким прищуром, искренней улыбкой, полные жизни и уверенности в будущем.

Саша Бузин в армию пошел с удовольствием. В нем генетически было заложено то, что когда-то активно воспитывалось в юношах: чувство долга перед Отечеством. Он искренне полагал, что тот, кто не служил в армии, не может считаться настоящим мужчиной. Чтобы "закосячить" от службы, даже и речи не было. Хотя имелись веские основания задуматься над этим: сердчишко пошаливало, зрение ниже нормы, перед самым призывом руку сломал. Местных эскулапов уговаривать долго не пришлось: хочешь — иди служи. Да и его величество план мертвой хваткой держал военкоматовских чиновников за горло. Из кого еще, если не из рабоче-крестьянских парней, комплектовать нынче армию?

Уже оскомину набрали разговоры об альтернативной службе. Некоторые пацифисты-уклонисты даже проводят эксперимент с государством: дескать, нет закона об альтернативной службе — меня это не волнует. В Конституции сказано, будьте добры обеспечить. В армию не пойду, не могу взять в руки оружие по религиозным мотивам. И попробуйте меня достать. Суд? Ради Бога. Формально они правы. Только искренне ли все это: и религиозные убеждения, и прочие веские основания заменить военную службу на альтернативную. Саша Бузин тоже верил в Бога. Но эта вера не мешала, скорее наоборот, помогала ему выполнять воинский долг. И в армии он не расставался с Библией. Строки из Первого соборного послания Святого Апостола Петра, выделенные в книге, наверное, были его путеводной звездой.

...Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство.

...Уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему.

...Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры.

Саша и жил по этим принципам. Умел дружить и ценил дружбу. В его записной книжке оставили свои пожелания сослуживцы старшего призыва, увольняющиеся в запас:

Саня! Желаю тебе отлично дослужить и вернуться домой к своей семье. Также я хочу, чтобы ты хотя бы изредка вспоминал меня. Ты классный парень. Я рад, что с тобой познакомился. Останься таким навсегда. Твой сослуживец Евгешка. 2.08.95г.

Да, к глубокому прискорбию, Алек-

сандр Бузин останется таким... навечно в памяти родных и друзей.

Малой! И вот я уезжаю. Желаю тебе всего самого наилучшего в жизни. Малой, держите взвод. Если что нужно, пишите, помогу. Жду в гости. Не забывай меня и не обижайся, если когда грубил. Заранее — с Новым годом. Джавад. 26. 12. 95г.

На обращение "Малой" Саша не обижался. Ну что поделать, если он и вправду был маленького роста. "Ничего, — шутили сослуживцы. — Ты хоть и маленький, но крепко стоишь на земле. И ветер не унесет, вон какие сапожищи таскаешь". Он действительно, несмотря на свой маленький рост, носил обувь большого размера. Однажды чуть не пострадал из-за этого.

Это было в первой чеченской командировке. Как-то Саша вернулся в расположение взьерошенным и возбужденным. От расспросов сослуживцев отмахнулся. Но через несколько минут в подразделение "на разборки" пришли спецназовцы. Оказалось, какой-то строптивый "пехотинец" поднял руку на супермена. Когда они узнали, что обидчиком является тот самый Малой — их благородство все же взяло верх. Они даже и не знали, что произошло. Скромный, тихий Саша Бузин не стал ерничать и играть на покатывающуюся от смеха публику. Он сказал просто: "Хотел разуть меня. Мои новенькие берцовки понравились. Пришлось пустить в ход ремень".

Саша всегда "делал добро, искал мира и стремился к нему". И это, пожалуй, единственный на памяти сослуживцев случай, когда молодой солдат Бузин "воздал злом за зло".

Александр Бузин уверенно стоял на земле не только потому, что носил огромные тяжелые ботинки. Он с оптимизмом смотрел в будущее, обучился любимому ремеслу и работу надеялся найти по душе. Еще до призыва на действительную военную службу закончил профессионально-техническое училище и получил специальность столяра-краснодеревщика. Полено или обычный кусок дерева в его руках превращались в зверьков или сказочных персонажей. Первым ценителем его искусства был младший брат Лешка. Такие дети из российской глубинки, не избалованные заморскими трансферами и "лего", привыкли сами придумывать себе игры и игрушки. Лешке повезло, что у него был такой старший брат.

Больше года Саша проработал в лес-промхозе. Провожали его в армию всей бригадой. "Удачи тебе в солдатской службе, — говорили рабочие. — Пусть это время пролетит как два дня. Если будет

трудно, вспомни, что в далеком краю, в Тюмени, в городе Советском есть в бригаде путейцев классные ребята, которые тебя помнят и ждут твоего возвращения". Давно подмечено, что не место красит человека, как бы ни пытались доказать обратное разные карьеристы и приспособленцы. Если человек относится к своему делу ответственно, если на него можно положиться в любой ситуации, то его будут ценить окружающие люди, будут добром отвечать на добро. И в рабочей бригаде, и в воинском коллективе.

Саша по-своему видел мир, ощущал гармонию и воспринимал прекрасное. Именно это и позволяло ему осознавать себя в окружающем мире, наверное, как никому другому, давало возможность общаться с живыми существами и добиваться взаимопонимания. Это качество и сумел разглядеть в новобранце командир взвода специалистов служебных собак прапорщик Ю. Нечаев. Взвод небольшой, всего-то шесть человек требовалось на вакантные должности. Александр очень любил животных и мечтал служить инструктором.

О дружбе Саши с его четверногим воспитанником Джоном можно говорить много. Они встретились после того, как частью были закуплены новые собаки. Бужин несколько дней буквально дневал и ночевал у вольтера. Когда ему предложили отправиться в учебный батальон, чтобы немного подковаться теоретически и подучить Джона, Саша сразу же согласился. Но этому не суждено было осуществиться. Кандидатам необходимо было пройти медицинскую комиссию. Требования жесткие. Специалисты-собаководы говорят, что дрессировщик должен быть настолько силен и вынослив, чтобы тащить на себе своего питомца, если собака выдохнется, преследуя нарушителя. Понятно, со своим больным сердцем Саша так бегать не смог бы. Однако он уговорил командира оставить его во взводе, пообещал, что в подразделении самостоятельно осилит науку дрессировщика и никогда не будет жаловаться на трудности. Тем более минно-розыскные работы требуют несколько иных качеств, чем работа по следу.

Рядовой Бужин слово сдержал. Первые же профессиональные соревнования, а прапорщик Ю. Нечаев проводил их частенько, показали, что в подразделении растет хороший специалист. Педантичное исполнение предписаний всех инструкций, умноженное на трудолюбие и любовь к животным, не замедлило сказаться. Саша через полгода был среди лучших и получил заслуженную награду за отличные показатели в общей и специаль-

Саша, добрая душа, с детства любил братьев наших меньших.

ной дрессировке. Не забыл он и своего питомца — у знакомых поваров выпросил для него сочную мозговую косточку.

Порой аж коробит от казенного корявого языка различных сводок и отчетов: "Умело применив собаку, рядовой А. Бужин обнаружил и обезвредил 9 мин, 6 фугасов и склад инженерных боеприпасов..." Применил собаку — словно минискатель какой. Слово применить ее может кто угодно: вот взял и применил. Им, наверное, и невдомек, что для того, чтобы ее "применить", нужно длительное время делиться с ней последним куском — в самом прямом смысле, давать ей свое тепло и порой согреваться от нее студенными ночами на далекой заставе.

Однажды Джон заболел. Все обошлось, выходил, вылечил его Саша. Родители только спустя некоторое время получили письмо от сына. "Сегодня случилось ужасное, — писал он, — заболел Джон. Его хотели пристрелить, я не дал, уговорил оставить. Отнес в медчасть, там поставили уколы. Оттого что ничем не могу помочь Джону, даже всплакнул".

Чеченская война приковывала к себе внимание всей России. У военных свой взгляд на нее: одни уже там побывали, другие — сейчас там месят сапогами грязь, третьи — готовятся в любое время отправиться на передовую. В Ханкале и Ассиновской с самого начала боевых дей-

ствий дислоцировались сводные подразделения части. Когда поступила команда заменить их, Александр попросил направить и его. Он готовился к такой командировке. Ему не терпелось на практике в боевых условиях проверить, на что способны они с Джоном. На занятиях — это одно. Порой Саша начинал сомневаться в рабочих качествах Джона, подумывал, что собака уже привыкла к учебному городку, потому-то все так хорошо и получается. Своему другу, с которым они вместе росли и учились, Саша писал: "Хочу ехать в командировку в Чечню. Но не знаю, как сообщить об этом родителям. Они узнают, что я там, переживать будут".

Но военная машина крутится по своим законам. Недосуг ждать, когда боец придумает, как поддипломатичнее сообщить родителям о своей командировке на войну. Пришло время примерять бронезилеты. Надел его и Александр Бузин. Многие сослуживцы не смогли подавить улыбку, глядя на товарища. Казалось, под тяжестью титановых пластин он завалится. Саша посмеялся вместе со всеми. И присутствие ему чувства юмора позволяло все так же крепко стоять на земле. Не до юмора было в Ханкале.

Почти ежедневно поступали сводки с различных участков: погибли... подорвались на минном поле. Подрывались на минах во время боевой работы и саперы. Александра Бузина и его питомца с неопределенной задачей делать все, что понадобится, назначили на одну из застав. Но они и там не сидели без дела. В перерывах между непосредственной службой Саша продолжал натаскивать Джона на поиск взрывчатых веществ. Осматривали они и машины, пытались обнаружить припрятанную взрывчатку. Сослуживцы из стрелковых подразделений удивлялись: утром мы только собираемся на развод — он уже с собакой возится, вечером отдыхаем после службы — Саша с Джоном только возвращаются в подразделение. Грязные по уши — уже успели обшарить все окрестности.

В то время минная война еще не приобрела больших масштабов. Саперы в основном работали по разминированию оставленных боевиками населенных пунктов. Находилась работа и Джону.

Но по-настоящему пришлось потрудиться Александру Бузину со своим воспитанником во второй командировке, в которую Саша поехал уже специалистом первого класса.

"Ни мира, ни войны" — так характеризовали этот период в противостоянии бандформирований и федеральных сил. Боевики, предвидя неминуемый крах, ос-

новную ставку сделали на захват заложников и навязывание правительству непродуктивных переговоров. Одновременно продолжали вести активную минную войну: минировали дороги, здания, жизненно важные объекты. Увеличивался не только объем работы для саперов. Эта работа требовала все более высокого мастерства. Чувствовалось, что с чеченской стороны работают профессионалы. Все чаще встречались мины-ловушки, фугасы с секретом.

После первых удачных разминирований Саша поверил в себя и в своего четвероногого помощника. А когда в районе Орехово ими были обнаружены и обезврежены девять мин, шесть фугасов и склад инженерных боеприпасов и взрывчатых веществ, даже этот скромняга Саша Бузин не без гордости подумал, что они действительно профессионалы. Теперь без колебаний, без робкого "а вдруг не справлюсь" он брался за любое, самое опасное дело.

В марте прижатые к горам боевики предприняли очередную попытку нанести удар федеральным силам в глухом тылу. В Грозном были одновременно атакованы шесть блокпостов. В это же время в районе населенного пункта Алхан-Кала внутренними войсками проводилась специальная операция. Вновь отличились рядовой Александр Бузин и Джон. На их счету двенадцать противотанковых мин и четыре фугаса.

За пять месяцев командировки эта "сладкая парочка" обнаружила сотни затаившихся в земле смертей.

В начале мая рядовой Бузин был придан роте разведки воздушно-десантной дивизии. Опытнее его и Джона в подразделении не было.

— Иди поработай с десанниками, — шутили сослуживцы. — У тебя опыт общения со спецназовцами имеется. Если что, ты их ремешком отходи. Сразу покладистее станут.

Помнили тот случай с берцовками в первой командировке. Александр думал о другом: не опростоволоситься бы перед братьями по оружию.

Начались нелегкие рейды по тылам бандформирований в районе Бамута. Саша чувствовал, что в этих боевых порядках он ведущий. По нему сверяют шаг остальные. В противном случае можно шагнуть и ненароком наступить на одну из тех двадцати мин, что были обнаружены Джоном.

Саперы всегда работают на некотором удалении, чтобы не подвергать опасности товарищей. Но инструктору служебно-розыскной собаки в этом отношении по-

легче. Против коварной взрывчатки они все-таки вдвоем с собакой.

Многочасовые рейды выматывают основательно. Но расслабляться Бузин не позволял ни себе, ни Джону. За ними — разведгруппа. Допустят ошибку — погубят всех.

То и дело приходилось останавливаться, дожидаться, когда подтянутся остальные. Вот опять Джон подал голос. Точно, мина. Саша устанавливает красный флажок и устало опускается на колено. Дождаться разведгруппу и, пока будут работать саперы, можно передохнуть поблизости. Но неожиданно спокойный, уравновешенный Джон как-то нервно заметался возле кустов, несколько раз остановился, вытягивая шею, принюхался. "Так может вести себя собака только на работе по следу", — сразу сообразил Бузин. И Джон действительно запетлял, будто пытался отыскать потерянный след.

— Джон, ко мне! — вполголоса, но твердо скомандовал псу. Тот нехотя подошел к хозяину, а сам все всматривался в кустарник. Бузин присел за куст, приготовил оружие. "Там явно какие-то люди, — мелькнула мысль. — Может быть, засада, а может, настигли чеченских саперов, по следам которых шли и обезвреживали мины". Саша оглянулся: как бы предупредить разведчиков? Джон зарычал, а Бузин заметил мелькнувшие поверх кустов черные шапочки. Боевики! Они явно видят солдата с собакой и соображают, как бы их захватить. И наверняка знают, что за ними идут разведчики. Бузин снимает автомат с предохранителя и посылает короткую очередь в кусты. Там кто-то зарорал по-чеченски вперемежку с русским матом, вскочил и прыгнул в овражек. Джон не выдержал такого соблазна и бросился на задержание. Сразу же с той стороны полоснула автоматная очередь, собака, жалобно заскулив, рухнула на траву и, волоча окровавленные задние лапы, устремилась к хозяину искать защиты. Александр ответил длинной очередью, а сам все оглядывался, не видно ли разведчиков. Поняв, что тихо захватить солдата теперь не получится, как не удастся и внезапно напасть на разведку, под возгласы "Аллах акбар" боевики открыли по нему массированный огонь. Александр патронов тоже не экономил, знал, что вот-вот должны подойти десантники. Главное — они теперь знают, что впереди засада. Перестрелка была скоротечной. Пока подоспели разведчики, боевики успели скрыться. Раненых и убитых унесли с собой. На том месте, где они находились, десантники обнаружили кровавые пятна.

Джон, положив голову на передние ла-

пы, лежал возле своего хозяина и никого не подпускал к нему. Из его глаз катились огромные слезы.

Младший сержант Александр Бузин погиб. Ценой своей жизни предотвратил гибель разведчиков и обеспечил выполнение поставленной задачи. Он так и не узнал, что ему было присвоено воинское звание "младший сержант", а Россия вписала его имя в списки своих Героев.

Хоронили солдата на его родине. Провожали Сашу в последний путь всем поселком.

— Мы Сашу в военной форме даже не видели. Уже после его гибели ребята фотографии прислали, — говорила мама. — Как расстались с ним в декабре 94-го, так больше и не виделись. В отпуске он не был, все ждали возвращением после службы. Так теперь и будем всю жизнь ждать...

Валентина Валентиновна прижала к себе головку младшего сына.

— Я вот думаю о другом. Для какой еще боины я ращу своего Алешку? Найдется ли умный правитель, который сможет остановить эти кровопролития?

Семья Бузиных — скромные простые люди. Они не стучались в разные кабинеты, требуя хотя бы материального возмещения этой все же ничем не восполнимой утраты. До последнего времени жили в обветшавшем, продуваемом тюменскими ветрами вагончике. Местные власти выделили немалую денежную сумму на похороны — вовек им благодарны будут родители погибшего солдата.

Комитет солдатских матерей обратился к местным властям с просьбой купить семье погибшего добротный дом в поселке. Не отмахнулись те от просьбы, нашли все-таки деньги. Говорят, уже даже дом присмотрели. Так что, слава Богу, хоть в этом семья "убиенного воина" не будет испытывать нужды.

После похорон мама попросила представителя части, где служил ее сын, отдать ей Джона.

— Саша в него столько души вложил, пусть хоть эта его частичка вернется к нам.

Очень хотелось военным хоть чем-то утешить убитую горем мать. Надеялись, что Джон им поможет в этом, поправится все-таки, и можно будет его отдать на воспитание в семью Саши Бузина. Но увы. Военный пес Джон пережил своего хозяина только на месяц...

Подполковник И. МУЧАК.

Еще гуляет зло по белу свету,
Еще враги стреляют из засад,
И подлецы не призваны к ответу —
Не опускай, братишка, автомат!

Игорь МОРОЗОВ.

Волк под копытом дончака

Тактическая аксиома: успех в боевых операциях всегда сопутствует тому, кто первым оседлал господствующие высоты.

Господствующую высоту в Грозном офицеры и солдаты называли уменьшительно-ласково: «наша горка». Нашей она была до последнего дня пребывания 101-й бригады на территории враждебно-чужого города. После замирения, повинувшись приказу, оставили все блоки, Минутку: подавиться! Но за «горку» решили держаться мертвой хваткой: хуже нет, когда противник глядит на тебя сверху, отслеживает каждый твой шаг. И еще один важный объект за

Окончание. Начало в № 2, 3

пределами пунктов базирования ОСБРОН отстояли — забаррикадированный чердак в здании больницы рядом с пятнадцатым городком.

Даже далекий от армии человек, очутись он на «горке» или в извилистых чердачных лабиринтах, мысленно поаплодировал бы комбригу, дерзнувшему под самым носом «мирных» боевиков оставить подразделения прикрытия, способные и себя защитить, и базу огнем поддержать. «Высотные» опорные пункты: танки и бэтээры в окопищах, минометные гнезда, хорошо укрепленные огневые точки пулеметчиков и снайперов, запасные позиции. Хозяйство под больничной крышей: плотно запломбированные входы и выходы, завалы на лестничных площадках, в каждой бойнице — ствол. А главное — отлично просматриваются пути, веду-

щие к городку. Не зевай только, в оба гляди.

Меры предосторожности, принятые командованием на случай обострения обстановки, — словно знак качества в отлаженной системе боевой работы 101-й. Научены горьким опытом замиренений и мораториев, навязанных по лукавому принципу: шаг вперед — два шага назад. А когда звучит команда “назад”, так и знай — пошла игра в одни ворота: бандитам раздолье, военным — жесткие пути. В этих условиях дерзость да хитрость только и спасали. Плюс боевая инициатива с риском “испортить отношения” с “Главным Штабом Вооруженных Сил Чеченской Республики” и органами местной власти. Зато превентивные меры, к великой досаде “волков”, умение предвидеть внезапный поворот событий в период странного мира после странной войны дали возможность застраховаться от потерь при подготовке к выводу подразделений, сохранить людей и технику. Расчет был до гениального прост: навалятся паче чаяния “непримиримые” на городок — и тут же с “горки” ударят недосыгаемые для боевиков “самовары”, отсекая штурмующих от ограждений, бабахнут танковые стволы, давно нацеленные на участки вероятного скопления противника; одновременно с чердака больницы влупит в упор из автоматов и пулеметов команда бывалых солдат.

Некоторые полевые командиры reagировали на силы прикрытия 101-й, как бык на красную материю. Всеми правдами и неправдами пытались заставить комбрига ликвидировать опорные пункты, снять пост. Но полковник Юрий Денисов*, хорошо зная цену клятв и заверений именем аллаха и чеченского правительства, твердо стоял на своем: подразделения, закрепившиеся на верхотуре здания и на “горке”, останутся там до тех пор, пока базу не покинет последняя колонна. Так-то оно спокойнее — с надежным охранением. Ну а

разгромить боевые анклавы бригады — кишка у аллахакбаровцев тонка.

Штурмовать больницу внезапным наскоком не рискнули бы даже сумасшедшие. У “духов” еще свежи в памяти августовские бои. Несколько раз пробовали в те дни прорваться к чердаку, да только кровью лестницы залили, под окнами оставили около двадцати трупов. Стойко держались в осаде бойцы во главе с прапорщиком Владимиром Шашкиным, отбивая атаку за атакой. Как и товарищи их на Минутке, сэкономили каждую флягу воды, каждую банку тушенки. Исхудали до невозможности, прокоптились в тесных продымленных лабиринтах, словно трубочисты. Однако ни у одного солдата даже мысли не возникло о капитуляции, когда бандиты предложили сложить оружие, пообещав щедро заплатить за предательство. В ответ на ультиматум над больницей взвился алый флаг — полотнище, сшитое из марли, пропитанной краской: знайте, враги, победа за нами!

На “горку” соваться — вовсе гиблое дело. Сказано же: господствующая высота. И боевой настрой в четвертом БОНе, контролировавшем сверху подступы к городку, был ниже, чем у защитников поста в больнице. Об этом свидетельствует герб подразделения, которым солдаты мечтали украсить борт командирского бэтэра. Разгоряченный скакун копытом прижимает к земле волка с перебитым хребтом, другая нога дончака занесена над головой поверженного хищника для последнего смертоносного удара. Тоже красноречивый символ победы — как вызов роковым обстоятельствам, сорвавшим запланированную операцию по уничтожению “волчьей” стаи. Как доказательство непоколебимой веры в правоту своего дела. Знак боевого и морального превосходства над противником, придуманный не пустого бахвальства ради.

Глядя на рисунок герба, вспомнил разговор в палатке первого батальона накануне “экскурсии” на “горку”.

— Принесла же нелегкая Лебеда перед большой охотой! — рубили о

* Некоторые фамилии изменены.

наболевшем мужики. — Ведь все было схвачено у нас в двадцатых числах августа. Грозный блокировали, наводнили войсками. Из районов скопления боевиков мирные жители эвакуировались. Можно было смело крушить отряды бандитов снарядами и бомбами. Наступая им на пятки, долбить силами резервов. Вместе с армейскими частями вывели бы из Грозного всю погань. Да и сами, без поддержки, могли справиться с измотанными бандами. “Чехи” лютуют и кажутся удалцами в крупной стае, когда за ними численное превосходство. А как только начинаешь серьезно давить на них, куда только гонор девается. Не случайно “духовские” главари шли на переговоры с блокпостами. Слабо было взять укрепленные позиции, сломить наших солдат. Потому и блефовали, неоднократно предлагали сдаться...

— И все же чеченские боевики — серьезный противник, хорошо бьются, гады, — вставил правдивое слово комбат-один майор Сергей Иванов. — Мне и моим солдатам приходилось вплотную сшибаться с “моджахедами”. Знаю их сильные стороны. Но все равно преимущество всегда оставалось за внутренними войсками, верно говорят офицеры. И в оборонительной, и в наступательной тактике. Случались, конечно, у нас ошибки — гладко только на картах. А в целом (тут, я считаю, большая заслуга комбрига) воевали грамотно и расчетливо. Шерстили сволочей будь здоров. Каждый день проводили спецоперации — зачищали жилые кварталы, уничтожали бандитские опорные пункты, пробивали бреши в кольце блокирования, отвлекая “духов” от войсковых КПП. Короче, загружали врагов по полной программе. Причем работали нестандартно, шевелили мозгами, использовали тактические приемы, подсказанные опытом контрпартизанской войны. К примеру, просачивание сквозь боевые порядки противника. При хорошей подготовке и четком управлении очень эффективный метод. В чем его особенность? Штурмовой отряд движется к цели не массой, а россыпью,

разбившись на малые группы. Затем по сигналу командира быстро концентрируется в указанном месте и уничтожает застигнутых врасплох душманов сосредоточенным огнем. Такие действия были полной неожиданностью для абреков. Они к чему готовились? Русский Иван дуриком попрется в лоб на броне, тут капкан захлопывается — и заказывай панихиду. Однако Ваня хитрее оказался. Пехом обходил супостата с фланга, незаметно проникал в тыл, занимал выгодную позицию и мочил так, что шуба заворачивалась...

В голосе комбата — мажорные нотки. Гордость за своих солдат и офицеров. И то сказать, восемь раз водил в бой штурмовые группы, видел, как сражались мужики и безусые мальчишки. Особенно памятна операция, в ходе которой уничтожили несколько грузовиков с боевиками и “уазик” с полевым командиром и штабом. На счету батальона и взаимодействующих с ним подразделений — восемнадцать плененных “духов”. Тоже не второстепенный результат, если учесть, что их обменивали на наших раненых из заблокированных КПП.

Во время замирения чеченцы говорили Иванову: “У вас хорошо организованная банда, таких живучих, как вы, не встречали еще”. Самая объективная оценка — похвала из уст противника (правда, насчет банды — все с точностью до наоборот). А вот свои “миротворцы”, быстро сговорившиеся с “бойцами сопротивления”, отозвались о русском солдате по-другому: “мясо”... Таким образом обыватель коварно внушалась мысль: в Чечню брошены части, укмплектованные слабачками-заморышами, с такими не расхлебашь заваренную кашу — куда им против матерых фанатиков. И ведь наверняка знали (не могли не знать!) о планах командования войск по ликвидации бандитской группировки в Грозном, о критическом положении выдохшихся боевиков во второй половине августа и мощном потенциале федеральных сил, сосредоточенных для нанесения контрудара. О том, что в войсках на-

коплен бесценный фронтовой опыт, командиры хорошо овладели тактикой противодействия незаконным формированиям и есть еще у служивых порохов пороховницах.

Оставалось, в буквальном смысле слова, день простоять да ночь продержаться — и обрушилась бы нога дончака на оскаленную пасть хищника...

“Не сажайте волкодава на цепь”

(размышления
меркантильного
капитана)

— Недавно прочитал “Аквариум” Суворова, один эпизод там запомнился, — говорит наш “гид” на “горке”, заместитель командира четвертого батальона по работе с личным составом капитан Павел Соколов. — В разгаре учения. На стартовую позицию ракетной батареи условного противника врывается танковая рота. Старлей, ротный, в азарте принимает решение — атаковать. Не часто выпадает такая удача! Круши! Машины разворачиваются в боевой порядок. Заряжающие бросают снаряды на досылатели. Наводчики вцепились руками в пульта прицелов. Бешено рвут рычаги водители. Скорость! Близок упоительный миг победы. И вдруг в шлемофоне — голос проверяющего: “Выводи роту из боя!” — “Ах черт! — ругается про себя командир. — Да кто же в такой момент людей от любимого занятия отрывает? Проверяющий, твою мать, ты же моих жеребцов в импотентов превратишь! Кто тебе право дал портить великолепную роту? Ты, хрен тебе в зубы, враг народа или буржуйский вредитель? Я бы на орудийных стволах вешал тех, кто лишает бойцов наслаждения атакой”. Но приказ есть приказ. И старший лейтенант командует отбой...

Очень похожая ситуация сложилась в Грозном в двадцатых числах августа. Свалились как снег на голову “посреднички” — нашу бригаду, все

войска стреножили в самый решающий момент. Не буду обсуждать мотивы вводной, Бог им судья, “радетелям” Отечества. Результаты — вот что важно. Исправили ошибку, остановили кровопролитие. Да, но какой ценой?! Ценой невиданного унижения военных, и без того обделенных державой, ценой позорных уступок сепаратистам. Разве не так? Армия должна жить верой в победу, это духовный стержень наш. Выдернуть его — все равно что оружие заклинить, отключить аккумуляторы в боевых машинах на рубеже атаки. Правительство обязано жестко и последовательно отстаивать жизненно важные государственные интересы. Как там у Высоцкого? “А вещий Олег свою линию гнул, да так, что никто и не пикнул”. Увы, забывают азбуку истории. Играют в поддавки. С кем? С теми, кого вчера сами же назвали преступниками.

Мир, штыки в землю! Да с превеликой радостью, уважаемые господа. Если б гарантия была, что сиюминутный выигрыш завтра не приведет к стратегическим потерям, новому кровопролитию. Кто даст такую гарантию? Генерал Лебедь? Масхадов? Радуев? Помните, в “Хождении по мукам” спрашивает моряк у Нестора Ивановича: “Вот кончится заваруха, и что тогда станете делать? Разбойнички в армии батьки Махно, а нашему банды, работать не привыкли. Значит, вам нужно либо выпустить их дальше грабить, либо вывести в овраг и там кончать”. Так и здесь. Три года в дудаевской Чечне бандиты издевались над русскими — грабили, убивали, изгоняли беззащитных людей с насиженных мест, потом направили оружие против федеральных сил, посланных наводить конституционный порядок. А сейчас проявят сознательность и сложат стволы?! Сказочка для наивных! Вкусивший крови волк не станет щипать клевер. Привыкший к убийствам и насилиям боевик и дальше будет заниматься преступным ремеслом. Разбойничать, захватывать людей в рабство, устраивать набеги и теракты. Делать бабки на крови. Только не в Чечне,

разумеется, а у соседей. Это как пить дать. Поверьте старому меркантильному капитану.

— Почему меркантильному, спросите? — крепко затягиваясь “Примой”, шевелит усы ироничной улыбкой. — У нас в бригаде все офицеры и прапора меркантильные. А я чем хуже? В Чечню приехали вроде как за льготами. Квартиры обещаны вне очереди, право выбора места службы по желанию, двойные оклады, командировочные, год — за три. Поди плохо. Ну а, по-серьезному говоря, разве не заработали честным трудом эти блага? Кто-то мощно набивает, торгует Россией оптом и в розницу. И ничего. Почет, уважение богатым. Наш брат в погонах, голь перекатная, за Россию воевал. В каких условиях — сами видите. Что, после этого не имеет права пожить по-людски?

Мы беседуем в “кубрике” — офицерской канцелярии. Рядом спальные помещения солдат, комната для хранения оружия, кухня. Все как в обычном жилище военных. Ежели не брать в расчет существенную деталь: четвертый БОН обустроил свою обитель... в подzemелье. Когда-то на “горке” размещалась точка ПВО, в пустующие катакомбы-блиндажи и заселились оседлавшие сопку взвзщники. Условия, конечно, — хуже бы, да некуда. Въевшаяся в стены грязь и копыть, всепроникающая сырость, неуютные жуткое. Единственное утешение: явились на готовенькое, не пришлось возиться с рытьем землянок, где тоже не сахарное житье-бытье. А что без удобств, в постоянном напряге, так боец-окопник наш — двуличный, все способен перетерпеть. И терпит, родимый. Даже осознав поганую, горькую правду войны, не падает духом. Утверждает правду *свою боевую*. Неофициальными гербами, знаменами-самостроками. Надписями на стенах катакомб, на бортах машин — в укор “миротворцам” ударившим большую Россию под дых откровенным соглашательством с сепаратистами.

“Нас продали, но не победили!”

“Пусть она не права, но это наша Родина”.

“Мы сюда еще вернемся!”

Ясное дело, не без влияния отцов-командиров и “замполитов” уходит горечь, дают всходы зерна патриотизма в душах солдатских, войною покалеченных. В каждом подразделении бригады есть офицеры, задающие правильный тон и в бою, и в разговоре “за жизнь”. Вот и Соколов... Видели, как тянутся к нему измытаренные мальчишки? Чувствуют: надежный мужик. Знает что почем, рядом с таким не пропадешь. В деле решителен и скор. С личным примером в трудную минуту не задержится. На меткое слово ухватист. Подбодрит, развеселит приунывшего воина. Поможет распутать клубок непростых вопросов...

— “Нас называют “псы войны” столичные кликуши...” — продолжает монолог меркантильный капитан-книгоеч, подкрепляя его для убедительности очередной цитатой из бардовской песни, в душу запавшей. — Что ж, я не в обиде. Чем больше узнаешь иных людей, тем сильнее начинаешь любить собак. По крайней мере, они верно служат, не предадут своих хозяев... Впрочем, есть возражение по поводу нашего прозвища. Мы не просто верные псы. Мы — волкодавы. Породистые, натасканные на хищного зверя. Нам командовали — “фас!”, и мы, обливаясь кровью, трепали стаи разбойников. Нас сажали на цепь — стоило захрипеть волку, схваченному за горло. Раз, другой, третий. Потом вновь кидали в бойню, чтоб опять надеть ошейник в миг победы. Нас хреново кормили, ругали почему зря. Мы терпели и продолжали делать свое дело, ради которого явились на свет. Сторожили, защищали, боролись с врагами, жертвуя собой. И сейчас готовы к схватке. Только с силами дайте собраться. И не сажайте больше на цепь, не воруйте нашу победу...

Эпиллог.

“Дела не доделаны, но...”

Хороший образ придумал деловито-речистый “комиссар” неприступной “горки” в мысленном споре с московскими кликушами: окржав-

ленные, израненные защитники и стражи остались верны своему долгу и призванию. И что там ни доказывали с пеной у рта ангажированные журналисты и кабинетные грамотей-державоненавистники, украденная, отнятая у военных победа была и остается плодом труда тех, кто ее ковал. Нынче судьба неласковая продиктовала им, бойцам ОСБРОНа, строки «афганской» песни на кавказский мотив: «Дела не доделаны полностью, но мы уходим, уходим, уходим, уходим». Офицеры ответили в унисон: еще не вечер, и приказ стоять на страже еще никто не отменял.

Они будут верно стеречь и защищать, вспоминая, рассказывая необстрелянным новобранцам — для воспитания мужества и боевого духа — о героизме и мужестве ветеранов чеченского похода. О коллективном подвиге защитников КПП и Минутки. О личном примере комбрига, его заместителей полковника Александра Гладкова, подполковника Евгения Кудасова и других офицеров управления бригады, возглавлявших штурмовые отряды, рисковавших во время проведения спецопераций наравне с солдатами. Поставят в пример молодым офицерам комбата майора Игоря Бунина: в бою получил множественные осколочные ранения, отказался от госпитализации и продолжал управлять огнем батальона — перевязанный простынями, потому что

бинты не могли остановить кровотечение. Расскажут о стойкости комроты старшего лейтенанта Александра Еремина, который вытащил из-под огня тело убитого товарища, сам был тяжело ранен — пуля прошла в верхушку от сердца, не разрешил вколоть себе промедол, команду штурмовой группой, привел ее к базе. Не раз вспомнят о том, как погиб механик-водитель БМП рядовой Сергей Дранный, спасая десант в горящей машине... Как старшина Денис Соловьев и лейтенант Александр Буженин ночью проникли в тыл врага, подобравшись к опорному пункту и, забросав его гранатами, вдвоем уничтожили около тридцати «духов»... Как 37 часов кряду, не покидая танка, без промаха бил из пушки по огневым точкам противника прапорщик Петр Колосков...

Пока остаются в строю такие люди, пока жива память о тех, кто отдал жизнь за други своя, не сломят бригаду ни с фронта, ни с тыла.

Пока враги стреляют из засад, пока скалят зубы недобитые «волки», будут еще у 101-й боевые дела!

Полковник Ю.КИСЛЫЙ.
Фото О.СМИРНОВА
и из архива ОСБРОНа.

Как это было

*В 20 лет седина
У пришедших из ада.
Штабникам ордена,
А нам пуля — награда.
Снова группа встает,
Время зря не теряем.
Завтра все мы уйдем,
За кого, не узнаем.*

Капитан
Владислав В.

Где "Юг", там и жарко

В мою последнюю командировку в Чечню познакомился с командиром группы специального назначения "Юг" капитаном Владиславом В. (боевой псевдоним — Шаман). О нем, о его подчиненных и славных делах их рассказал мне один знакомый офицер главка, он же при случае и познакомил меня с капитаном В. Первая наша встреча была скоротечной: и я, и командир "южан" спешили по своим неотложным делам. Чтобы поговорить обо всем спокойно, обстоятельно, условились встретиться вечером, в палатке у спецназовцев. В назначенное время Владислав поджидал меня у КПП. Но и в этот раз разговора не получилось — утром следующего дня группу перебрасывали в район Бамута, и по традиции спецназовцы устроили маленький "отходняк". Под брезентовой крышей собрались друзья, боевые товарищи, с кем пришлось расхлебывать лиху. Попытались было уединиться с Владиславом для разговора, но ничего из этого не получилось — гости требовали внимания. "А знаете что, возьмите наш коллективный дневник, — нашел выход из ситуации командир. — Там кое-что про дела группы написано. Особенно про августовскую эпопею. При случае вернете". Утром следующего дня я пришел на то место, где стояли "южане". Палатки уже не было. Спецназ легок на подъем.

Из коллективного дневника ГСН "Юг"

17 августа 1996 года.

Получили приказ любой ценой доставить боеприпасы на заблокированное КПП. Необходимо было двигаться по течению реки Сунжи примерно километров десять. Река Сунжа, вдоль которой намечен наш маршрут, протекает через весь Грозный. На нашем пути стояли три КПП противника и два наших КПП. С самого начала эта затея показалась мне невыполнимой. На свой страх и риск я решил изменить маршрут, никому об этом не сообщая. По моим предположениям, подходы к каждому КПП, которое мы должны были проходить, заминированы. К тому же связь с КПП была неудовлетворительной, да еще переговоры прослушивались противником, что могло привести к гибели группы.

Приехав в исходную точку нашего маршрута, я встретился с безразличием командиров, которые должны были обеспечить наш беспрепятственный проход через позиции федералов и МВД. Случайно наткнулся на

майора ГРУ, который был в моем положении не однажды. Именно он дал мне полную раскладку по району, возможным засадам, местам концентрации противника.

Позже, вспоминая нашу с ним встречу, я понял: если бы не та информация, которую я получил от него, вряд ли бы сейчас был живой. Перед выездом меня предупредили: "Если куда встрянешь, вытаскивать тебя никто не будет".

Майор-"гэрэушник" знал это не хуже моего, поэтому перед нашим выходом дал позывные и частоты своей радиостанции, заметив при этом: "Если спецы не помогут спецам, то что же?".

В наших кругах существует понятие "спецовское братство". Это то, что помогло нам выжить, выполнить приказ и уничтожить встретившегося противника.

Уже темнело. Мы выдвинулись короткими перебежками в сторону здания, стоявшего на проспекте Победы. По моему плану мы должны были дождаться там темноты и двинуться переулками к конечной точке. Вошли в здание, там были наши. Семь спецов из сорока, которые уцелели после боев. Встретили нас как братьев. Выставили на стол все, что у них было съестного. Поболтали о жизни нашей, вспомнили погибших, среди которых оказались общие знакомые, водку пить не стали.

Десять часов вечера, стало совсем темно. Мы выдвинулись. Двигались вперед перебежками — от дерева к дереву, к сгоревшей "бээмпэшке". Я шел первым.

Дорога была усеяна трупами наших бойцов, погибших в течение недели. Запах стоял жуткий. Шли тихо. Дошли до перекрестка, где ожидалась встреча с противником. Вдруг заработал пулемет, который начал простреливать проспект. Мы прижались к стенам. Судя по тому, что пули не бились о стены, пулеметчик нас не видел.

Пройдя еще метров сто, я засел за дерево, ждал подхода второго номера. В здании напротив раздалось два

хлопка, два трассера ударили в стену в сорока сантиметрах от моего левого плеча. Понял: снайпер бьет на шум. Из того же здания вылетела ракета. Я залег между трупами — место среди них было только для меня одного. Ракета осветила и меня, и трупы. Второй номер, пригнувшись, спрятался за деревом.

Эта картина, видимо, не вызывала интереса у снайпера. Дождавшись, когда ракета погаснет, я двинулся дальше. Прошел метров десять — еще две пули того же снайпера ударились за моей спиной. До поворота оставалось метров пять. Тут произошло то, чего я боялся больше всего. Из-за поворота и стали долбить черт-те куда, не давая нам пройти вперед.

В свою очередь, пулеметчик, работавший по проспекту, не давал нам перейти на другую сторону улицы, где бы нас не достал снайпер. Я принял решение отойти в разрушенное здание и занять оборону. Мы отошли под непрерывным огнем. При этом свели счеты со снайпером — ударили по нему ВОГами, и он заглох. Не знаю, надолго или навсегда.

18 августа 1996 года.

Отсидевшись в здании часа два, уже утром 18 августа двинулись к спецам. Встретились с парнями, тоже спецями, которые рискуя дали нам два БТРа. На них мы погнали во весь опор. Нохчи обалдели от нашей наглости. Стреляли в основном вдогонку.

Прибыли на КПП. Поначалу было ощущение, что кроме призраков там уже никого нет. Я заорал, как только мог. Вроде начали оживать.

Мы загнали БТРы на блокпост, заняли круговую оборону. Бойцы снова все забаррикадировали. Сели, успокоились, поздоровались, познакомились. Выгрузили боеприпасы, узнали, что у них прикопанный труп, трое раненых, один — тяжелый.

Два хлопка, две пули над головой бойца ударились в стену. Боец пригнулся, но если бы они попали ему в лоб, пригибаться было бы уже поздно. Снова заняли оборону,

начался бой. Дал команду стрелять одиночными и только по видимым целям. Нохчи стреляли, как правило, наугад. Снайпера, конечно, исключение. В тот день наш пулеметчик положил их стрелка, когда тот перебежал к укрытию. Тогда же с БМП долбанули по снайперу, которого завалило обломками крыши. Еще один "духовский" идиот решил отличиться: залез под черепичную крышу, поднял одну плитку, рассчитывая через нее долбить по нам, при этом осветил свой лоб, как только можно было его осветить. Расстояние было не больше 15 метров, и в его тупую голову можно было попасть даже из рогатки. Он дождался своего часа, получив пулю меж глаз и отправившись на встречу с аллахом. Еще около часа мы долбили друг по другу.

В моменты небольших передышек мирные жители перебежали через мост. Иногда кидая в нашу сторону сигареты, кое-что из еды. Одна сердобольная старушка несла крупу, рассчитывая передать ее на пост. Снова хлопок, бабулька рухнула, скатилась на то место, где раньше была лужа. На удачу, то место не простреливалось нохчами. Ребята ее вытащили, перевязали, уложили на матрац. Пуля ей попала в коленный сустав. Бабулька мужественно терпела боль. С мирными нам удалось передать записку в церковь, и за бабушкой пришли. Дай Бог, она еще жива.

Часа через два нохчи выкинули белый флаг, принесли ультиматум, где предлагали сдаться. Мы ответили по-спецовски.

Через некоторое время по нам пустили газ неизвестного происхождения — слезились глаза, были приступы кашля. Слава Богу, был сильный ветер, который погнал эту дрянь дальше и выдул ее от нас. Потом была еще пара перестрелок, никого не убили, никого не ранили. Мы начали обсуждать, каким путем будем отходить. Омоновцы, стоявшие с бойцами-срочниками, требовали, чтобы мы взяли их с собой.

Один умник даже сказал, что вое-

вать должны военные, а милиция должна охранять общественный порядок. Говорит: "Вы военные, вы и воюйте. А у нас жены, дети, мы хотим жить". Разговор закончили резко, единственной фразой...

Ночь прошла спокойно. Где-то вдалеке веером расходились трассы, наверное, какой-нибудь пьяный вояка поливал в разные стороны.

19 августа 1996 года.

Утром мы загрузили раненых, кинули дымы и двинулись, ощерившись во все стороны стволами, погнались по улицам города. Часа через три пришли на базу. Построил бойцов, поздравил с удачным возвращением, отправил их сдавать оружие, а сам пошел на доклад к командующему.

Мучили долго. Одно и то же докладывал раз пять — всяким разведчикам, своим командирам, командующему. В довершение всего заставили еще давать интервью прессе.

Был и второй выезд. Были засады, но такой удачи, как в этот раз, уже не было. Уже никто не прошел на тот пост, уже никто не видел живыми тех парней.

Позже стало известно, что омоновцы сбежали на следующий день, а полуголодные бойцы так и остались охранять мост. Что бойцу из 101-й бригады, у которого началась гангрена руки, отрубили ее саперной лопаткой. Говорят, выжил.

* * *

Мы снова получаем задание. На этот раз — доставить на один из КПП медикаменты и продукты питания. Парни на этой заставе могли вскоре концы отдать без еды. Но что-то беспокоило нас. Что-то, что мелькает на задворках нашего сознания и чему нет названия. Но это что-то иногда предупреждает об опасности. И вот это ощущение нависшей над нами угрозы не проходило. Оно заставляло нас внимательно собираться и собирать снаряжение.

Задание было совместным. Мы и приданные нам отрядовцы на двух БТРах шли к городу Грозному. Ханка-

ла — исходная точка нашего маршрута и пригород Грозного — незаметно для нас перешла в улицы города. Оба бронетранспортера двигались почти вплотную друг к другу. Причем второй бронетранспортер шел большей частью скрытый облаком пыли, поднятой колесами первой машины. Вот проехали федералов. Теперь мы на чужой территории.

Наша маленькая колонна идет по одной из центральных улиц. Впереди перекресток. Сердце сжимается от предчувствия опасности. Слишком уж спокойным и тихим кажется он. Решаем на перекрестке не останавливаться, а проскочить на скорости.

Но при повороте машины все же замедлили ход, и воздух разорвали выстрелы автоматов и снайперских винтовок. Выстрелом снайпера был ранен в обе ноги наш санинструктор ефрейтор Александр К. Боевики вели огонь с верхних этажей девятиэтажного дома. Мы открыли ответный огонь. Нас спасла только скорость. При той скорости, на которой мы шли, головной бронетранспортер не вписался в поворот, что и спасло его от прямого попадания выстрела из гранатомета. Граната пролетела всего лишь в полуметре над броней бронетранспортера и взорвалась в двух метрах от него, контузив и ранив в голову водителя первой машины. Неуправляемая машина на полном ходу врезалась в железный забор. Десант на броне еле удержался, а вот наш старшина Олег С. сильно повредил ногу, ударившись обо что-то. Вторая машина остановилась рядом с первой и, словно в отместку за повреждение первого бронетранспортера, открыла ураганный огонь по боевикам. Десант обеих машин по команде "К машине" занял оборону за бронетранспортерами и присоединил огонь своего оружия к огню бортового вооружения бронетранспортеров.

Ефрейтору Александру К. и водителю бронетранспортера оказали первую медицинскую помощь. Истекающего кровью санинструктора уложили на носилки и бегом под при-

крытием шквального огня перенесли к ближайшему госпиталю.

После этого было решено перегнать бронетранспортеры с открытого места в укрытие, которым оказалась застава, находящаяся, на наше счастье, неподалеку. При перегоне выяснилось, что первый бронетранспортер при обстреле и от разорвавшейся гранаты получил повреждения. Систему вращения башни стало часто заклинивать, и, что еще хуже, у машины выбивало все передачи, кроме второй.

Застава, на которую мы попали, ужаснула нас. Все бойцы и их командир болели желтухой. Командир заставы предупредил нас о том, что к нему лучше не приближаться, так как у него конечная стадия болезни, за которой следует смерть. Кроме болезни их еще мучал голод. Бойцы больше похожи на тени, чем на людей.

После долгого спора было решено разгрузить продукты и медикаменты на этой заставе — надо было вывезти раненых. После разгрузки мы стали готовиться к обратному прорыву на базу. Мысль об обратном пути наполняла нас тревогой и неуверенностью. При той скорости, на которую рассчитывали, мы оказались бы отличной мишенью для боевиков.

При подъезде к перекрестку, на котором нас обстреляли, мы выпустили дым, и под их прикрытием проскочили в "зеленку", окончательно скрывшую нас от наблюдения противника. По мере продвижения вперед с нас спадала противная дрожь напряжения. Мы несколько подрастеряли осторожность. На этом и подловили нас боевики. Уже видны были позиции федеральных войск, когда из-под забора, тянувшегося вдоль дороги, ударила автоматная очередь. Ею был сражен наповал старшина из отряда. Пуля попала ему под бронезилет и вышла из-под аорты, перебив ее. Смерть была мгновенной. Мы открыли шквальный огонь из автоматов и подствольников по забору. Через несколько секунд нас опять обстреляли. И так же

внезапно, как началась, перестрелка прекратилась.

Уже при подъезде к федералам на большой кочке бронетранспортер взбрыкнул, словно необъезженная лошадь, и с его брони сорвало нашего бойца — рядового Сергея С. Мгновенно вскочив на ноги, он благополучно догнал машину.

Исход этой операции таков: один убитый и двое раненых, но задачу свою мы можем считать выполненной. И мы, как спецы, гордились тем, что выполняем то, что нам приказывают.

22 августа 1996 года.

9 часов утра. Нам поступил приказ выделить две группы по 3 человека, преимущественно гранатометчиков и их помощников.

Выезд снова был совместным. На бронетранспортерах мы выдвинулись в город Грозный, по пути к колонне присоединились приданные нам бригадная разведка и отрядовцы. По прибытии на место нас оставили в резерве, а отрядовцев и разведку в составе штурмового отряда выдвинули в район площади Минутка. Долго нам прохлаждаться не пришлось.

При атаке на штурмовой отряд был обрушен настолько плотный огонь, что он вынужден был залечь. В основном огонь велся боевиками из снайперских винтовок. Изредка постреливали из подствольников и гранатометов, а также и из автоматов. Штурмовой отряд залег у железнодорожного переезда и был не в силах продвинуться вперед. Нас сняли с резерва и дали приказ разнести два стоящих на площади гаража, из-за которых велся основной обстрел. После такого приказа нас обуряло сомнение. Штурмовой отряд был обстрелян и остановлен. Что же говорить о нас? Но спецы приказы не обсуждают, а выполняют. Может быть, мы станем той переломной силой, которая поможет штурмовому отряду в его продвижении вперед.

Выдвигались мы под прикрытием бронетранспортера. Но именно он и привлек к нам внимание боевиков. Было такое ощущение, что нохчи

стреляли из всего, что только могло стрелять. Мы поспешно отошли на исходный рубеж, откуда уже по-пластунски двинулись к железнодорожному полотну. Преодолев последний участок, мы достигли огневого рубежа и произвели три выстрела из гранатометов. Подорвав два указанных гаража и тем самым оказав помощь в продвижении штурмового отряда, мы снова вернулись к своей группе.

На том месте, где мы были, опять же долго сидеть не пришлось. По нашему зданию был открыт довольно сильный огонь из гранатометов и подствольников. Здание, казалось, застонало от множества попаданий гранат. Мы срочно смылись из этого дома, больше опасаясь погибнуть от обвала, чем от взрывов гранат.

Заночевали в одной из частей. Ночь проспали, как говорится, без задних ног. За день так набегались и в нас столько раз стреляли, что нам было даже все равно, что случится с нами во сне.

23 августа 1996 года.

Постоянно находимся в боевой готовности, так как мы можем быть подняты в любой момент. И нас сорвали с места довольно скоро. Был дан приказ нашей группе выдвинуться на улицу Филатова и подавить из гранатометов огневые точки боевиков, дабы те не очень уютно чувствовали себя на своих позициях. Как мы поняли, это была чисто психологическая операция, нужная лишь для того, чтобы поиграть на нервах нохчей.

Но приказ отменил командир 101-й бригады. Оказалось, шли мирные переговоры о прекращении огня, а наша акция была бы расценена нохчами как провокация, и переговоры были бы сорваны.

Начинало вечереть, когда мы подумали, что неплохо бы было позаботиться о своей безопасности. Решили выставить караул, а для верности еще и заминировать подходы к нам сигнальными минами.

Предосторожность не оказалась

лишней. Около двенадцати часов, когда мы еще не спали, метрах в пятнадцати перед нашими позициями сработала сигнальная мина. Нас словно ветром сдуло — все разбежались по укрытиям, откуда открыли беглый огонь по тому месту, где сработала сигнальная мина. Так как ответный огонь боевики явно не торопились открывать, мы решили поберечь свои боеприпасы для более определенных целей и прекратили огонь.

Нервы у всех были напряжены, уж больно подозрительной была тишина. И не удивительно, что, когда из темноты выскочила огромная собака, караульный не выдержал и открыл по ней огонь одиночными выстрелами. На нашу стрельбу боевики ответили стрельбой из "зеленки". Плотный огонь, осветительные ракеты не давали нам поднять головы, но при каждом удобном случае мы открывали ответный огонь. Духовские снайперы били точно. Один из отрядовцев (отряд "Росич". — Авт.) присел, чтобы поменять магазин, и тут же в стену над его головой впиалась пуля снайпера. Мы поздравили парня с тем, что он родился под счастливой звездой.

Вскоре стрельба поутихла. Погода все ухудшалась и ухудшалась. Пошел дождь. Мы перебежали в ближайшее здание, но, к сожалению, забыли на прежней позиции сумку с гранатами. Когда наш боец рядовой Алексей Л.

побежал за ней, по нему был открыт автоматный огонь. Он еле успел нырнуть за нагромождение бетонных обломков. Лишь только стрельба прекратилась, он благополучно добежал до нас с гранатной сумкой.

24 августа 1996 года

Всю ночь мы слышали в 200-300 метрах от себя крики боевиков: "Аллах акбар!". Сонные бойцы костерили матом ножей, жаловались, что нет у них под рукой парочки "Шмелей", — тогда бы они быстро успокоили буйную компанию.

Под утро нохи сами уgomонились. В девять часов утра мы в составе колонны возвратились на базу. На душе у нас потеплело от мысли о спокойном завтраке и сне. И все это не под выстрелами, без тяжелой амуниции на плечах. Блаженство, да и только.

Это была наша последняя серьезная операция. Наступило перемирие. Но мы все же выезжали изредка на засады и ночную разведку. Что бы ни происходило, спецам всегда есть и будет работа. Спецназ незаменим.

Дневники ГСН "Юг"
к публикации подготовил
подполковник А. ПЕТРОВ.

Страницы из дневника ГСН "Юг". Всего несколько дней из двухлетней трагедии, название которой "чеченская война". Но каких дней! В каждом из них капитан Владислав В. и его бойцы прожили целую жизнь. Каждый прорыв в наводненный боевиками Грозный с боеприпасами, медикаментами, продуктами для бьющихся в окружении российских КПП — подвиг. Отправляясь на помощь товарищам по оружию, они понимали, что вероятность погибнуть в простреливаемом вдоль и поперек городе большая, вернуться живыми — призрачная. И все же шли. Потому что был приказ. Потому что спецы. Потому что в горящем Грозном их ждали попавшие в беду русские парни.

На войне люди редко занимаются бесполезными делами. Не занимаются строевой, когда возвращаются с боевых, не белят известкой брустверы окопов. Делают только то, что надо. Если уставшие, вырвавшиеся из пекла бойцы брали в руки бумагу и ручку, спеша зафиксировать события, свои впечатления от увиденного, значит, это было необходимо. Для них самих — чтобы, вернувшись из чеченского похода, было что вспомнить. Для тех, кто придет им на смену, — чтобы гордились старшими товарищами и званием спеца. Для нас с вами — чтобы знали: есть такая ГСН "Юг", и она даром хлеба не ест. Для историков — чтобы, когда будут писать историю нынешней кавказской войны, имели под рукой фактуру. Поверьте, пройдет лет сто, и дневникам "южан" цены не будет — они и сейчас для истории бесценны.

Эхо Чечни

ЛЕТНЫЙ СПЕЦНАЗ

из детсада "Солнышко"

“**Ж**ивем в детсадике, а спрашивают, как со взрослых” — эта шутка родилась в Ростове-на-Дону, где базируется особый вертолетный полк внутренних войск. Его штаб ютится в двухэтажном здании бывшего детсада “Солнышко”. На фасаде до сих пор сохранилась надпись “Пусть всегда будет солнце!”. Детей в Ростове, как и в целом в России, рождается все меньше и меньше, детские сады пустуют. Вот и “Солнышко” в конце концов закатилось. Зда-

ние сначала отдали коммерсантам, которые превратили его в склад. Потом этот склад-детсад достался летчикам. На нормальное помещение денег не нашлось, да и не до этого было — полк воевал в Чечне. Когда же вернулись, оказалось, что даже общее собрание провести невозможно. Здание рассчитано на 120 человек — детей! Численность же полка в несколько раз больше.

Одно спасает — терпелив русский мужик, по таким пустякам не рас-

страивается. Какая-никакая, но крыша над головой есть. Хоть на службе. Тогда как похвастаться "крышей дома своего" могут лишь единицы. В очереди на получение жилья 187 человек. Если квартиры будут выдаваться, как сейчас, в среднем по семь в год, последний получит свой угол через 26 лет! Но все равно они ждут и надеются. "Афганцы", чернобыльцы, летчики, прошедшие Сумгаит, Карабах, Баку, Ереван, Цхинвали, Осетию и Ингушетию, Чечню. Подполковник Валерий Криушин, вторым пролетевший над чернобыльским реактором, майор-"афганец" Александр Логинов, имеющий ребенка-инвалида, и еще сотни мужественных офицеров и прапорщиков, отдавших лучшие годы жизни службе Родине. Государевы люди годами мыкаются по чужим квартирам, а снимать жилье в Ростове так же дорого, как в Москве. Компенсацию за поднаем жилья ростовчанам не платят уже два года, пайковые после полугодового перерыва выдали лишь по январь 97-го. О более "мелких" выплатах, к примеру денежного пособия на детей, и говорить не приходится. Долг каждому летчику за прошлый год составляет 7-10 миллионов рублей.

Некоторые не выдерживают, увольняются. В прошлом году ушло 15 человек, из них 8 — командиры экипажей, летчики первого класса, золотой фонд авиации. На подготовку таких требуется 10-12 лет.

Американцы как-то подсчитали: затраты на первоклассного летчика эквивалентны подготовке 8 хирургов. В доперестроечные времена, чтобы стать военным летчиком 3-го класса, выпускник авиационного училища должен был совершать учебные полеты два раза в неделю в течение года. Еще три-четыре года уходило на получение 2-го класса. И лишь через пять лет он становился летчиком 1-го класса. Но в боевых условиях и такой пилот поначалу летал под контролем опытного инструктора. Столь профессиональный подход к летной подготовке давал поразительные резуль-

таты. Даже сегодня многие из летчиков-"афганцев" готовы на спор несколькими выстрелами из пулемета поразить трехлитровую банку на расстоянии километра!

Для поддержания высокого уровня летной подготовки каждый летчик должен налетать в год не менее 110 часов, израсходовав 90 тонн горючего. Летные навыки в авиации — вещь капризная, после трех месяцев без неба наверстать упущенное можно лишь усиленными дополнительными тренировками. В сегодняшних условиях об этом можно только мечтать.

Скоро и летать будет не на чем — нет средств на ремонт вертолетов. В части лишь половина "вертушек" пока еще может подняться в воздух. Для полного восстановления авиапарка нужны миллиарды рублей. Замена только лопастей несущего винта вертолета Ми-26 стоит около трех миллиардов. Строительство ангара-лаборатории для ремонта техники все по той же причине пришлось заморозить. Ржавеющий каркас крыши каждый день безмолвно, с укором напоминает, в какое смутное время мы живем.

Все перечисленные проблемы характерны не только для ростовского полка, но и для других авиационных частей внутренних войск. Еще в двух российских городах штабы вертолетных частей дислоцируются в зданиях бывших детских садов...

И все-таки люди не опускают руки. Зимой, которая в Ростове выдалась, как никогда, морозной и снежной, по восемь часов в день в неотапливаемых вагончиках, а чаще на открытом воздухе латали разбитую войной технику.

Трудились и продолжают работать не за страх (бояться, терять им просто нечего), а за совесть. Хотя в глубине души у каждого все чаще и чаще возникает вопрос: если государство так наплевательски относится к военным, нужны ли они стране вообще?

Ответ прост: когда надо выполнять

спецзадания, вылетать на боевые, умирать, о них сразу вспоминают, отправляют в самое пекло. Так было в Афгане, где каждый полет стоил летчику минимум трех килограммов потерянного веса. В Нагорном Карабахе было немногим легче. В 91-м там погиб экипаж в составе Вячеслава Котова, Геннадия Долгова и Дмитрия Яловенко. В 94-м летчики внутренних войск три раза участвовали в спецоперациях в Минводах: летали под прицелом террористов, захвативших заложников. В апреле и июне прошлого года ростовскому полку пришлось выполнять специальное задание другого рода. Несколько экипажей сопровождали Бориса Ельцина в его поездках по Ставрополью и в Новочеркасск.

Особняком стоит Чечня. Одиннадцать летчиков погибли в этой страшной мясорубке. Ростовчанам пришлось оплакивать своих боевых товарищей уже 20 декабря 1994 года. В районе станицы Петропавловской был сбит санитарный вертолет с красным крестом на борту. Погибли майор Александр Гасан, капитан Анатолий Савчук и старший лейтенант Олег Смирнов.

Огневые удары в Чечне большей частью наносились армейской авиацией, имеющей на вооружении боевые вертолеты Ми-24 и самолеты-штурмовики. Во внутренних войсках такой техники не было, поэтому "вертушки" с белой полосой на хвосте (отличительный знак принадлежности к МВД) вылетали на разведку, занимались перевозкой пассажиров, эвакуацией раненых и погибших, доставляли на задания группы спецназа, подвозили на позиции воду, продукты, медикаменты. Почти каждый такой вылет был сопряжен с большим риском. Летали только на предельно малых высотах (до двух метров), чтобы не стать легкой добычей ракет "земля-воздух", имевшихся на вооружении у иностранных наемников. Доводилось и применять оружие, отвечать ударом на удар — в силу вступал страшный закон войны:

или ты, или тебя. Девять "вертушек" уже никогда не поднимутся в небо.

Одним из самых тяжелых испытаний стал день 6 августа прошлого года, когда в Грозный ворвались боевики. Уже в 7 часов 40 минут командующим группировкой была поставлена задача провести воздушную разведку Октябрьского и Заводского районов города. От ее результатов во многом зависела жизнь сотен людей. В 8 часов 34 минуты на выполнение боевой задачи вылетели два экипажа, которыми командовали майор М.Александров (далее все фамилии изменены. — **Авт.**) и капитан В.Фоскин. Уже через несколько минут от них поступило первое тревожное сообщение: ведомая "вертушка" подбита и совершила вынужденную посадку. С командного пункта майору Александрову приказали прикрыть раненую машину и забрать с нее людей. Одновременно по согласованию с КП авиации Министерства обороны в заданный квадрат была выслана пара вертолетов Ми-24. Через две минуты Александров доложил, что его вертолет тоже получил серьезные повреждения, и если совершит посадку, то может не взлететь. Ему приказали возвращаться на базу. К счастью, он дотянул.

На подмогу с другого аэродрома в Ханкалу прибыли экипажи майоров Н.Резина и С.Тверова. Машину Резина сразу же направили для эвакуации экипажа сбитого вертолета, а вторую "стрекозу" срочно послали на заправку. Огонь боевиков в заданном квадрате был очень плотным, и вертолет Резина при заходе на посадку получил свою порцию свинца. В 9 часов 7 минут командир экипажа доложил, что его "вертушка" взлететь не может.

В воздух была поднята еще одна пара вертолетов Ми-8, ими командовали майоры Л.Ломасов и А.Садов. Уже в 9 часов 15 минут Садов докладывал: вертолет Ломасова подбит и горит на земле, собственный боекомплект израсходован, боевики ведут по машине прицельный огонь.

Садову приказали возвращаться на базу.

Девять членов экипажей и шесть солдат-"черепашек", заняв круговую оборону, около двух часов отстреливались от наседавших душманов. Во время боя, меняя огневую позицию, получил тяжелое ранение капитан Сергей Забоев, потом ранило еще троих солдат и майора Резина. Вскоре осколок впился в локоть майора Ломасова, который, как старший по должности, командовал крошечной группой окруженцев.

В создавшейся ситуации командующий группировкой внутренних войск генерал-майор Игорь Рыбаков поставил задачу командиру 101-й бригады: прорваться к окруженным летчикам и попытаться вытащить их. Бойцы четвертого батальона бригады с задачей справились, спасли летчиков. Вот только ранение капитана Забоева оказалось смертельным...

Чтобы выполнить реальную боевую задачу в Чечне, пилотам не раз приходилось работать на грани фола. Например, в Гудермесе, забирая раненых на одном из заводов, "вертушки" садились в каменный мешок диаметром чуть больше тридцати метров, хотя по всем допустимым нормам площадка не должна быть меньше пятидесяти метров. Постоянно превышались и нормы погрузки пассажиров — маленький Ми-8 зачастую напоминал московский троллейбус в часы пик. Совесть не позволяла говорить "нет" солдатам и офицерам, иногда по несколько суток дежурившим под открытым небом в ожидании вылета. О раненых, погибших и говорить не приходится — носилки иногда ставили штабелями. И каждый день экипажи видели кровь, слышали стоны, бывало, закрывали глаза умершим. Год назад один из экипажей под огнем боевиков забирал в Самашках сержанта Сергея Кононова. Парень получил тяжелое ранение в голову, пульс уже не прощупывался. Его везли во Владикавказ как "двухсотого", но при подлете к аэродрому, видимо, от перегрузок

произошло чудо — Сергей задышал. Его быстро доставили во владикавказский госпиталь. Летчики надеялись: теперь-то, даст Бог, парень выкарабкается. Как же горько и больно было им, когда через несколько часов пришло известие: боец умер во второй раз. Теперь уже окончательно.

Летчики прошли через все это. Не ради иллюзорной славы или столь же иллюзорных денег, просто их так воспитали — без лишних слов, нытья и ссылок на трудности честно служить своему Отечеству.

...В словарном запасе летчиков нет слова "последний" — плохая примета. Говорят: "крайний борт", "крайний вылет", "крайняя командировка"... Они летали в Чечне без парашютов, чтобы каждый пилот в экстремальной ситуации до последнего боролся за жизнь пассажиров... Сегодня летчики, танкисты, моряки, вообще — армия, да и не только она: учителя, врачи, шахтеры, всех не перечислить, оказались для государства крайними. И нет надежды на спасительный парашют. "Живем в детсадики, а спрашивают, как со взрослых".

Капитан А. РОДНОВ.
Фото автора
и **В. НИКОЛАЙЧУКА.**

*Северо-Кавказский
округ внутренних войск.*

По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России

19 марта 1996 года Президент Российской Федерации подписал указ "Об установлении Дня внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации". Так оценена роль внутренних войск МВД России в защите интересов личности, общества и государства от преступников всех мастей. 27 марта воины войск правопорядка второй раз отметили свой профессиональный праздник.

По итогам прошлого года военнослужащие войск изъяли из преступного оборота в Чечне 43 единицы бронетехники, 5 пушек, 65 артиллерийских установок различных систем, 204 миномета и гранатомета, 784 единицы боевого огнестрельного оружия, 1453 гранаты, около 100 тысяч штук боеприпасов, 796 артиллерийских снарядов, более 100 килограммов взрывчатых веществ, 811 мин и взрывных устройств.

Войсковые части оперативного назначения, специальные моторизованные воинские части выполнили более 28,5 тысячи различных задач, участвовали в 30 крупных операциях типа "Путина", "Сигнал", "Арсенал". В 67 городах, где внутренние войска привлекаются к охране общественного порядка, уличная преступность снизилась на 15 — 18 процентов. Соединения и части по охране важных государственных объектов и специальных грузов задержали более 35 тысяч нарушителей, предотвратили 42 взрыва, пожара и аварии. Таковы лишь некоторые итоги служебно-боевой деятельности внутренних войск.

Новому закону о внутренних войсках, который вступил в силу с 12 февраля текущего года, была посвящена состоявшаяся в начале марта пресс-конференция командующего внутренними войсками генерал-полковника Анатолия ШКИРКО.

По словам командующего, главной задачей внутренних войск является совместное с органами внутренних дел участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и режима чрезвычайного положения. Согласно статье 18 закона, запрещается привлекать соединения и воинские части оперативного назначения, а также специальные моторизованные воинские части для пресечения несанкционированных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований ненасильственного характера.

По новому закону военнослужащие войск при самостоятельном несении патрульно-постовой службы получили право составлять протоколы об административных правонарушениях, с последующим направлением их в органы внутренних дел. Однако не по всем административным правонарушениям, а лишь в случаях совершения злоумышленниками мелкого хулиганства, неповиновения законным требованиям работников милиции или военнослужащих внутренних войск, при проявлении неуважения к суду, при распитии спиртных напитков или появлении в общественных местах в нетрезвом виде, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность, при совершении правонарушений, связанных с посягательством на охраняемые войсками объекты.

На пресс-конференции был задан вопрос, касающийся концентрации на границе с Чечней войсковых подразделений. Командующий так прокомментировал этот шаг:

— Криминогенный беспредел внутри Чечни, поголовное вооружение населения республики продиктовали необходимость создания группировки в административной границе. Мы не можем позволить, чтобы преступность расползлась на приграничные районы.

Общественно-политическая обстановка на территории Чечни и ее административной границы остается нестабильной. Вооруженные формирования укрепляются, совершенствуется система службы на постах в приграничных районах. Нередки попытки провоза чеченцами через соседний Дагестан оружия и боеприпасов на продажу.

В целях усиления охраны административной границы, создания необходимых условий для безопасного функционирования объектов экономики в районах, прилегающих к Чечне, была сформирована Временная оперативная группировка сил на территории Северо-Кавказского региона. В нее вошли части Северо-Кавказского округа внутренних войск и подразделения органов внутренних дел. Кроме того, в ее состав включены и подразделения других силовых структур. Части и подразделения группировки расположились в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае, Ингушетии и Северной Осетии.

Как подчеркнул на пресс-конференции в Моздоке командующий группировкой генерал-майор Протоген Андреевский, главная задача ВОГ — не допустить вооруженного проникновения бандгрупп из Чеченской республики на близлежащие территории. А если такое проникновение и случится, то своевременно обезвредить бандитов, чтобы не повторились Кизляр, Буденновск, Первомайское. О какой-то блокаде Чечни, тем более экономической, по его словам, речь не идет.

Сейчас военнослужащие в основном заняты досмотром автотранспорта. Через КПП ежедневно проходит до 800 машин. Однако немало вооруженных людей пытается незаконно проникнуть на территорию Моздокского района, особенно вблизи населенных пунктов Октябрьское и Галюгаевская.

Как отметил П. Андреевский, командование ВОГ находит понимание и полную поддержку своей деятельности как у руководства, так и у местного населения в Ставропольском крае, в большинстве районов Дагестана, в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. И это вполне объяснимо: только за последние два месяца в Курском районе Ставрополья было похищено и угнано в Чечню более двух тысяч голов скота.

Четверо военнослужащих внутренних войск рядовые Александр Чернявский, Андрей Федотов, сержант Вячеслав Терентьев и младший сержант Алексей Носов вернулись из чеченского плена.

Двое первых находились в руках у боевиков с 3 июня прошлого года, а Вячеслав и Алексей томились в неволе с 26 апреля 96-го. Все четверо были обменены на сына муллы станицы Ассиновской, который отбывал срок за мошенничества, связанные с фальшивыми авизо. Жизнь в плену не была для солдат сахаром, их не раз перепродавали, а Федотова и Чернявского боевики ради забавы в упор "расстреляли" холостыми патронами.

В непростой ситуации оказался экипаж вертолета Ми-26 Временной оперативной группировки сил на территории Северо-Кавказского региона.

В полете возникла серьезная неисправность. При таких поломках по инструкции экипаж должен совершить экстренную посадку, однако местность не позволяла сделать это. К тому же в грузовом отсеке находился залитый под завязку топливозаправщик. Благодаря высокому летному мастерству экипажа в составе майора А. Дорошка, капитанов А. Кузьмина и К. Кузьменко, старшего лейтенанта С. Светочева и прапорщика В. Кашеева, "вертушке" все же удалось дотянуть до Моздока и благополучно приземлиться.

Командиры двух частей внутренних войск, дислоцирующихся в Иркутске и Ан-

гарске, организовали встречу с семьями военнослужащих, погибших при выполнении боевых задач на территории Чеченской республики.

На встрече присутствовали родные двадцати одного погибшего военнослужащего. Родителям вручены подарки на сумму свыше 60 миллионов рублей, оказана помощь в получении страховок и улучшении социально-бытовых условий.

Семьям погибших сержанта Виктора Капитанова, младших сержантов Дмитрия Бурнина и Сергея Козлова переданы на хранение ордена Мужества, которых воины удостоены посмертно.

В Главном управлении командующего внутренними войсками прошел трехдневный сбор помощников командующих округами по правовой работе и начальников юридических кафедр военных образовательных учреждений войск.

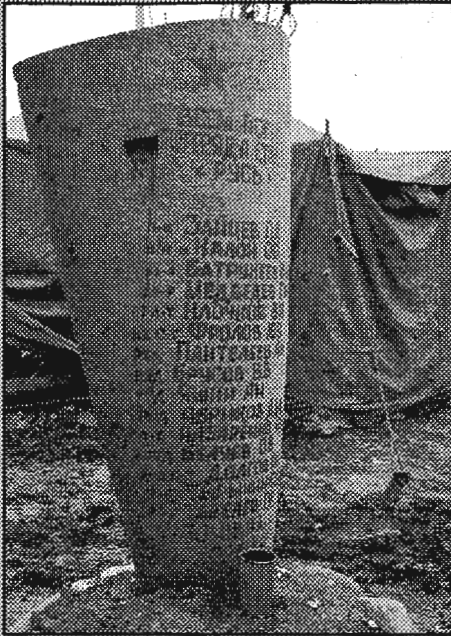
С военными юристами подведены итоги правового обеспечения деятельности внутренних войск в 1996 году. Начальник юридической службы войск полковник Виктор Тонконогов считает, что благодаря успешной работе юристов сохранены миллиарды рублей, полученных по выигранному искам, предъявленному к внутренним войскам. Кроме того, выиграно немало исков со стороны войск к недобросовестным поставщикам.

Участники сбора обменялись опытом правового обеспечения служебно-боевой деятельности, выработали наиболее приемлемые формы и методы его развития.

Психологи из Московского духовно-оздоровительного центра "Родничок" выступили с инициативой оказания психологической помощи военнослужащим внутренних войск, вернувшимся из Чечни.

Сотрудники центра вместе с офицерами управления главка по работе с личным составом уже выезжали к новому месту дислокации 101-й бригады в Ставропольский край. Они осуществили комплекс мероприятий по психологической реабилитации военнослужащих. Руководитель центра Александр Беликов отметил высокие морально-нравственные качества людей, прошедших испытание чеченской войной. По его словам, основная проблема сегодня — отсутствие в обществе должного признания честно выполненного солдатами и офицерами воинского долга, внедрение некоторыми СМИ в сознание воевавших, что они "побеждены". По мнению психолога, так называемый "чеченский синдром" в большей степени присущ тем, кто хочет представить людей долга и чести в виде угрозы обществу.

Подборку подготовили полковник В. АФАНАСЬЕВ, подполковник В. ПАНЧЕНКОВ, начальник пресс-бюро внутренних войск МВД России.

Свои первые потери "русичи" понесли два года назад в Грозном. При проведении специальной операции в районе станции Алды погибло несколько человек, в том числе и первый командир отряда полковник Павел Зайцев. Тогда имена погибших были выведены на скромном обелиске, сооруженном из фюзеляжа сбитого вертолета. Памятник этот установили в центре Грозного, там, где начиналась "чеченская" биография отряда "Русь".

Но, как известно, спецназ не сидит долго на месте. Выполнили одну задачу — получили другую. И всюду, куда бы ни забрасывали спецназовцев фронтовые пути-дороги, этот небольшой импровизированный памятник с именами погибших военнослужащих был с ними. Из Чечни его привезли в Москву, где теперь он занял почетное место рядом с гранитным монументом, открытым недавно в отряде "Русь".

Почтить память погибших "русичей" пришли родные и близкие, ветераны части и спецназа, командование войск, представители пра-

В отряде специального назначения "Русь" открыт памятник военнослужащим, погибшим на чеченской войне.

вительства Москвы, других организаций столицы.

Четырнадцать солдат и офицеров отряда не вернулись с чеченской войны. Память о каждом из них увековечена в граните. Проект памятника разработан скульптором Татьяной Ломакиной, помощь в его сооружении оказала Межрегиональная ассоциация социальной защиты ветеранов спецподразделений правоохранительных органов и спецслужб "Витязь".

В Священном писании сказано: зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике. И светит она всем в доме. Будет светить людям и этот памятник, поставленный, чтобы никто не забыл о подвиге воинов. Они достойны вечной памяти, ибо сделали самое большое, что может сделать человек из любви к другому человеку, — положили жизни свои за други своя.

Вечная им память!

**Капитан
С. КОЛЕСНИКОВ.
Фото В. НИКОЛАЙЧУКА.**

МУЖЕСТВУ И ДОБЛЕСТИ

17

Мы продолжаем публикацию материалов о воинах, погибших при исполнении служебного долга в Чечне.

Всем вам,
 Не дожившим,
 Не сбывшимся
 В отчем краю,
 Всем вам,
 Не допевшим,
 Судьба поднесла отвецанье...
 Мы всех узнаем
 В золотом
 Поименном строю.
 Но как же нам горько
 От этого —
 ВСЕХ —
 узнаванья.

Алексей КАРЕВ.

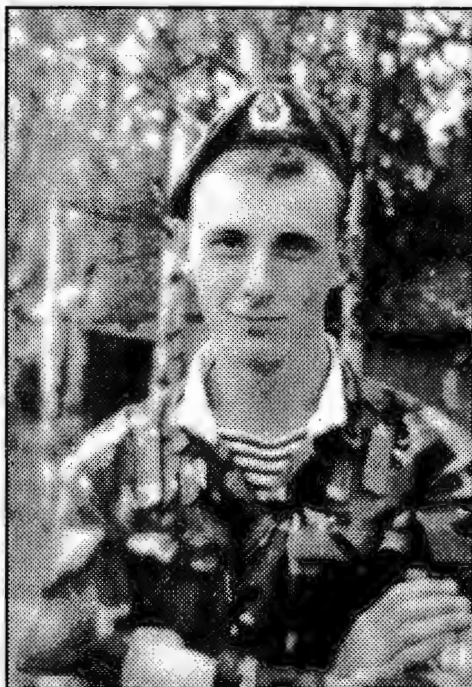
По страницам Книги памяти

ТЕСЛИН
Сергей Александрович

Спасибо вам, что взяли на себя заботу о сохранении памяти о наших детях! После гибели моего сына я обивал пороги многих учреждений и организаций, стараясь добиться наказания тех, по чьему желанию наши дети стали считаться оккупантами. Все напрасно. А очень бы хотелось найти такого прокурора, который взялся бы вести дело о наказании виновных в гибели наших детей.

Скоро уже два года, как нет Сережи, а нам все не верится, что он погиб. В части, где он служил, есть стенд памяти погибших, там и портрет нашего сына. Обращались ко мне и из техникума, который он окончил с отличием, и из школы, где учился. За это время мне часто приходилось рассказывать о такой короткой жизни моего сына и снова и снова переживать горечь утраты... Это самое большое горе — когда родители хоронят своих детей...

Когда Сережа пошел в школу, у нас

не было неприятностей с его учебой. Посылаю вам его школьный аттестат, диплом техникума (с отличием, как

видите), грамоты за спортивные достижения (Сереза играл в футбол, баскетбол)... Он был обыкновенным сельским мальчиком, ежегодно ездил в пионерский лагерь. Очень любил работать на огороде, одно лето на каникулах работал в колхозе, за что был премирован поездкой в Киев. Он не любил несправедливость. Если в детстве его наказывали незаслуженно — замкнется, глаза наполнятся слезами, но не плачет. Всю обиду вкладывал в работу. Казалось всегда, что в гневе он способен горы свернуть. Отходил он быстро — незлопамятным был. Но потом обязательно доказывал, что не виноват. Никогда не врал.

3 марта 1994 года его взяли в армию. Служить попал в софринскую бригаду. Он был одним из четырех линейных на разводе, а это говорит о его физических данных. Письма сын писал нам часто. За 14 месяцев службы мы получили 31 письмо, много фотографий высылал. Все было спокойно в его письмах — и служит хорошо, и друзья у него настоящие (он вообще умел выбирать друзей!). В январе 95-го переписка прервалась. Он прислал только письмо другу с просьбой, чтоб тот подготовил мать к тому, что он в Чечне. Пока нам ничего не было известно, где только мы не разыскивали сына — всюду ответ: среди погибших, пропавших без вести, раненых нет. Но материнское сердце беду заранее чувствует. Ответ из его части пришел только в апреле, но к этому времени уж и Сереза стал нам писать. Он нас успокаивал:

“Здравствуйте, мама, папа и Мишуха (это его младший брат). Тут письма плохо доходят. Передаем их с теми, кто едет в Моздок. Последнее ваше письмо получил от папы, где вы пишете, что узнали, что я в Чечне. И начались, наверно, головные боли, переживания. И зря. Служба здесь почти такая же, как и в бригаде. А вы сразу панику поднимать. Я понимаю, переживаете, но то, что пишут в газетах и показывают по телевизору, это все не совсем так. Я вообще из бригады не выезжаю, мы только на КПП дежуриим и в патруль по городу ходим. Пережи-

вать, что со мной что-то случится и каждый день об этом думать, я не вижу смысла. На 23 февраля давали подарки — конфеты, шоколад, персики консервированные. Я жив-здоров, чего и вам желаю...”

Были и другие письма. Сереза писал, что командировка эта — не более 90 суток, после этого их должны сменить. Мы ждали 10 апреля. Но прошло и десятое, и двадцать пятое, а их из Чечни все не выводили.

4 мая мы получили от Серезы письмо и три фотографии! А поздно вечером нам сообщили, что наш сын погиб и гроб уже в пути из Краснодара. 1 мая погибли Сереза и два офицера. Мы слышали по телевизору это сообщение, но не знали еще, что среди этих троих наш сын.

О подробностях гибели нам рассказал в письме командир Серезиной войсковой части. Вот строки из этого письма:

“В составе группировки федеральных войск 1 мая 1995 года ефрейтор Теслин С.А. участвовал в проведении специальной операции по сопровождению колонны с гуманитарной помощью. Сергей находился на первом бронетранспортере группы сопровождения. Около 19 часов 1 мая колонна, проходя по Старопромысловскому шоссе в г. Грозном, попала в засаду. Экипаж БТР, на котором находился ваш сын, был отсечен огнем боевиков от основных сил и принял бой. Ваш сын одним из первых начал отражать нападение, вызвал огонь на себя и героически погиб. Своим поступком Сергей позволил основным силам войск осуществить маневр, в ходе которого была уничтожена группировка боевиков”.

В личных вещах Серезы были его обгоревший военный билет, кусок обгоревшей цепочки. Лицо было закрыто простыней. Я не стал вскрывать “цинк” — пусть сын останется в нашей памяти таким, каким мы его знали....

Хоронили Серезу буквально всей станицей. Спасибо всем...

К вам лично у меня одна просьба: когда и где можно получить Книгу памяти погибших воинов? Если она в одном экземпляре, то где она будет храниться? Пусть хоть так останется

память о наших детях — жертвах бессмысленной войны.

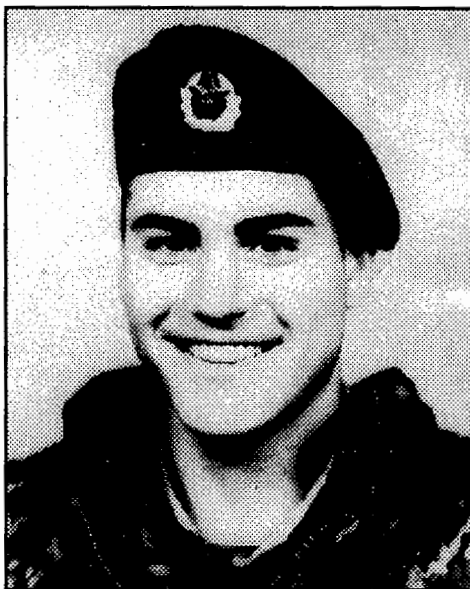
*Отец Сергея Теслина,
награжденного посмертно
орденом Мужества,
Александр Дмитриевич ТЕСЛИН,
Краснодарский край.*

ДУДКА
Игорь Алексеевич

Игорь родился на Кубани, где в это время жила его семья. Он был еще совсем маленьким, когда переехали в Волгодонск Ростовской области. Здесь пошел в детский сад. Рос парнем серьезным, ни один утренник не обходился без его участия. Ни в детском саду, ни позже — уже в школе — в адрес мальчика не было нареканий. Только благодарности получала его мама за хорошее воспитание сына.

В школе Игорь увлекся альпинизмом. Не раз участвовал в соревнованиях по спортивному скалолазанию. Мама бережно хранит грамоты, которые Игорек получал, участвуя в командном первенстве по альпинизму. Там же всерьез занялся резьбой по дереву, очень расстроился, когда кружок распался. После школы поступил в профтехучилище № 105 по специальности "сборщик микросхем". Стремительный, веселый, он не мог жить спокойно. Параллельно с учебой в училище занимался на курсах телерадиомастеров, пришел в казачий хор. Вместе с коллективом участвовал во всех городских празднествах. Самостоятельно освоил гитару: без музыки, песни просто не мыслил себя. Любил и умел хорошо танцевать. Друзья тянулись к нему, как к свету. На выпускной фотографии они написали ему: "Оставайся всегда Близнецом, таким же счастливым и жизнерадостным, каким ты был всегда. Мы все тебя любим".

Готовясь к армии, Игорь усиленно тренировался. И в этом для него не было мелочей. Все делал тщательно и серьезно. Призвали его в июне

1994 года, служил в Нальчике, потом командировка в Чечню.

8 мая 95-го пришла в дом страшная телеграмма: сын в госпитале с тяжелым ранением. После реанимации пришел в себя. Первые слова были: "Как жалко, что погиб лейтенант". Не знал, что на mine подорвалась вся разведгруппа. Случилось это 7 мая, в период действия так называемого моратория. Мораторий тот как был объявлен в одностороннем порядке, так в одностороннем порядке и соблюдался. Военные отвечали, как правило, ударом на удар. В эти дни нальчикская оперативная бригада взяла под свою охрану жителей Ачхой-Мартана — Дудаев открыто пообещал на майские праздники отомстить жителям тех сел, которые были лояльны к федеральным силам. Вот поэтому и пришлось располагать людей на подступах к селу. Группа разведчиков на бэтээре выполняла неподалеку специальное задание. Попали в засаду. Перевес был на стороне противника. Наши под шквальным огнем пытались выйти к своим и нарвались на минное поле. Посекло их сильно. Пятеро скончались на месте, многие получили тяжелые ранения. Среди них и Игорь Дудка.

И вот теперь в госпитале он терпеливо переносил боль. Один глаз потерял сразу. Надеялся, что будет ви-

деть другим. Но его удалили тоже. "Все вытерплю, только зло берет, что ничего не вижу". И терпел. Не донимал персонал просьбами об уколах и снотворном. Старался быть аккуратным. На ощупь искал полотенце, воду. И боролся за жизнь.

27 мая во владикавказский госпиталь приехали родственники, чтобы поздравить Игоря с девятнадцатилетием. Из реанимации его выкатили в коридор на кровати-каталке вместе со всеми капельницами-бутылочками — врачи разрешили поговорить с ним, поддержать, вселить надежду. Он лежал, слушал, даже шутил немного, вдыхал аромат роз, а из пустых глазниц скатывались скупые мужские слезы...

Умер этой же ночью. Тихо, как заснул.

Похоронили его на Кубани, на общем кладбище, рядом с дедом. Так пожелал его отец. А в Волгодонске на Аллее славы в честь Игоря посадили ясень — его дерево по гороскопу.

Дома хранится орден Мужества. Мама его получила первой среди городских матерей, чьи дети погибли в Чечне. Это светлая память о солдате, который красиво, но недолго жил.

КЛИМЕНКО

Иван Николаевич

Нам стало известно, что журнал "На боевом посту" создает Книгу памяти военнослужащих внутренних войск, погибших при исполнении воинского долга. Мы очень тронуты тем, что судьба нашего земляка безразлична вам. Все жители села глубоко переживают гибель Вани, выражают глубочайшее сочувствие его семье. Это был хороший, отзывчивый, трудолюбивый парень. Самые теплые воспоминания о нем сохранились в нашей школе, в ипатовском ГТК-28, где он учился на газоэлектросварщика. Ваня был душой коллектива. Его уважали преподаватели, друзья. На похоронах Ивана были военнослужащие, которые вместе

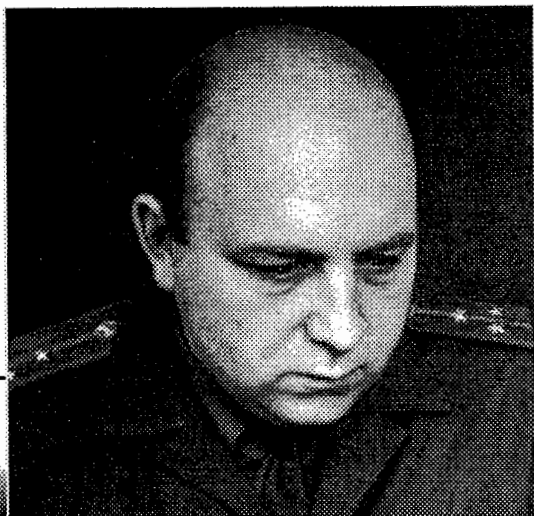

с ним выполняли воинский долг в Чеченской республике. Они рассказали, как он служил, о его героических поступках. О том, как около селения Самашки он вынес из-под обстрела раненого майора, спас жизнь товарищу Вите Шаповалову, а себя не уберег. Тогда нам сказали, что командование части представило нашего земляка сержанта Ивана Клименко к государственной награде. Прошло уже много времени, но о судьбе награды нам пока ничего не известно. Хотелось бы узнать: Это важно еще и потому, что к годовщине гибели Ивана жители нашего села Кевсала решили переименовать улицу, на которой живут родители солдата, в улицу Ивана Клименко.

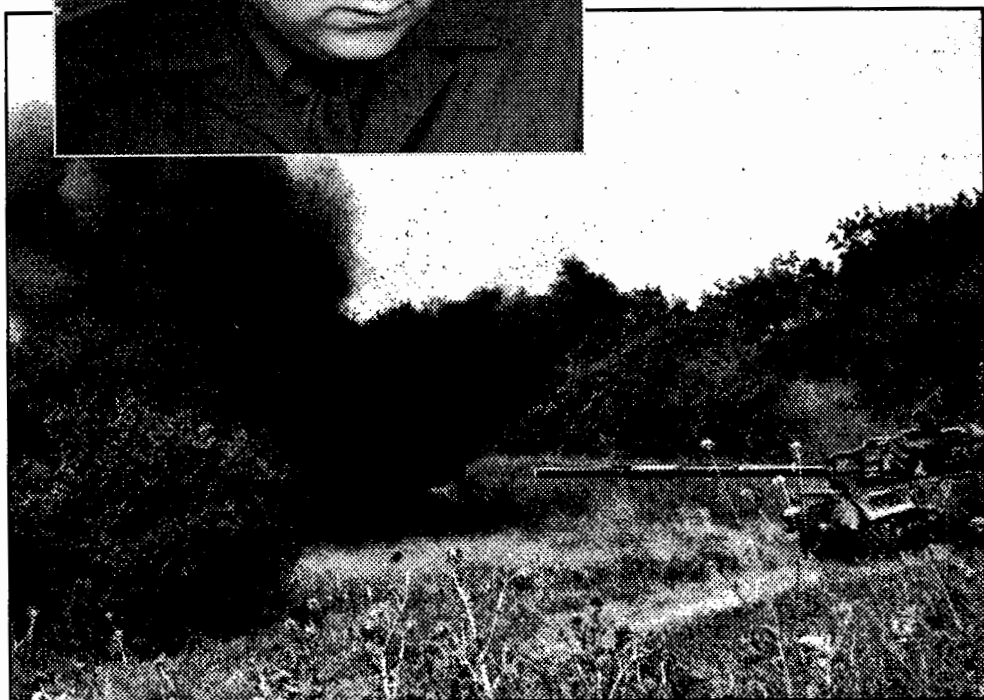
*С уважением глава кевсалинской
сельской администрации
Лидия ТРЕГУБОВА,
Ставропольский край.*

ОТ РЕДАКЦИИ. Указом Президента России от 1 октября 1996 года сержант Клименко Иван Николаевич награжден орденом Мужества (посмертно).

**Подготовили
капитан С.КОЛЕСНИКОВ,
А.ЯНКОВСКАЯ.**

18 апреля —
год со дня гибели
нашего боевого
товарища
Анатолия Ягодина

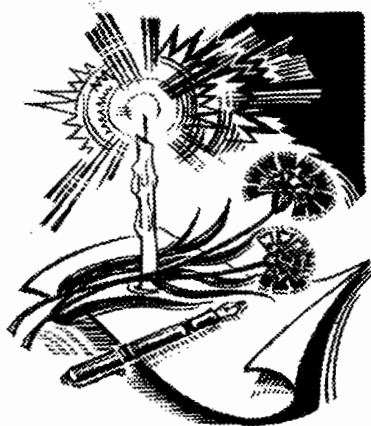

Уходит время, как в песок вода.
Мы забываем дни, что были сладки.
Но нет забвенья горьким дням, когда
Друзья от нас уходят без оглядки.

Бывает боль: минута — и прошла.
Но не забыть нам той апрельской боли,
Когда сердца лихая весть прожгла:
Погиб... В Чечне... Нет Ягодина Толи.

Но все не так. Ты был для нас и есть.
И потому Господь тебя заметил,
Что понимал ты совесть, долг и честь,
Как мало кто на этом грешном свете.

Алексей КАРЕВ.

Поминание поручиков

Этюды в Пятигорске

*“Я знал: удар судьбы
меня не обойдет!”*

М. Лермонтов.

*“Я Бог. Я поэт.
И срок мой настал
Чужие гасить амбразуры”.*

А. Ягодин.

1. ВОСКРЕСЕНИЕ

“...Господу помолимся!” — сочный баритон священника растекается по храму, мерцающему отблесками свечей на серебряных и золоченых окладах икон и церковной утвари. “За патриарха Алексея, за митрополита Гедеона, за воинство, за путешествующих и страждущих — помолимся-а!”. С каждым взмахом-звоном кадила в сторону темных икон гу-

стует в храме дым ладана, в его умиротворяющей сладости появляется горечь, от которой малость першит в горле, и сквозь влажную поволоку у всех на глазах множатся, как в кристалле, огоньки поминальных свечей.

Батюшка совсем молод — нет, наверное, и тридцати, безбород и безус, и стрижка модная, и всплеск руки энергичен, и голос беспрекословно-крепок в призыве: “Помо-о-олимся-а-а!”. Из трех молодых парней в солдатских камуфляжных куртках крестится, поглядывая на опытных в молитве старушек, повторяя их движения, только маленький белобрысый мальчишка-стригунок. Один из его товарищей стоит, уронив широкие плечи на костыли. Левая штанина с адидасовским тройным лампасом под-

вернута почти до края военной куртки. Костыли явно не по могучему росту, коротки, и парню неловко поднимать голову к верхнему ярусу иконостаса — взглядом он провожает лишь правящего службу батюшку, чутко вслушиваясь в распевновитиеватый речитатив молитвы. Третий, черноволосый, уже и не парень, а скорее, ровесник батюшке, держит правую руку на перевязи, из рукава на пол-ладони белеет корка гипса.

Эту болезную военную тройцу батюшка отмечает среди молящихся — внимательным сочувственным взглядом и лишним облачком благовонного ладана, брошенными в их сторону...

По завершении службы негустая толпа прихожан стала неспешно растекаться: кто-то покупал свечи в церковной лавке, кто-то задержался на паперти, раздавая нищим скудное подаяние, большинство двинулись вниз к городским кварталам, изредка оборачиваясь и отвешивая благодарно-прощальные поклоны в сторону храма.

Тройца в военных куртках повернула к воротам старого кладбища.

— А может, домой, Мишка? — спросил старший у того, кто на костылях. — Устал?

— Нормально, товарищ старший лейтенант, не устал, наоборот, хочу хоть малость пошкандыбать сегодня... Денек-то какой! Давайте еще погуляем, куда спешить. А где-нибудь на лавочке посидим, покурим.

Они пошли меж старых крестов, каменных ваз, ажурных черных оградок по дороге, выложенной белыми нетесаными камнями с весенней зеленой выпушкой в стыках. Эти древние камни прочно вбиты в пологий склон Машука тысячами и тысячами ног: не только хворые курортники да праздные туристы, но и истые паломники со своей искренней любовью "к отеческим гробам" всегда стремились на воды.

Проворный мальчишка-блондинчик опередил своих раненых товарищей и уже махал им сверху приглашаю-

щими гребками, крича: "Сюда! Лермонтов здесь, Лермонтов!"

Сели прямо на густую траву. Михаил бросил опостылевшие костыли, поводит затекшими плечами, потер намятые ладони. Достал сигареты. С удовольствием закурили.

— "И дым отечества нам сладок и приятен", — произнес картинно, нараспев стригунок и радостно воскликнул: — О! Это ж Лермонтов!

— Нет, это не Лермонтов, — возразил старший лейтенант.

— Значит, Пушкин.

— И не Пушкин. Это, Толяша, Грибоедов, "Горе от ума". А Лермонтова ты в нашей библиотеке возьми, почитай как следует, раз в Пятигорске оказался. У него про Кавказ много чего есть — и про Гехи, и про Валерик... Будешь дома своим рассказывать, где был, что видел. Кстати, Толик, знай, что теперь Лермонтов не здесь лежит. Прочитай-ка, что там на памятнике написано.

Белобрысый вошел в кружевную оградку и, разглядывая белыйobelisk с вырезанными в камне крестом и венком, громко прочитал, чтобы слышали товарищи:

— "Место первоначального погребения М.Ю.Лермонтова". То есть это не могила его, что ли?

— Была могила, — пояснил офицер. — Дуэль у них с Мартыновым была во-он там, ближе к Машуку. А жил он в домике, где сейчас музей. Пятигорск-то весь был вот на этом пятачке, все тогда было близко. Потом бабушка Лермонтова прислала сюда мужиков, чтобы гроб перевезти в Тарханы, это Пензенская губерния, где у них имение было, где все родные похоронены. Понятно? Вы в школе литературу-то учили, Лермонтова читали?

— Проходили. В школе все не так. Все разве упомнишь? Там лишь бы "пару" не схлопотать — выучил и забыл. Разве знал, что сюда попаду? Почитал бы получше. А правда, красиво здесь?

Все трое переводили взгляд с зеленой шапки Машука на панораму города, утопающего в буйной весне.

Инородными в пейзаже были лишь прямоугольники бетонных зданий-коробок.

— А поручик — это старший лейтенант по-нашему? — спросил у офицера Толик.

— Да, по-нашему старлей.

— Значит, вы как Лермонтов! — обрадовался своему открытию солдат, — и стихи тоже пишете, и в Чечне воевали.

— Ты, братец, такого больше не говори ни в шутку, ни всерьез. — Старший лейтенант сначала нахмурился, потом глубоко вздохнул, потом долго молчал. И произнес раздумчиво и возвышенно-грустно:

— Лермонтов, Толя, — это Лермонтов! В людском роду и похожего быть уже не может. Сейчас любого спроси, кого из великих поэтов он знает, кроме Пушкина и Лермонтова — никого и не назовут. А попроси хоть строку прочитать на память — ничего не вспомнят.

— “Белеет парус одинокий в тумане моря голубом” — это точно Лермонтов! Знаю кое-что! — оживился стригунок.

— Молодец, — грустно улыбнувшись, похвалил своего молодого спутника старший лейтенант. — Ну что, братцы, побредем в наш лазарет? Кстати, знаете, откуда пошло это слово? От имени Лазарь. Был такой бедолага-нищий, беспомощный и бесприютный, вроде нас. Но был он добрый душою, милосерден, за что Господь уготовил ему лучшую жизнь в загробном мире. Так вот это в честь него и стали лазаретами называть лечебницы для бедных, для солдат. А был еще и другой Лазарь — святой. Вот эта церковь, где мы сейчас были, и называется “Храм Воскресения Святого Лазаря”. Такие вот пироги... Ну, в одну шеренгу — становись... С Богом, православные!

Троица выздоравливающих из пехотного полка брела под весенним кавказским солнышком в свой военный санаторий. И хотя в теперешней жизни этих парней все дни были сплошь нерабочими, они ощутили сегодня особенную, легкую и свет-

лую радость воскресенья. У сибиряка Михаила даже после долгой ходьбы не ныла культа. Сержант решил, что сегодня же напишет письмо своей Людмиле: раз готова принять его таким, каким сделала война, то он придет.

Волжанин Толик оглядывался вслед каждой девчонке, вертел туда-сюда стриженной головой, где за правым ухом уже не жег умопомрачительным огнем вынутый военными врачами рваный осколок. Он сейчас же возьмет в библиотеке стихи Лермонтова. И чтоб не только “Белеет парус одинокий”, чтобы и про кавказскую войну, и про любовь. И обязательно биографию — тоже прочитать надо, чтобы знать, как знает ее ротный.

А старший лейтенант, донской казачина, нетерпеливо-раздраженно ерзал кистью руки в осточертевшей гипсовой скорлупе: надо просить, чтоб сняли. Завтра же! И за гитару надо браться — последняя песня вроде бы толковой получилась, скорее бы попробовать, спеть бы!..

2. СОРОКОВИНЫ

— Это предчувствие судьбы, в этих его строчках:

*Я очнусь, как Христос,
В Воскресенье.
Запою на износ —
Во спасенье...*

Ваш Анатолий, чувствуется по стихам, был глубоко верующий. И страдающий. И ищущий. Но он знал, что над ним витает злой рок. Знак скорой кончины то и дело находишь в его стихах. Вот, послушайте:

*На долю мне вышла лихая судьба —
Погибнуть в свинцовой купели.*

Еще одно:

*Но как бы тогда я в глаза
вам смотрел,
Если б выжить мне довелось.*

И в этом тоже:

*Я не хочу героически быть убитым
В любом, пусть даже праведном бою.*

Как же вы его отпустили на войну? — А вот так и отпустили! — Полковник смотрел куда-то в сторону, минуя встречный взгляд своего знакомого

пятигорского поэта. — Отъездили в эту Чечню в очередь почти все, кто хотел и кто не очень хотел. А кто очень не хотел, так тех и не посылали силком — зачем? Бог с ними...

Были сороковины — сорок дней назад в Чечне погиб военный корреспондент и поэт. Поминали втроем — полковник и его кавказские сотоварищи-газетчики, один из которых был поэтом, а другой — художником. Майский день под Машуком был изумительно хорош: лазурь, изумруд, белейшие пенные струи акации, вырывающиеся из травы, от самых корней, а потому полные жизненных соков и ароматов, алые стаканчики тюльпанов у лермонтовского обелиска, веселые пока листки дуба, не набравшие еще темноты и крепости, не потерявшие четких молодых очертаний. Птичий пересвист, стрекотание кузнечиков на бархатном фоне колокольного звона — симфония жизни.

— А я почему-то вспомнил песню о войне, — проговорил художник, — “Здесь птицы не поют, деревья не растут...”. Вот тебе и контрасты жизни.

— Там, где Анатолий погиб, деревья растут — будь-будь и птицы заливаются, едва перестрелка затихает. — Полковник разлил водку по походным стаканчикам. Прокашлялся. — Ну что, друзья, — третий тост.

Художник плеснул чукот водки под памятник, деля по поминальному обычаю горькую чарку с ушедшими в лучший мир. Закуска была простая, со здешнего кавказского базара: домашняя сильно наперченная баранья колбаса, теплые еще чебуреки, лаваш, осетинский сыр, тугие стрелки зеленого лука и сочный бело-розовый редис. А водка — “Пятигорская”, с силуэтом золотой арфы. Все опозитивировали здешние фирмачи, даже горькую!

— Мы хорошо сделали, что пришли сюда. — В художнике говорила натура чувствительная и наблюдательная. — Поминаем военных поэтов, убитых на Кавказе. Ведь Лермонтов свою погибель ждал в Чечне. Его по-

слали туда, строжайше приказав начальству держать поручика в воюющем пехотном полку, где чеченская пуля должна была сразить его в каком-нибудь “деле”. А она нашла его здесь, вылетев из пистолета Мартынова...

— А как вы Анатолия похоронили, где? — спросил полковника поэт.

— Отпевали в Петропавловском храме, в Лефортово. Это “военный” район в Москве, там и госпиталь, и казармы еще с петровских времен, и церковь ту старинную называют, как при Петре, Солдатской. А похоронили на Митинском кладбище. Толя наш — рядом с первыми чернобыльцами, рядом с полковником Житаренко, корреспондентом “Красной звезды”, который тоже в Чечне погиб. Там же, рядышком, и капитан Адамишин, Герой России, тоже Чечня. Кстати, погиб в Самашках, и Толя наш там же, неподалеку. Геройский, получается, некрополь...

— А здесь, — продолжил печальную тему художник, — на этом старом кладбище могилы певцов Кавказа, известных людей: дагестанского писателя Эфенди Капиева, поэта Василия Дмитриева. Тут же архитекторы братья Бернардацци — они половину Кавминвод построили, лучшие здания. Вот фамильный склеп Верзилиных. А это, посмотри, могила Екатерины Акимовны Шан-Гирей — ее матушка танцевала последний вальс с Лермонтовым. А вот на этом камне, пойдем покажу, фамильный герб Тулуз-Лотреков: Пегас, дуб — никак не выяснят, кто же из их рода здесь похоронен. Время все стирает... Однако видишь, — сюда не зарастает народная тропа, идут люди...

Снизу, по каменистой дорожке к лермонтовскому памятнику направлялась небольшая группа экскурсантов — две женщины, двое мужчин, двое подростков. Осматривали могилы, снимали на видеокамеру. Художник, не только самый наблюдательный, но и самый компанейский, уже издала высмотрел среди экскурсантов военного:

— Товарищ майор, — с ходу объяс-

няет ситуацию, — мы сегодня поминаем военных, может быть, и вы с нами выпьете стаканчик на помин их душ? По-христиански, по-нашему...

Майор смутился, сказал, что за рулем. Зато откликнулся крепкий, круглоплечий мужчина. Быстро, но зорко изучающе взглянул в лица новых знакомых:

— Ну, раз по-христиански... А кого поминаете?

— Да вот, сороковины сегодня — в Чечне погиб старший лейтенант, журналист, поэт, сослуживец полковника. Кстати, давайте познакомимся, раз уж довелось в этот час встретиться в этом святом месте...

Познакомились. Разлили по чарке. Помянули.

— А вы в прошлом декабре не были в Чечне, в Ханкале или Гудермесе? — неожиданно спросил новый знакомый полковника.

— Был. И там, и там...

— Точно — мне ваше лицо знакомо. Да и вашего друга, старшего лейтенанта, я как-то встречал в Чечне...

Мужчина развернул газету, всмотрелся в фотографию — портрет старшего лейтенанта у пишущей машинки, четвертинка водки, пачка сигарет, полная стопка, накрытая ломтем хлеба.

— Да, я точно видел этого офицера, — вспоминая что-то, снова проговорил мужчина. — А почему бутылка обвязана черной лентой?

И полковник рассказал нехитрую историю появления этой скорбной композиции:

— Уезжая на войну, наши офицеры обычно кладут в походную сумку бутылочку-другую московской водки — нынче ведь нет во фронтовом районе "наркомовской соточки". А она, бывает, ох как нужна — для сугрева ли в холодрыгу, раненому ли товарищу.

Анатолий наш — мужик был основательный, практичный: в этот раз взял "Русскую" в чекушках, обернул каждую бумагой, перевязал для надежности черной изолентой, рассовал в свой солдатский сидор. Он на войне

был настоящим солдатом даже в мелочах — не модную сумку возил, а солдатский стираный добела вещмешок.

Когда привезли Толю и его вещи, в мешке и обнаружили эту четвертинку. Сначала поставили на его рабочем столе, рядом с пишущей машинкой, рядом с пачкой "Явы", которую он предпочитал всяким "мальборам". Стопку водки накрыли не черным ломтем, а пшеничным — Толика язва мучила, и он всегда себе белый батон брал, если какое-то застолье намечалось.

На похороны брат Толин приехал — ему, на помин братовой души, и отдали ту заветную чекушку...

Когда покидали старое кладбище и пожимали руки при расставании, выяснилось, что новый знакомец — генерал и в Чечне находится практически безвылазно с начала войны, вот теперь только приехал с семьей малость отдохнуть на водах. Простились тепло, пожелав друг другу удачи.

Через полтора месяца полковник и генерал снова встретились в Чечне...

3. "КУХЕНРЕЙТЕР"

Солдат Анатолий, сержант Михаил и их старлей готовились к выписке назавтра. Изрядно выцветшие камуфляжки были выстираны и наглажены, подворотнички белее той акации. У двери стоят хоть и порядком стоптанные, но парадно надраенные ботинки — две пары и еще один, Мишкин.

Напоследок решили сходить в музей Лермонтова. Во-первых, на магазина — ни гроша, а во-вторых, в музее им очень понравилось, когда завернули туда неделю назад просто так, от нечего делать.

В калитке, ведущей на территорию музея, они столкнулись с необычными экскурсантами — на улицу выходили аж четыре генерала: два генерал-полковника, генерал-лейтенант и генерал-майор. Ребята посторонились, пережидая, но генералы враз подняли глаза, увидели военных

парней, увидели Мишкины костыли. Один, видимо, старший, жестом остановил свою свиту и проговорил, глядя в глаза старлею:

— Проходите, братцы!

Музейные работники — черноволосая улыбчивая женщина и невысокого роста сухощавый мужчина с усиками — простились с высокими гостями и обратились теперь уже к молодым посетителям:

— Проходите, пожалуйста, музей открыт.

Кроме них в доме Верзилиных, где начинаются экскурсии, никого не было. В прихожей, у кассы, стояла коробка с тапочками, которые полагается надевать поверх обуви. Увидев, что Мишка сел и пытается привязать казенный чехол на свой единственный ботинок, старушка-смотрительница запричитала:

— Да что ты, сынок, ступай так, обойдется, тебе ж неловко будет! Ступай!

Старший лейтенант застенчиво отказался от услуг экскурсовода:

— Да мы ж неорганизованные. Сами ходим, посмотрим, мы уже у вас тут были, а завтра уезжать — как говорится, зашли бросить прощальный взгляд.

Они ходили по тихим комнатам, останавливаясь то у изящных акварельных портретов кавказских офицеров, разглядывая их пеструю, разнообразную форму, то у витрины со старинными безделицами, угадывая их предназначение. Старший лейтенант иногда вчитывался и в тексты, набросанные летящим острым пером.

*Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!*

Потом они прошли в белую хатку под камышовой крышей — домик Лермонтова, где провел свои последние дни поручик Тенгинского пехотного полка, откуда понесли его друзья офицеры на недалекое кладбище, на вечный покой. Покой ли?..

Военные — мальчик, юноша и мужчина — разглядывали старинное

оружие на старом ковре: кинжал в черных ножнах, ружье с коротким и узким прикладом — из таких в ту кавказскую войну палили с лошади, пистолет.

Пистолеты были слабостью старшего лейтенанта. В прошлый раз здесь, в музее, он выспрашивал о них того самого мужчину с усиками — здешнего хранителя. Тот даже показал офицеру настоящий “кухенрейтер”. Изящный пистоль из прошлого века понравился офицеру своей элегантностью. Но, как ни крути, из него тоже кому-то навстречу летела смерть...

После той экскурсии к Лермонтову душу раненого офицера долго бередили воспоминания о друге. Сашка, командир разведвзвода, тоже старшой, тоже классно пел под гитару и получил прозвание “поручик Голицын” за удаль и офицерское щегольство. И погиб парень геройски недалеко от Валерика, когда напоролась в лесу на чеченскую засаду. В руки “духам” не отдался задешево — двоих уложил наповал из своего любимого “стечкина”. Да, было дело...

Незаметно пролетели два часа. Ребята вышли из зеленой калитки на знакомую, ставшую почти родной улицу.

— Ну что, двинули на обед? — Старший лейтенант глянул на свои “Командирские”.

— А может, ну его к лешему, этот лазаретовский супчик? — В глазах шустрого Толика читалась какая-то затея. — Давайте сходим еще на кладбище, а сначала в церковь Лазаря — по свечке поставим и за здравие братишек наших, кто в Чечне еще пашет, и за упокой всех ребят, кто погиб. А перекусим чебуреками — на это как-нибудь наскребем. У нас, между прочим, на Кавказе последний нынешний денечек и остался...

Полковник Б.КАРПОВ.

Пятигорск — Москва.

*Рисунок “Вид Пятигорска”
А.И.БЕРНАРДАЦЦИ.*

Анатолий ЯГОДИН

До последнего выкрика

Как это часто бывает в редакционной жизни, с Анатолием Ягодиным мы сперва познакомились заочно: он прислал в журнал свои стихи:

*Снова матери, жены в кручине —
На войну уходят мужчины.
От восхода до зари стон и страх.
Не порхают сизари в облаках.
Хмурый летний день как туман у рек.
Русь надела шинель цвета сумерек...*

Это было лет десять назад. И с тех пор мы знали и помнили, что есть в войсках одаренный человек, пишущий стихи.

Его поэтический дебют состоялся в июне восемьдесят восьмого: в журнале был опубликован стихотворный цикл "На Запад". А год спустя мы встретились на семинаре литераторов внутренних войск, где он представил на обсуждение не только стихи, но и несколько коротких поэм. Помнится, рекомендуя фрагмент одной из них к публикации в журнале, руководитель поэтической группы очень точно заметил, что его литературные огрехи вполне преодолимы, главное — за строками стоит человек искренний, думающий, безразличный к делу, которому служит. Надо сказать, что Анатолий заметно прибавлял год от года в литературном мастерстве. Писал по-прежнему не так много, но емко, образно, все дальше уходя от песенных подражаний.

*Меня погребли под собою хлеба,
Мне саван скроили метели.
На долю мне вышла лихая судьба —
Погибнуть в свиной купели...*

Эти пророческие строки Анатолия напечатаны в минувшем году в подборке, посвященной его памяти. Но, думается, и в этой, составленной из неопубликованных стихотворений разных лет, нельзя не уловить трагических и щемящих нот.

Полковник Е.АРТЮХОВ,
член Союза писателей России.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

1

*Я вторым стою,
Жив-здоров притом,
В боевом строю —
Двухшереножном.*

*Справа — Сева, слева — Вова,
Взводный — спереди:
— Что смотрите так сурово,
Гуси-лебеди?*

*И добавил язвя,
Сверкнув кубиками:
— Не кручиньтесь, зятья,
Будьте умниками!*

*А впереди перхает горизонт,
Значит, держатся еще заслоны.
Значит, время есть.*

*Стрелковый взвод,
Вгрызаясь в землю, ладит оборону.
Зарывается взвод,
Мечет глинушку.
Ох, похож мой окоп
На могилушку.*

*Только взводный деловит
И спокоен:
— Здесь мы фрица, — говорит, —
Похороним.*

*Шевели плечами,
Веселей гляди!
Ну, чего заскучали,
Гуси-лебеди?!*

*На горизонт спустилась тишина.
Что кто-то уцелееет — думать глупо.
Все знают — пустоглазая война
Прет на восток по неостывшим
трупам.*

*А за спиной —
Мой дом родной.
А за плечами —
Сады в печали.*

А позади — и тишь, и синь,
И не горит еще Хатынь,
А там, в Яру, растет польнь —
Яр не зашелся в бабьем
причитанье...

2

И посыпали бомбы в ровчики —
Пикировщики, пикировщики...
И кусачее пламя гривастое
Разметали снаряды фугасные.
Какова она, сразу понял я,
Преисподняя. Преисподняя...
Но вот они встали в рост.
И крикнул взводный: "Не дрейфы!
Готовься косить на компост
Третий рейх!"

Заслонили взор
Касок лысины,
И почти в упор
Хлещут выстрелы.
Я свою обойму раздам
По животам, по животам...
Пулю в бок вгоню и не дрогну:
"С вами Бог? Так идите вы к Богу!"

3

Еще кто-то по утрам
Нежится.
Не подались за Урал
Беженцы.
Еще хлеба не баловали
Нормами.
Еще жены не стали
Вдовами.
Еще белы на столах
Скатерти.
Не рыдают о сынах
Матери.

4

Мы первыми были,
Первыми.
С сердцами живыми,
С нервами.
Простые, как звезды фанерные, —
Первые. Первые...
В двадцать третье июня,
Как в бессмертье, шагну я,
Рук не подняв дрожа,
Не отдав рубежа.
Сердцем в землю вкипев,
В кущи синих дубрав,
Мы уйдем, не допев
И недоцеловав.
Разгорится заря
Цвета наших знамен.

Мы ж уйдем, от себя
Не оставив имен.
Мы по долгу уйдем,
А не по призванью.
Не найдете имен —
Поминайте по званью.
Вверх смотри — мы летим косяком,
Строем длинным.
С небосклона вам машем крылом
Лебединым...

* * *

Я вижу, как жесток и сир,
На горло наступив пророку,
Нас переделывает мир,
На откуп отданный пороку.
Как люди, к совести глухи,
При помощи интриг и своден
Венчают лаврами грехи,
А подвиг — беден и безроден.
И сам я исподволь учусь
Глумиться над чужою болью,
Лечиться умерщвлением чувств
И похоть называть любовью.
Боюсь, что сердце отболит
И примет функции желудка,
В чернила кровь переварит...
И жутко. Жутко. Жутко...

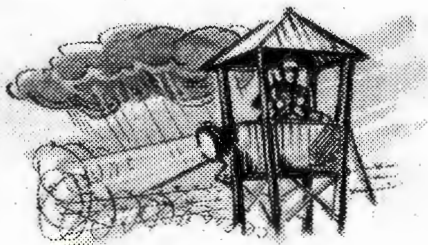
АТЛАНТЫ

В нас еще не отпело
беспечное детство,
Но из нас, из безусых,
зеленых салаг,
Грубой силой огня,
не дав осмотреться,
Воспитает мужчин
незнакомый Саланг.
В этих хмурых горах
закаляется новое племя.
Через год-полтора
нам не будет цены.
Ну а мирное время
не значит спокойное время —
Время до или после войны.
Мы не те, кто себе на уме,
Мы не к меду припавшие мухи.
Мы рискуем хребтом,
чтоб по грешной земле
Не бродили нечистые духи.
Среди нас нет бессмертных
и замороженных,
И угластые звезды
не защита для лба.
Если не повезет,
если быть мне сраженным,

То уж лучше в атаке,
а не из-за угла.
Те, кто с нами назад
не вернутся до дому,
Кто уже никогда не сойдет
с облаков,
Каждодневно,
с укором,
без спроса,
подолгу
Будут в душу смотреть
синевой васильков.
Мы не все обростем
озорными кудрями,
И не всех нас дождется
родительский дом,
Потому что, в планету
упершись ногами,
Мы Вселенную держим
крылами погон.

ВЫШКА

Тяжелый выдался удел,
Но не пускаю сопли я —
Внизу гуляет беспредел,
Там волчья философия.
Там совести цена — пятак,
Сплошная зоология.
Там жизнь — жестянка,
мир — бардак.
И вся идеология.
Там паутина по плечам
Двойной иглой развешана,
И сны приходят по ночам,
На анаше замешаны.
Там в грудь врезают купола —
По одному за ходочку.
Там продают свои тела
За табачок и водочку.
Там боль и ужас, и тоска,
И драк кровавых вспышки...
На все гляжу не свысока —
С вышки.
Спиною грею автомат.
Открыт ветрам и злой молве,
Хоть я ни в чем не виноват
И неподсуден, граждане.

* * *

Нам ничего не изменить,
Покуда властвует потреба.
Свинья не видит в луже неба —
Залезет рылом, станет пить...

* * *

Оратор, деятель известный
(Хотя с орлом нельзя равнять),
Метал в толпу дерьмом словесным,
Честя Россию в Бога, в мать.
Он распалился до икоты.
Такого не сдержат в узде...
Орлы ж — большие патриоты —
Не испражняются в гнезде.

В. ВЫСОЦКОМУ

Мне нет дела до умственно хилых,
И для свары не вижу причин.
Кто сказал, что я из нелюбимых
И дешево орущих мужчин?
Берегите ушей перепонки,
Я еще не отжил, не отпел,
Мной с судьбой не закончены гонки,
Врут, что нынче я стал не у дел.
Я голос свой насилую,
На аккорды порвал потроха.
Не помилую, нет! Не помилую
Своего и чужого греха.
Мне готовая кадила, подсвечники,
Ждут, чтоб я поперхнулся и стих,
Чтоб с икон ухмылялися грешники,
Возведенные в ранги святых.
Под раскаты аккордов балдея,
Сухо цедит сквозь зубы пижон,
Что моя обнаженная шея
Хороша для удара ножом.
Я противника вызрел
По манерам, по жаргону,
И теперь, как под выстрел,
К микрофону иду, к микрофону.
Не держите за руки, за ноги,
Не опечатывайте рта поцелуем.
Назло всем дуракам и убогим
Жил и пел. И живу, и пою я.
Мне не надо фальшивых оваций,
Не поверю я пресным слезам.
И противник я тех деклараций,
Что обзор застилают глазам.
Да, душа у поэта одна,
Но тесна ей чужая выкройка...
Не держите, дайте выпеть до дна,
До последнего выкрика.

У КАРТИНЫ АЙВАЗОВСКОГО

Нет радости от чаек в вышине,
И свежий ветер для меня обуза.
Не чувствую мурашек на спине,
В тот миг,
 когда ко мне приходит Муза.

Напрасно я перья ломаю!
Мне не дано зарифмовать
Все море — от края до края —
Его величавую гладь.
И стоя над пучиной,
 как на тризне,
Я думаю и думаю о том,
Как скучно быть
 в бескрайнем море жизни
Никчемным и дрожащим пескарем!

ПЛОВЕЦ

Толкнув ногами кромку суши,
От мути, поднятой народом,
Он плыл туда, где воды глубже,
Синей, богаче кислородом.
Где море — море, а не лужа,
Другой пейзаж, другие виды.
Где умные дельфины кружат
Над косяком дурной ставриды.
Толпа уже следить устала,
А он все плыл, с волнами споря...
Лишь море по щекам хлестало
Самолюбивого героя.

ДОРОГА

Я не раз под дождем вымокну,
И не два, и не три.
Ждать устану, пока вытекут
На меня дожди.
Я покроюсь туманной просетью
С головы до ног.

Бесполезно ругаться с осенью —
Мол, смотри, промок.

А моя дорога
Под дождем размокла,
И разбита стезя
Донельзя.

А мой путь в тумане
Меня чем-то манит,
И вперед зовет
Горизонт.

Колея моя позаезжена,
Позахожена, занавожена.

Только я не тужу,
Знай мну ту между
И держу свой шаг
На большак.

Меня держит хлябь-
Притворщица,
А по лужам рябь
Морщится.

На большак не виден
Поворот.

И бежит мне ливень
За шиворот.

Знаю я, что дойду.
Может, зря, на беду.

Может, мне не успеть
На заре песню спеть.

Я охрипнуть боюсь,
Не запев, —
Вот и рвется из уст
Мой напев.

Я устать боюсь,
Не дойдя,
И терпенью учусь
У дождя.

Мне идти по грязи есть резон:
Где-то там, впереди мой сезон.

А капли по лбу хлопают.
И каждая будет нотою.

С ухаба на ухаб прыгаю.
И звучит каждый шаг рифмою.

Греюсь я на бегу.

Я промок и замерз,
Но идти к большаку
Я намерен всерьез.

Знаю — солнце взойдет
Землю греть.

Знаю — скоро придет
Время петь.

Анатолий ЯГОДИН

Повесть

*Война несла солдат кровавым караваном
От северной до южной кромки суши,
И смерть в уста лобзала шутовским
оскалом,*

В один глоток их выпивая души.

А.Венедиктов. "Сыновья".

*...Помилуйте юности моей, помилуйте,
господа мои. Вы мне будете господа мои, я
— ваш раб. Не познните от жития, не доз-
ревши...*

*Не порежьте лозы, не до конца возраст-
тивши...*

Молитва князя Глеба.

**1993 год.
Город Курск,
гостиница "Центральная"**

За напускной бесцеремонностью, с какой он вошел в гостиничный номер, чувствовалась неуверенность провинциала, привыкшего решать проблемы трудами рук своих, а отнюдь не в ходе светских бесед. Но по мере развития разговора, несмотря на отчаянные попытки как можно меньше наливать из принесенной моим неожиданным собеседником поллитровки, в конце концов я оказался в роли испытуемого, отвечающего на вопросы, обезоруживающие своей простотой.

Чувствуя, что попадаю под влияние гостя, и стараясь как-то оправдать себя за это, я пытался найти причину в его почтенном возрасте, в колоритной фигуре, впечатляющей внешности.

Пощипывая густую, но растущую как-то в разные стороны и обильно припорошенную сединой бороду, он смотрел на меня взглядом строгого учителя, как бы говоря: "Знаем! Слышали! Ты нам что-нибудь новенькое расскажи..." А в том, как он смешно шевелил богатой серебряной шевелюрой, было что-то от мальчишки, готового в любой момент созорничать. И я ловил себя на мысли, что

этот седой подросток, выступающий в роли священника, отпускающего грехи, или учителя жизни, в конце концов бескомпромиссно вlepит мне жирную двойку.

Его интерес к моей скромной персоне я заметил еще два дня назад, когда, имея в кармане редакционное задание, прибыл на встречу ветеранов Великой Отечественной войны, приуроченную к 50-летию Курской битвы. Лавируя между участниками встречи, хватаясь то за блокнот, то за фотоаппарат, я ошущал на себе его изучающий взгляд.

Держался он несколько отчужденно от остальных ветеранов, чьи пиджаки в отличие от его были отягощены многочисленными наградами, знаками и значками. Во время поездок по местам боев в окрестных селах и деревнях, на бесконечных митингах он на трибуны не поднимался и, как мне казалось, не представлял особого интереса для войсковой прессы, любящей героическую патетику. И вдруг такой оборот! Вот он сидит передо мной как живой укор, и в мудром прищуре его глаз я читаю осуждение: "Не там ты ищешь! Не туда смотришь!"

Терпеть такое далее становилось невыносимым. И будто предчувствуя, что я готов вспылить, он поднялся со скрипнувшего стула и, пройдясь взад-вперед по комнате, выдержав паузу, заговорил:

— А работа-то у тебя фискальная. Суетишься, в глаза заглядываешь. Не для каждого такая работа. Не для каждого...

Помолчав несколько мгновений, он продолжил:

— Но и без вашего брата нельзя. Потому и пришел к тебе. Слезливые письма писать в редакцию не могу, да и не умею, а душу излить надо. И

не просто так — поговорили и забыли... Ты вроде парень ничего и на выпивку за чужой счет не падкий. — Он кивнул в сторону стола, где среди нехитрых закусок, купленных в гостиничном буфете, стояла так и не допитая его поллитровка. — Пришел к тебе думы свои тайные поведать. Не плакаться, не просить. Пришел с надеждой, что сумеешь донести до людей боль мою, с которой большую часть жизни прожил и помирать буду. Полезно, думаю, и другим будет узнать истину, чуть приоткрывшуюся мне.

Склонившись над выдавшим виды портфелем, он достал из его недр вторую белую головку, шумно поставил на стол и неожиданно заинтересовался:

— У тебя братья есть?

Узнав, что в семье я старший сын, заметил:

— Повезло тебе. Старшим всегда везет. За все грехи, которые успеешь наделать в подлунном мире, будет расплачиваться твой младший брат. Почему? Да потому, что младших сыновей преследует какой-то злой рок. Именно они страдают за грехи человечества, несут на себе печать жертвенности. И моя жизнь не исключение.

Скрутив пробку со второй бутылки, он подвинул стакан:

— Тебя пить не заставляю, а сам выпью. Так оно легче рассказывать будет. А ты тетрадочку-то свою достань.

Зима 1943 года. Владимирская область, Гороховецкие военные лагеря

В начале сорок третьего вместе с другими восемнадцатилетними мальчишками-новобранцами я проходил начальную военную подготовку в Го-

Повесть, которую мы предлагаем сегодня вашему вниманию, Анатолий Ягодин закончил писать в конце 94-го.

"Я продолжал вспоминать имена и фамилии страждущих, любя себя на том, что никогда не задумывался о количестве людских трагедий, которыми буквально напистана моя память. Долгой чередой проходили передо мной младшие и единственные сыновья-мученики, которым по судьбам их старый солдат Осипов дал точное определение — страстотерпцы".

Сегодня трудно без душевной боли читать эти строки. Ибо сам их автор был страстотерпцем, принявшим крестные муки на чеченской войне.

роховецких лагерях. Именно отсюда тоже зимой, но только тридцать девятого наша семья получила единственное письмо от отца. Вслед за его первым и последним посланием пришло извещение о том, что Осипов Анатолий Иванович пропал без вести в боях с белофиннами. Вызванный по повестке военкомата на переподготовку как младший командир запаса, отец канул в Лету. Одним из промежуточных пунктов его похода в небытие стали Гороховецкие лагеря.

Теперь по следам отца, остуженным снегами четырех зим, шагал я.

Командовал нашим учебным подразделением, которое впоследствии получило название — рота пешей разведки, старший лейтенант Коржавин.

Среднего роста, поджарый и жилистый, с ранней для его неполных тридцати лет сединой, он буквально скрутил роту железной дисциплиной. Громадой авторитета боевого офицера он давил на каждого, любые поползновения вольнодумства и лени, не говоря уж о попытках вступить с ним в спор или пререкания, пресекал на корню. И он добился того, что все распоряжения, отдаваемые им точными и короткими формулировками, не понять которые мог только законченный тупица, выполнялись споро и беспрекословно.

О Коржавине ходили слухи-легенды. Говорили, что он начал войну еще под Брестом, откуда, оставшись единственным уцелевшим офицером, выводил остатки разбитого полка. Вывел, вновь попал в окружение. И снова вышел к своим с горсткой израненных, голодных бойцов. Коржавиным заинтересовались особисты: почему, дескать, часто в окружение попадаете? Почему живым остаетесь? Его долго держали в фильтрационном лагере, выискивая причины подозрительной живучести. А выпустили, сохранив звание, после того, как Коржавин в порыве гнева зарубил лопатой двоих болтунов, которые вслух сожалели о том, что в свое время не перешли к немцам.

По другой версии, вырваться из рук особистов Коржавину удалось благодаря высокопоставленному заступни-

ку, от которого начальство фильтрационного пункта получило письмо.

Так это было на самом деле или иначе, поручиться никто не мог. Ротный же о себе ничего не говорил. Одно лишь мне удалось выяснить, что те же особисты передали Коржавину письмо, в котором сообщалось о гибели его семьи, оказавшейся в оккупации. Соседка по дому, которой каким-то образом удалось перейти линию фронта, писала, что немцы пытались изнасиловать жену Коржавина. Сопротивляясь, гордая и сильная женщина выцарапала глаз одному из насильников. За это ее вместе с пятилетним сыном затравили собаками, растерзанные тела повесили на березе во дворе: ее — за косу, сынишку — за ногу. Жителей согнали для устрашения. Распоряжался всем этим немец с черной повязкой на левой глазнице...

Не рассказать о Коржавине я не могу. Не только потому, что моя фронтовая судьба крепко связана с этим человеком, но еще потому, что и он в своей семье был младшим.

* * *

Склоняясь от встречного ветра почти до земли, рота совершала марш-бросок. В глубоких сугробах оставалась широкая борозда, которую, будто злясь на солдат за то, что нарушили снежный покров, стремилась немедленно заровнять поземка.

Бежали давно, а впереди оставалась еще большая и самая трудная часть пути. Бойцы, в чьи широко раскрытые рты врывался ветер, сбивая и без того неровное дыхание, держались из последних сил. Нужна была передышка, и все с нетерпением ждали, когда же упадет Феоктистов — самый слабый из новобранцев. Ждали, чтобы дать минутный отдых изнуренным мышцам, сорвать злость, ругая выбившегося из сил товарища. Наконец Феоктистов, давно ставший козлом отпущения, упал.

— Не могу я больше! Лучше пристрелите! — бился он в истерическом крике.

— Вставай, — толкнул упавшего в бок командир отделения. Но в его приказе больше звучала надежда на

то, что боец полегит еще, давая передышку и ему, отделенному, и всем остальным.

Солдаты старались отдышаться, ждали, что скажет ротный, какое примет решение. Снова придется двоим более выносливым бойцам тащить Феоктистова, или старший лейтенант изменит традиции заканчивать марш-бросок без отдыха?

Коржавин, уставший не меньше остальных, подошел к лежащему на спине бойцу, вынул из кобуры ТТ, снял с предохранителя, передернул затвор и, направив ствол в лоб Феоктистову, нажал на спусковой крючок.

Сухой щелчок был слышнее самого громкого выстрела.

— Осечка! — зашептались бойцы. И снова задышали надрывно, стараясь как можно больше воздуха прогнать через натруженные легкие.

Ротный склонился над замершим с вытаращенными глазами Феоктистовым и, глядя на него в упор, процедил сквозь зубы:

— Повезло тебе. Устроишь истерику во время боя, осечки не случится...

Не ожидая дополнительных распоряжений, бойцы подхватили Феоктистова и поставили на ноги.

— Вперед! — скомандовал ротный, и марш-бросок был продолжен.

Вечером в казарме все оживленно спорили: был заряжен пистолет ротного или нет? В конце концов дружно пришли к выводу, что Феоктистову действительно повезло.

* * *

Экзамен по штыковому бою Коржавин принимал сам. Ловкий, опытный и отчаянный боец, он требовал от подчиненных показать все, на что они способны.

Выступая в роли обороняющегося противника, вооруженный лишь тренировочным шестом, ротный легко, почти играючи, отражал все выпады подчиненных, и к восторгу собравшихся вокруг ротозеев узкие жала четырехгранных штыков бестолково рубили прозрачный морозный воздух. Чем резче делал выпад экзаменуемый, тем больше восторга вызывала его неловкость, когда он проваливался при ударе и подставлялся

под жесткие шлепки ротного. Коржавин был неуязвим. Казалось, он смеется над нами, хотя лицо его и оставалось серьезным и сосредоточенным.

Подошла моя очередь. Внимательно наблюдая за предыдущими схватками, я уже успел получить некоторый заряд злости, видя, как унижены мои товарищи, и потому яростно пошел вперед, нанося короткие и сильные удары, стараясь попасть сопернику в грудь. Делал все, как учил ротный.

Несколько раз промахнувшись и едва не упав, я почему-то не расширепел, как другие, а, наоборот, успокоился и просто перестал видеть в Коржавине командира. Передо мной находился противник, и я должен был его поразить во что бы то ни стало!

Атака моя была настолько яростной, что Коржавин смог охладить мой наступательный пыл, только перейдя в контрнаступление. Не успевая среагировать на неожиданные и мощные выпады ротного, я один за другим получал болезненные удары деревяшкой в грудь. Но уловив момент (то ли ротный ослабил натиск, то ли боль в груди и сбитое дыхание заставили меня собраться), удачно отразив очередной выпад старшего лейтенанта, я сам сделал неожиданное не только для ротного, но и для самого себя движение. Штык ткнулся слева Коржавину в грудь и провалился, с треском прорвав белый овчинный полушубок.

От неожиданности я замер в картинной позе разящего бойца, вперившись вытаращенными глазами в лицо ротного. А тот, побледнев, глянул за левое свое плечо на торчащий штык и с хрипотцой в голосе сказал:

— Осипов, ты проткнул своего командира насквозь. Чувствуешь, как трепещет на штыке мое горячее сердце?

— Не-ет... — ответил я, пытаюсь проглотить ком, вставший в горле.

— Не-ет?! — удивленно вскинул брови Коржавин. — Тогда ты промахнулся. Оно, наверное, в пятки провалилось.

“А может, его вообще нет?” — почему-то подумал я и сам испугался своей глупости.

Штык, скользнув по ребрам, только оцарапал ротному кожу. Мне пришлось штопать его полушубок, выслушивая подначки товарищей.

Апрель 1943 года. На подступах к Курскому выступу

Дивизионная колонна растянулась на несколько километров.

Весеннее солнце еще не успело просушить почву, и чернозем, взбитый, словно сливки, траками танков, САУ, артиллерийских тягачей, жирно чавкал под сапогами. Казалось, сама русская земля взахлеб целует ноги солдат-освободителей. И будто чувствуя это, бойцы, презрев усталость, спешили как можно скорее вперед, освобождаясь от раскисшей грязи, как освобождается идущий в поход ратник от любящей, подурневшей от слез жены, хватающей его за ноги.

Впереди замаячила колонна пленных немцев. Сопровождаемые тремя автоматчиками, они понуро брели, не смея поднять глаза. Война для них закончилась, и спешить было некуда.

Ноздри Коржавина затрепетали, мышцы напряглись, будто он увидел не просто пленных, а врагов, затаившихся, притворившихся неопасными, но на самом деле готовых нанести неожиданный удар в спину.

Глаза ротного вспыхнули огнем, как перед схваткой. Я знал, что означает этот огонь. Появлялся он в те минуты, когда в голове командира рождалось решение. Знал я также, что никто и ничто не сможет остановить Коржавина в стремлении выполнить задуманное.

— Фриц! Отто! Ганс! — пошел ротный с широкой открытыми объятиями навстречу высокому немецкому офицеру, чью левую глазницу закрывала черная повязка.

Удивленно покрутив головой, ища, к кому обращается русский, и поняв, что обращается он именно к нему, немец пробормотал:

— Нихт Ганс, — и, тыкая себя пальцем в грудь, представился: — Карл. Гауптман Штаубе.

Он даже пытался щелкнуть каблуками, что в условиях распутицы выглядело смешно.

— Карл! Майн фройнд! — Смешно выговаривая немецкие слова, с обезоруживающей улыбкой Коржавин заключил немца в объятия, хлопая того по широким костлявым плечам.

К месту необыкновенной встречи спешил конвоир.

— Товарищ старший лейтенант, не положено... — Явно не привыкший к таким оборотам, боец не знал, что ему предпринять. Не оттолкнешь же, на самом деле, офицера!

— Погоди, браток, — весело ответил ротный, — я, может, с этим гадом еще под Брестом воевал, а ты мне хочешь встречу испортить?

Бойцы нашей роты чуть шеи не свернули, глаза на командира.

Коржавин, воспользовавшись тем, что конвоир уступил его натиску, оттащил немца в сторонку, что-то громко и радостно рассказывал, не выпуская того из объятий.

Рота продолжала движение. Оглянувшись назад, я увидел, как Коржавин в очередной раз порывисто обнял пленного и наконец, разбрасывая сапогами грязь, побежал догонять свое подразделение. А немец, прижав к груди руку, будто стараясь унять стук взволнованного встречей сердца, удивленно смотрел ему вслед. Стоял он, чуть покачиваясь, словно от порыва ветра, и вдруг рухнул ничком в растоптанный чернозем.

Над упавшим склонился конвоир. Перевернул и захолопотал, будто наседка над непоседливым цыпленком, не зная, что делать: то ли подопечному помогать, то ли догонять старшего лейтенанта — его обидчика.

Не оглядываясь назад, Коржавин догнал роту. Его лицо светилось.

Поравнявшись со мной и заметив недоумение, которое я так и не научился скрывать, ротный на ходу тихо проговорил:

— Осипов, любопытство при определенных обстоятельствах не самое лучшее качество.

Сорвав на ходу пучок прошлогодней травы и тщательно протерев финку, неизвестно откуда появившуюся в руке, Коржавин сунул ее за голенище сапога и, как бы рассуждая вслух, произнес:

153

— Просто Карл не пережил радости встречи...

Рота уходила все дальше. Скоро нам предстояло вступить в бой.

Июль 1943 года. Курская дуга

В конце апреля дивизия прибыла в район Вторых Понырей.

Первого мая в честь праздника международной солидарности трудящихся армейское командование решило отбить у немцев высоту, с которой просматривался наш тыл на несколько километров. Именно оттуда немецкие разведчики корректировали огонь своих батарей.

Для выполнения задачи в дивизию прибыла штрафная рота в количестве двухсот пятидесяти человек. Ее, не имевшую своих командиров, усилили взводом наших разведчиков, дали в поддержку десять танков. Командовать этим сводным подразделением добровольно вызвался старший лейтенант Коржавин.

Лихие танкисты проделали проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Видно было, как под гусеницами боевых машин фонтанировали противопехотные мины. Вслед за танками пошли штрафники.

Высоту взяли на удивление быстро и с небольшими потерями. На ней закрепился наш взвод, а штрафников увезли в тыл. Вскоре высоту занял свежий стрелковый батальон.

Немцы не смирились с потерей высот. При поддержке танков и тяжелых пушек бронепоезда, ударившего со станции Глодуновка, они поднялись в контратаку. Но высоту мы удержали.

Командование дивизии, воодушевленное удачей, решило развить успех и отбить у немцев деревню Хитрово. Но атака захлебнулась. Мы в это время находились в резерве комдива и со слезами на глазах смотрели, как гибнут наши боевые товарищи.

В середине мая дивизию отвели в тыл. Днем мы работали на строительстве оборонительных сооружений, а ночью усиленно готовились бороться с новым оружием вермахта — пресловутыми “тиграми” и “панте-

рами”. Так продолжалось до конца июня.

Пятого июля дивизию подняли по тревоге. Нам предстоял марш к переднему краю в район Прохоровки.

На протяжении всего перехода я не уставал удивляться военной мощи, сосредоточенной на курской земле. Все пятьдесят километров пути мы шли вдоль траншей, противотанковых рвов, проволочных заграждений. Нашу колонну обгоняли танки, самоходки, грозные “катюши”. Тяжелые грузовики тянули на передовую орудия. А навстречу нам катились обозы с ранеными. Те, кому посчастливилось уцелеть на передовой, торопили:

— Ребята, скорее! Танки есть, пушки! Все есть! Пехоты нет!

Седьмого июля в шесть часов утра дивизия прибыла на передний край и заняла оборону у совхоза “Октябрьский”. То, что мы увидели, потрясло: горы искореженного металла, развороченная, выжженная земля, трупы немецких солдат, начинающие разлагаться под жарким июльским солнцем...

Наши окопы действительно были пусты, хотя танки, орудия стояли замаскированные и готовые к бою.

С пятого по девятое июля бушевал ад. Тысячи людей, сотни танков и орудий на земле, множество самолетов в небе — все смешалось в кровавой мясорубке. Канонада стояла такая, что невозможно было слышать крик находящегося рядом в окопе.

Армады немецких бомбардировщиков, сопровождаемые роями истребителей, встретились с нашими самолетами. Прикрывая бомбовозы, и те и другие кружились в смертельной карусели прямо над нами. Сбитые машины исчертили безоблачное небо.

Наблюдая из своего окопа, расположенного вблизи командного пункта дивизии, я только за двадцать минут боя насчитал сорок восемь подбитых танков. Наши танкисты творили чудеса. Используя превосходство в скорости, тридцатьчетверки заходили немецким танкам во фланг и прожигали их в борта. Расстреляв боезапас, они шли на таран.

В течение одного дня линия окопов несколько раз переходила из рук в руки. Часто успех атаки решался в рукопашной.

В этом аду старший лейтенант Коржавин чувствовал себя как рыба в воде. Казалось, тонны взрывчатки, вздымавшие в воздух кубометры земли, корежащие сталь, калечащие налево и направо людей, питали Коржавина высвобождающейся дьявольской энергией.

Он был повсюду. Будто не один, а десяток Коржавиных находились на поле боя. Пули и осколки не трогали его, и он, словно зная это, шел под разрывы, на пулеметный огонь, бросался на штыки наступающих немцев. И смерть бежала. Он смеялся над ней.

Однажды, во время редкого затишья, на позиции со стороны противника неожиданно выехал наш Т-34. Танк на большой скорости двигался на соседей справа. Там произошла заминка. Солдаты отложили оружие и смотрели на этот танк, как на чудо. Любопытство охватило наши окопы. Только грозная команда Коржавина заставила бойцов приготовиться к бою. Ротный как будто чувствовал подвох немцев.

Не доехав до нашего переднего края, танк резко развернулся и двинулся вдоль окопов, поливая позиции пулеметным и орудийным огнем. Он приближался к расположению нашей роты, к находившемуся рядом НП дивизии.

— Приготовить бутылки! — крикнул ротный, а сам, схватив снайперскую винтовку, припал к брустверу окопа. Тщательно прицелившись, он нажал на спусковой крючок. Было видно, что попал он точно в смотровую щель. Танк дернулся, словно предсмертная судорога механика-водителя передалась его многотонному телу, и замер. Мгновения хватало, чтоб о броню разбилась сразу пять или шесть посудин с "коктейлем Молотова". Танк запылал огромным факелом. Фашисты сгорели заживо.

* * *

Соседей справа опять потеснили, и немцы грозили прорваться к нам в тыл. Артиллеристы поставили на их

пути заградительный огонь, вступили в бой с танками. Наша рота получила приказ очистить захваченные врагом окопы.

Едва огонь перенесли, мы как один поднялись в атаку. Немцы, подавленные артналетом, не оказали сопротивления.

Когда мы были почти у цели, я услышал громкий смех. Бойцы стояли широким кругом на дне неглубокого оврага, сплошь изрытого воронками, и гоготали от души. В центре возвышался здоровенный немец. В правой руке он угрожающе сжимал длинный обоюдоострый штык. Всем своим видом фашист показывал, что в плен сдаваться не собирается, предпочитая позорной жизни героическую смерть. Во время огневого налета его оглушило и присыпало землей, а когда наконец очнулся и выбрался из завала, то увидел вокруг себя врагов.

Появился ротный, и все притихли.

Коржавин сделал шаг по направлению к немцу, но тот сейчас же занес штык для удара. Ротный остановился, и демоническая улыбка заиграла на его губах.

— Найдите его винтовку, — распорядился он. Приказание ротного было немедленно выполнено.

Из принесенного оружия, Коржавин выщелкал патроны и бросил его фашисту. Сам взял в руки трехлинейку. Направив штык на немца, он, как мог, объяснил ему: "Я — мертвый, ты — живой и свободный!" Фашист оказался понятливым. Он ловко приладил штык и принял боевую позицию.

Бойцы, ставшие свидетелями необыкновенного поединка, попятились назад, расширяя круг.

Немец был выше Коржавина почти на голову. Я, зная ротного как искусного мастера рукопашного боя, все же начал беспокоиться за его жизнь. Но опасения оказались напрасными. Коржавин, разыграв неудачную атаку, спровоцировал немца на ответный удар и, поймав его на встречном движении, коротким и сильным рывком снизу вверх вспорол ему живот. Рана получилась страшная — широким углом. Так рвется гнилая наволочка на туго набитой подушке.

Немец, выронив винтовку, упал на

колени, придерживая обеими руками вывалившиеся кишки.

Над оврагом повисла тишина. Только слабые стоны тяжело раненного врага нарушали ее траурную торжественность.

И вдруг тишина взорвалась. Немец неожиданно вскочил на ноги, роняя на землю гроздь кровавых внутренностей, и, вскинув руку в фашистском приветствии, громко, как только мог, крикнул:

— Хайль Гитлер!

В то же мгновение штык ротного с хрустом вонзился ему в грудь.

На Коржавина было страшно смотреть. Окинув долгим, изучающим взглядом бойцов, будто пытаясь найти в выражениях наших лиц одобрение или осуждение и не находя ни того ни другого, он поднес штык трехлинейки к лицу и длинным движением языка слизнул кровь с граненого жала.

— Сладка кровь поверженного врага! — хрипло воскликнул он и понес окровавленный штык вдоль столпившихся бойцов, словно повар, предлагающий отведать только что приготовленное блюдо. — Кто еще хочет в этом убедиться?

Оторопевшие солдаты, потупив взгляд, лишь пятились. В задних рядах перекрестился пожилой боец.

Штык с запекшейся кровью на гранях остановился на уровне моей груди. И тут то ли азарт восемнадцатилетнего мальчишки, то ли что-то другое, трудно сказать что, будто под руку толкнуло. Осторожно, словно боясь обжечься, я мазнул указательным пальцем по штыку и, глядя в глаза ротному, как бы бросая вызов, слизнул с пальца кровь. Пожевал губами, пробуя на вкус, и сплюнул под ноги.

Мы некоторое время смотрели в глаза друг другу, и я не отвел взгляд, как будто чувствуя, что поднялся на один уровень с Коржавиным, породнился с ним, причастившись кровью только что принесенной жертвы.

— Держись ко мне поближе, — сказал ротный. — Может, и выживешь.

С этого дня я стал коржавинским ординарцем.

Август 1943 года. Район Брянских лесов

Оборона немцев была прорвана во многих местах, и линия фронта благодаря войскам, хлынувшим в брешь, представляла собой огромный слоенный пирог, начинкой которого стали тысячи тонн металла, тротила, людей, живых и мертвых. Фланговые подразделения то и дело вступали в огневой контакт с противником, не успевающим откатываться назад.

Чтобы точнее ориентироваться в сложной обстановке, вперед наступающих войск было выслано боевое охранение. Как охотнику служит верный пес, идущий по следу раненого, но еще способного огрызаться зверя, так наша поредевшая рота оберегала дивизионную колонну от сюрпризов со стороны немцев. Мы предупреждали наступающие части об опорных пунктах противника, отыскивали незорванные мосты, броды через реки, указывали обходные пути и проходы в минных полях.

Уже через две недели наступления наш отрыв от ядра дивизии составил почти сорок километров. Части, идущие следом, отягощенные обозами, то и дело останавливались, чтобы огнем артиллерии и гусеницами танков заставить немцев сдаться, или уничтожали их очередной опорный пункт.

Старший лейтенант Коржавин вел роту умело, грамотно, с минимальными потерями. Казалось, какое-то шестое чувство говорило ему о грозящей опасности, и он, благодаря своевременному маневру, не допускал открытых столкновений с противником.

На третьей неделе пути мы вступили в Брянские леса.

Утомленные до изнеможения, голодные бойцы с разрешения Коржавина устроились отдохнуть на лесной опушке в полуразрушенном коровнике. Там мы нашли небольшой запас мелкой проросшей картошки и решили хоть ею подкрепиться. Стараясь как можно меньше дымить, развели костерок, и тут дозорный доложил о подозрительном движении в лесу. Коржавин скомандовал: "К бою!".

Но, видно, нас обнаружили раньше. Из леса хлопнул выстрел, и вслед за

ним затрещали автоматные очереди. Мы открыли ответный огонь.

Неизвестно, сколько бы времени продолжалась перестрелка, если бы не ротный. Он, лежа на спине и вперив глаза в небо, так забористо, виетовато ругался, что стрельба стихла.

— Кто вы?! — донеслось из леса.

— А вы кто такие?! — переспросил Коржавин и снова разразился отборной руганью по адресу находившихся в лесу.

Через несколько минут на полянке, где только что носились рои пуль, состоялась встреча бойцов регулярной Красной Армии и народных мстителей.

Обнялись. Перецеловались. А потом посчитали потери. Оказалось, по четыре человека ранены с каждой стороны. У нас к тому же был убит старший сержант Борзенко.

Огонь партизаны открыли потому, что привыкли иметь дело со спецкомандами фашистов, одетых, как и мы, в маскировочные халаты.

Стрельба в лесу всполошила немцев, и через пару часов нашему уже объединенному отряду после скоротечного боя пришлось укрываться на клочке заболоченной земли, с трех сторон окруженном топью.

Взять этот полуостров штурмом было практически невозможно. Перешеек оказался таким узким, что отделение автоматчиков могло удерживать его до бесконечности. Были бы патроны. Но и выход из западни фашисты захлопнули, установив тяжелые пулеметы. К тому же немцы подтянули минометы и стали нас методически обрабатывать. Они просто решили засыпать нас минами. Но не сообразили, что, ухая в болотистую почву, те почти не давали осколков. Многовековой слой торфа стал для нас настоящим спасителем. Оставалось ждать подхода наступающих частей.

Солдату к ожиданию не привыкать. Если бы не одно "но". И разведчики, и партизаны были до изнеможения утомлены и до умопомрачения голодны. Продуктов не было совсем. Нами овладевало отчаяние. И вот тогда, под вечер, оставив вместо себя партизанского командира, тоже, кстати, кадрового офицера, Коржа-

вин отправился в сторону немецкого заслона.

Когда солнце еще только собиралось подняться, он возвратился так же бесшумно, как и уходил. В его вещмешке лежало около пуда мяса. На вопрос, где удалось достать, ответил, что уташил у немцев прямо с кухни. Будто подтверждая его слова, те начали беспощадный обстрел нашего лагеря. Несмотря на это, партизанский повар приготовил отменный обед. Видно было по всему, что ему не в первый раз приходится готовить пищу в таких условиях. Костерок, разведенный в неглубокой ямке, почти не давал дыма.

Разведчики и партизаны впервые за много дней наелись досыта.

А на следующее утро подошли передовые подразделения нашей дивизии. Частая стрельба слышалась по всему лесу. Потом она сменилась орудийной канонадой.

Коржавин с нетерпением смотрел в бинокль за перешеек. Грохот недалекого боя усиливался. Ротный слушал его, как слушает охотник приближение гона. Напряжение все возрастало, и наконец, оставив раненых на попечение двух пожилых партизан, он поднял отряд в атаку.

Атака была дерзкой и безрассудной по существу.

Подпустив редкую цепь как можно ближе, немцы стреляли в упор, забрасывали нас гранатами. Разрывом одной из них я был оглушен. Придя в себя, услышал, как захлебываясь бьет немецкий пулемет. Поднявшись на колени, увидел мертвые тела товарищей. Даже тяжелые пули не смогли опрокинуть их назад, так сильна была у бойцов энергия движения вперед.

А пулемет бил и бил не переставая. Я побежал на звуки выстрелов, удивляясь, почему не слышу свиста пуль.

Ужасная картина открылась, когда я добрался до немецкого окопа.

Узкая глубокая траншея была завалена трупами. Наши и немцы лежали вперемешку. Видно, здесь шла последняя ожесточенная схватка за пулеметы.

На горе мертвых тел на коленях за гашеткой отбитого у немцев пулемета стоял Коржавин и посылал одну за

другой длинные очереди в невидимого мне врага. Носок его грязного сапога упирался в широко раскрытый рот мертвого немецкого солдата. Глаза мертвеца были открыты и смотрели в утреннее небо. Они еще не успели остыть и казались живыми и удивленными.

Из оцепенения меня вывел бесцветный голос Коржавина:

— Жив? Патроны поищи где-нибудь...

Конец апреля 1945 года. Восточная Пруссия

Мы долго рассматривали усадьбу в бинокль и наконец, убедившись, что ничего неожиданного разведчикам там не готовится, длинной цепочкой потянулись к воротам.

Ротный требовательно постучал. Его стук был встречен громким собачьим лаем. Затем послышались шаги и окрик по-немецки. Ворота распахнулись, и огромный черный дог, вырвавшись из рук престарелого привратника, едва не уронив того на землю, бросился на Коржавина.

Реакция капитана была мгновенной. Неуловимым движением вырвав из кобуры ТТ, он от бедра трижды выстрелил в пса. Переступив через собаку, подошел к привратнику и, крепко ухватив за шиворот, начал трясти так, что казалось, у того отвалится голова.

— Где?! — кричал в лицо немцу ротный. — Где... хозяин этого?

Немец, бледный от испуга, не мог выговорить ни слова, и это еще больше злило ротного:

— Кто хозяин собаки?

Бойцы, и я в том числе, не смели вмешиваться, зная, как крут Коржавин в гневе.

Наконец до немца дошел смысл задаваемых вопросов. Он сделал слабое движение рукой в сторону дома.

— Фрау... Фройляйн... — бессвязно проговорил он.

Отпихнув немца, Коржавин приказал:

— Все осмотреть! Всех, кого найдете, — во двор! И чтоб мух ртом не ловить! Оружие держать наготове...

Взвод рассыпался по усадьбе.

Ротный и я пошли к хозяйственным постройкам. Там стояли ухоженные коровы, копошились сытые свиньи.

Коржавин с пистолетом в руке двинулся вдоль подклетей с поросятами. И тут снова губы его исказила гримаса гнева.

— По-немецки хрюкают, твари... — выдавил он и... бац! бац! бац! из пистолета.

Раздался оглушительный визг раненых животных. Он привел ротного в неописуемую ярость. Сунув в рукоятку ТТ вторую обойму, Коржавин принялся стрелять, тщательно выцеливая мучащихся по загону поросят.

На звуки выстрелов прибежали бойцы. Перед собой они толкали пожилую даму. Видимо, хозяйку.

— О, майн гот! — воскликнула она, увидев картину бойни. И заломив руки, запричитала по-бабьи тоненьким визгливым голосом.

Плач женщины не остудил ярости капитана. Я увидел, как его пистолет поднялся на уровень груди хозяйки. Но тут из-за спин растерявшихся бойцов выскочила девица. Приблизившись к Коржавину, она поцеловала, да так, словно клюнула, руку ротного, державшую пистолет. Затем присела в реверансе, выражая покорность и послушание.

— Герр офицер, — проворковала девица, указывая на выход, — битте...

Немецкая речь подействовала на Коржавина, как красная тряпка на быка. В глазах его сверкнули молнии, и черный зрачок пистолетного ствола теперь уперся в переносицу фройляйн.

Выдержке молодухи можно было только позавидовать. Быстро сообразив, что при этом странном русском лучше молчать, она, не переставая безоруживающе улыбаться, взяла коржавинскую руку с пистолетом и, обвинив ею свою талию, повела ротного из свинарника.

Во дворе на происходящее глазели, не смея вмешаться и не имея возможности убежать, двое пожилых мужчин и мальчишка-подросток. Видимо, работники.

Девица поманила старшего к себе и что-то на ходу шепнула ему на ухо. Тот, выслушав приказание, поклонил-

ся и, сделав знак своим напарникам, направился в сторону свинарника.

Будто очнувшись ото сна, Коржавин обернулся к разведчикам и приказал сержанту:

— Трегубов, охранение и распола- гаться. Осипов, — кивнул он мне, — пошли со мной.

Через полчаса мы сидели за ло- мившимся от яств столом на втором этаже дома, откуда из окна можно было наблюдать, как работники вме- сте с разведчиками освежевывают поросят.

Хозяйка и, как выяснилось, ее дочь прислуживали нам, стараясь преду- гадать все желания опасных гостей.

Приближался вечер. Оставив раз- мягченного капитана на попечение фройляйн, я слонялся по дому.

В темном закутке случайно на- ткнулся на хозяйку. Увидев меня, она что-то торопливо спрятала под пе- редник. Этот ее произвольный жест напомнил мне о матери. Прав- да, у моей мамы никогда не было та- кого кружевного передника, такого дома, хозяйства и тем более работ- ников.

А хозяйка смотрела на меня испу- ганными глазами. Помня о бдитель- ности, я потребовал показать, что она прячет.

Помедлив мгновение, женщина вы- простала из-под передника фотогра- фию, оправленную в красивую рез- ную рамку. На ней был запечатлен улыбающийся молодой человек в форме офицера германской армии.

— Майн клайне зон... — пояснила она.

Кто-кто, а уж я чувства матери мог понять. Повертев в руках, я от- дал ей фотографию и пошел восво- яси. Нужно было посмотреть, как там ротный устроился на ночлег, да и самому поспать не мешало. Кор- жавину для ночевки была отведена большая светлая комната с огром- ной кроватью. Я улегся на диване в соседней и уснул сном сторожевого пса.

Шорох и торопливый шепот заста- вили меня открыть глаза. В темноте колебался огонек свечи, и я разгля- дел женщин, стоящих у дверей, за которыми спал Коржавин. Мать, заго- раживая собой проход, что-то горячо

пыталась доказать дочери. Но та, по всему видно, была совершенно дру- гого мнения.

Спорили они, не замечая, что за ними наблюдают. А я понял по жест- там, по выражениям лиц да по неко- торым знакомым немецким словам, о чем шла речь.

— Ты сошла с ума, — говорила мать, — неизвестно, чего ждешь от этого сумасшедшего русского. А зав- тра они уйдут, и все будет хорошо.

— Они уйдут, — обводя рукой про- странство дома, отвечала дочь, — оставив нам горячие головешки. Лучше подстраховаться, но сохранить род- ной очаг наверняка. Мужчины бывают благодарными...

“Ну и девка, — подумал я с восхи- щением. — На все готова, чтоб толь- ко по миру не пойти. Ведь в постель к Коржавину заберется, чтоб только дом не спалил! А кому это надо — жечь ваши хоромы!”

И я решил про себя, что лучше не вмешиваться. Пусть сами разберут- ся. Тут дело тонкое — неизвестно, где выиграешь, где проиграешь.

А девица была хороша. В одеяниях, которые больше служили мужскому воображению, чем препятствовали любовным играм, с распущенными волосами, со свечой в руке, отбрасы- вающей на стены таинственные тени, она шагнула к дверям. Мать лишь на мгновение повернула ее к себе и, окинув долгим, запоминающим взглядом, перекрестила. Закрыв ли- цо руками, пожилая женщина, словно привидение, бесшумно спустилась с лестницы, не скрипнув ни одной по- ловицей.

Я лежал в темноте с открытыми глазами, весь напряженный от аму- рных видений, пока мои лирические фантазии незаметно не перешли в сон.

Очнулся я оттого, что уловил стран- ный звук. Я вскочил и поспешил к двери Коржавина.

С таким горловым звуком обычно деревенские мужики колют крепкие поленья, кавалеристы рубят сплеча, а пехотинцы разят штыком врага. Приоткрыв дверь, я заглянул в спальню.

В свете полной луны, падающем через занавешенное окно, первым,

что мне бросилось в глаза, было лицо хозяйской дочери. Безжизненное, искаженное гримасой боли.

Ротный со свистом втянул в себя воздух, будто его неожиданно ожгли кнутом, и, отскочив к окну, ошалело глянул мне в глаза. В руке его матово блеснул пистолет.

— Осипов, — заговорил он, комкая обмундирование, — найди санитаря, делай что хочешь, только не дай ей умереть. Если, конечно, она еще жива. О том, что случилось, помалкивай и никого сюда не пускай.

И он выскочил из комнаты.

Санинструктор Костомаров, осмотрев так и не пришедшую в себя молодую хозяйку, сделал все возможное для того, чтобы остановить кровотечение. Он подозрительно посмотрел на меня:

— Сама, говоришь, виновата? — Он покачал головой, укладывая свой нехитрый медицинский скарб. — Не нужно, говоришь, в темноте по перилам кататься, тем более когда в них гвозди встречаются? Ну-ну...

Я был взвинчен до предела и распространяться на эту тему не имел никакого желания. А повидавший много чего за свою фронттовую жизнь Костомаров усмехнулся с высоты окопного опыта:

— Верно, тот гвоздь размером с хороший костыль был...

В комнату ворвалась хозяйка дома. Увидев дочь на окровавленных простынях и без чувств, она бросилась к ней и зарыдала у нее на груди.

Мы с Костомаровым, не зная, как себя вести, отошли в сторону.

— Оклемается. Ну порвалась маленько девка, крови потеряла, — тихо сказал санбрат. — А что без сознания, так ей же легче...

Как будто подслушав его слова, хозяйка внезапно повернулась и огля нас таким взглядом, что мне стало жарко. Тут ее прорвало. Ругань — она на любом языке ругань. Мы и без переводчика прекрасно понимали, что говорила мать...

За окном занимался рассвет.

Я отправился искать ротного. Нашел в подвале, заставленном бочками с вином. Коржавин, казалось, спал, разметавшись на каких-то брезентовых чехлах.

Вдруг он застонал, выгнулся всем телом и очнулся. Судорожно держась за низ живота, посмотрел на меня безумными глазами:

— Она умерла? — Он больше утверждал, чем спрашивал.

— Жива! Костомаров говорит, что ничего серьезного. Только крови много потеряла.

— Не ври, Осипов, не успокаивай. Правду говори, умерла? — Его глаза светились в сумраке подвала.

— Да жива же, говорю!

Ротный встал, неуклюже держась обеими руками за пах.

— Не верю! Не верю я! — говорил он и, сгорбившись, мерил шагами ширину помещения. — Все равно не верю. Если она жива, значит, кто-то другой из немцев умер...

“Бредить начал”, — подумал я.

Коржавин снова опустился на брезент и, повалившись набок, запричитал:

— Да за что же мне все это, Господи?! Осипов, — повернул он ко мне лицо, — мы с тобой с Курска вместе. Скажи честно, ты меня за сумасшедшего не считаешь?

И не дожидаясь ответа, заговорил:

— Не спеши так думать, Осипов, сначала выслушай меня, а потом суди.

И он рассказал свою трагическую историю.

— Что такое война, Осипов? Продолжение политики другими средствами? Временной промежуток, следующий за мирной жизнью? Ничего подобного. С чего начинаются войны? С убийства кронпринца? Со случайного выстрела на границе? Как бы не так! Война начинается и живет здесь...

Он ткнул себя пальцем в лоб.

— Война — это образ мыслей, умопомешательство, овладевшее целыми народами, которые она бросает на кровавый жертвенник, воздвигнутый самой себе. И среди множества человеческих особей есть отдельные избранные, возведенные войной в ранг жрецов смерти в прямом смысле этого слова. Война так вжилась в их сознание, образ мыслей, что они не могут даже представить себя вне ее. Война стала для них непримен-

ным условием существования, их религией, матерью, женой.

Я один из них. В первый день немецкого нашествия в числе многих я оказался в окружении. Тысячи убитых, тысячи попали в плен, что равносильно смерти. Там должен был погибнуть и я, но оказался в числе немногих, чудом уцелевших, выжил, несмотря на то, что был травлен, словно зверь, вопреки голоду и холоду. Многие кончали самоубийством, но мне и в голову не приходила мысль об этом. Тогда, в сорок первом, я посчитал за чудо, что остался жить. А никакого чуда не было. Просто, просеяв, как песчинку, через сито двух окружений, война выбрала меня, сделав неуязвимым на поле боя. С тех пор я и живу, убивая, и, убивая, живу.

В боях под Москвой я пристрастился к снайперской стрельбе. И вообще, как личное оружие кроме пистолета всегда держал под руками винтовку. Поднимаясь в атаку, я забывал про взвод и роту. Я бросался вперед со штыком наперевес, оставляя подчиненных самих решать свои судьбы. И никто не мог отстать от меня. Трусов карал смертью. Во время таких атак война собирала свою кровавую жатву. А я, ее избранник, помогал ей в этом. Угрызения совести приходили потом, когда остывал жар боя.

В атаке, встречаясь лицом к лицу с немцами, я впадал в экстаз от вида пролитой вражеской крови. Дошло до того, что однажды в отбитом окопе вдруг осознал, что состоялся как мужчина...

Говорят, что в человеке так сильна тяга к жизни, что приговоренные к смерти в то время, как петля впивается им в шею, изливают семя. Так силен жизненный инстинкт, что человек в последнее мгновение будто стремится зачать новую жизнь. С того самого случая, если мои товарищи проливали на поле боя кровь, я оставлял на этом поле и свое мужское начало. Умирая всякий раз, словно раздавленный, и оставаясь жить. Я стал мужем войны, которая, вбирая мое семя, порождала новые и новые смерти. Война овладела мной всецело, пропитав каждую клеточку моего

тела, но требовала и требовала от меня все новых и новых жертв.

Однажды, когда дивизию отвели на пополнение после Курской дуги, пригрела меня одна молодуха, но я ничем не мог ответить на ее ласки. Я оказался несостоятельным с живой, любящей женщиной. В жаркой постели я чувствовал, как между нашими телами втерлась, втиснулась война и своим ледяным прикосновением, невидимыми смердящими поцелуями отняла мои силы. Отняла у меня будущее. Жена и сын мертвы. А я живу, лишая жизни врагов и товарищей.

А сегодня, когда кажется, что скоро конец войне, я чувствую, что и мне осталось недолго гостить на этом свете.

С того самого момента, как переступили порог этого враждебного нам дома, я ощущаю близкую развязку. Словно убийца моей жены здесь, мы обязательно встретимся. Тогда-то и кончится наваждение. Сгинет проклятие. Война заберет и меня с собой в небытие. Но это лучше, чем окончить жизнь никем не понятым где-нибудь в психушке. А ты берегись! Ты, принимавший причастие войны из моих рук и выживший, можешь понести в себе заразу смерти. Берегись!

Дверь в подвал со скрипом отворилась, и на пороге показались разведчики.

— Что случилось? — строго спросил ротный.

— Товарищ капитан, хозяйка дома повесилась.

Коржавин многозначительно посмотрел на меня: "А ты ведь, сознайся, подумал, что я брежу?" И не дожидаясь ответа, распорядился:

— Собираться! Через десять минут выступаем.

Дорога тянулась вдоль цветущих садов, наполненных птичьим щебетанием. Если б не колонны техники, то и дело обгонявшие нас, ничто в это апрельское утро не напоминало бы о войне.

Бойцы шли понуро. Ночное происшествие не могло не сказаться на их настроении.

Осунувшийся, постаревший за одну ночь Коржавин смешно ковылял на негнувшихся ногах позади всех.

Послышался треск мотоцикла. Ничем вроде бы не выделяющийся из других дорожных звуков, он заставил ротного обернуться.

— Это он! — только и выдохнул капитан.

Не обращая внимания на уходящий взвод, Коржавин встал посередине дороги и расстегнул кобуру пистолета.

— Осипов! Это он! — крикнул мне, словно призывая в свидетели.

Мотоцикл быстро приближался. Под кожаным шлемом ясно виднелась черная повязка, закрывавшая левую глазницу.

Не доезжая метров тридцати до нас, водитель выпрыгнул из седла и пробежал, гася силу инерции. Мотоцикл, вильнув, бухнулся в кювет.

Немец, сжимая в руке пистолет, надвигался прямо на Коржавина, а я оцепенел, не в силах поднять автомат, чтобы помочь командиру.

Стрелять они начали одновременно и продолжали давить на спусковые крючки до тех пор, пока не расстреляли все патроны. Бросив ставшие бесполезными пистолеты, схватили друг друга за грудки. Но силы оставили израненные тела. Обнявшись, как родные братья, оба упали на дорогу. Полоска черной материи спала с лица немца. И я узнал офицера, чью фотографию видел в руках хозяйки дома.

Младший сын приехал мстить за смерть матери, за поруганную честь сестры. Он пал от руки мстителя за замученных жену и сына.

Уходящая война собирала свою жатву. Ей пришлось по вкусу младшие сыновья.

Август 1946 года. Город Горький, Московский вокзал

Победные торжества давно отгремели, и мало кто обратил внимание на солдата в выцветшей гимнастерке с тощим вещмешком за плечами, на сапогах которого осела пыль дорог освобожденной Европы. Только немолодая цыганка, на лице которой отразились невзгоды кочевой жизни, с чумазым младенцем на руках обра-

тилась к демобилизованному со старым как мир предложением:

— Позолоти ручку, красивый, что было, что будет, скажу!

— Что было — знаю. Погадай на то, что будет, — ответил я.

Торопливо спрятав деньги, цыганка заводила пальцем по ладони:

— Сам смотри, золотенький... — и осеклась на полуслове, оттолкнула руку и вдруг покатила быстро-быстро на коротких ногах, как от прокаженного.

— Эй, — говорю, догоняя, — деньги отрабатывать надо. Рассказывай, что увидела?

Но та и не смотрит на меня, обойти старается. Да куда там! Немецкие танки останавливал, а тут — цыганка!

— Ой, золотенький, навру ведь. Отпусти!

— Нет, — говорю, — гадай!

— Вижу зверей на твоём пути. Не объедешь их, не обойдешь. Через них и судьбу свою повстречаешь. Будет у тебя много сыновей, и рядом с каждым вижу одну и ту же зазнобу. Кто такая — не знаю. Только на всех одна. И младшего твоего с собой заберет. А денег мне твоих не надо.

Выпала все скороговоркой, сунула деньги в мою раскрытую ладонь и прочь поспешила.

Я об этой встрече никогда бы и не вспомнил, если б не сбылись ее предсказания.

Зима 1947 года. Город Ворсма Горьковской области

Работать я устроился на медико-инструментальный завод токарем. Зима сорок седьмого выдалась на редкость суровой. Мощности заводской котельной для отопления цеховых помещений не хватало. Рабочие мерзли. Поэтому и было принято решение закупить валенки.

В деревне Кишкино на валенках специализировалась целая артель, в которой не последнюю роль играл мой дальний родственник. Цеховое начальство поручило вести переговоры мне, надеясь, что родственные связи помогут приобрести товар подешевле.

Запрягли мне однажды заводскую конягу, и поехал я забирать товар.

Сделка для артели оказалась выгодной, и после небольшого застолья в надежде на продолжение торговых отношений мне подарили нож — традиционный в наших местах презент. Павловский район Горьковской области всегда славился изделиями мастеров-металлистов.

А нож действительно был хорош. Большой, складной, с удобной рукояткой и фиксирующимся лезвием, острым как бритва, отполированным так, что муха поскользнется. Он мог бы служить украшением арсенала самого привередливого охотника.

В обратную дорогу я отправился затемно. Кляча, чей трудовой путь неумолимо приближал ее к живодерне, не спеша тянула сани с поклажей, и, казалось, ничто не могло заставить ее вспомнить о резвости жеребьячьих дней. Но вдруг коняга, всхрапывая на ходу, побежала быстрее. Поначалу озадаченный поведением лошади, я вскоре понял причину ее беспокорства. Впереди и сбоку среди берез, утонувших в сугробах, засветились огоньки хищных глаз, и тишину округи нарушил протяжный волчий вой. Взметая снежную пыль, четверо зверюг летели нам наперерез.

Лошадь встала на дыбы, заржала, роняя с морды хлопья пены, и метнулась в сторону. Сразу же утонув в сугробе, она рванула с неистовством обреченного. Раздался треск упряжи, и кобыла, свободная от саней, понеслась по бездорожью. Но далеко ей убежать не удалось. Один из волков, распластавшись в прыжке, повис у нее на холке, другой нырнул под брюхо. Еще двое тотчас оказались на спине своей жертвы.

Я стал свидетелем кровавого волчьего пиршества. Не успев даже как следует испугаться, смотрел, как волки рвут теплое мясо. На меня они не обращали никакого внимания.

Зрелище завораживало, пьянило запахом парной крови, и я, повинувшись какому-то дикому зову, шаг за шагом приближался к месту разыгравшейся трагедии до тех пор, пока один из волков не встал на моем пути, предупредительно оскалив окровавленные зубы. Но нападать зверь не решился.

“Да ты пес! Жалкий бродячий пес, джогущий над куском украденного мяса!” — такая сумасшедшая мысль мелькнула у меня в голове, а рука скользнула в карман полушубка к подаренному ножу.

“Мое лезвие крепче твоих зубов!” — думал я, вылуцывая жало из тяжелой рукоятки. Щелчок фиксатора прозвучал для зверя как сигнал к нападению.

Волк прыгнул, целясь в шею, но я поймал его зубы на предплечье и коротким сильным ударом сверху вверх проломил ему грудь у левой лапы. Он упал к моим ногам замертво.

Теперь от лошадиной туши оторвались сразу два хищника. Они осторожными, пружинящими шагами заходили с боков. Не чувствуя страха, востушевленный первой легкой победой, я вобрал голову в плечи, прислонился спиной к дереву и ждал нападения. И все же прозевал его. Мгновение — и от моего полушубка полетели ключья. Волки рвали овчину, стараясь добраться до тела. Но во мне уже проснулся хладнокровный, расчетливый боец. Не обращая внимания на боль от укусов, я старался удержаться на ногах и не дать захватить правую руку с ножом. Чуть согнувшись, я крепко прижимал ее к животу. Такая тактика оправдала себя. Почувствовав вкус моей крови, волки осатанели, перестали осторожничать. Расплата была мгновенной. Первому зверю я распорол горло. Оно открылось широкой кровавой полосой. Со вторым возился дольше. Удар мой пришелся в хребет, и зверь пополз на передних лапах, оставляя на снегу кровавый след и унося застрелянное в ране оружие.

На меня прыгнул четвертый хищник, до этого стоявший в стороне. Это был матерый самец. Его зубы, казалось, поспедали повсюду, оставляя все новые кровотокающие раны. Но до шеи зверь добратся не смог — я сам уподобился зверю: рычал, визжал и кусался, упорно пытаюсь захватить его задние лапы.

Когда это удалось, сил почти не осталось. Но собрав в кулак всю свою волю, я рванулся что есть мочи и, с трудом удерживая вертящуюся пружину волчьего тела, стал крутиться

вокруг своей оси, приближаясь к березе. На очередном витке волк раскрылся, и голова его гулко ударилась о замерзший березовый ствол. Раз и два, и три! Я уже вращал над собой тело врага, снова и снова ударяя о дерево и так до тех пор, пока последняя смертная судорога, пробежав по его лапам, не замерла в моих руках.

Я лежал на спине в изнеможении и чувствовал, как что-то теплое растекается по животу ближе к паху. От полужубка почти ничего не осталось, и снег неприятно холодила разгоряченное тело. Долго я не решался посмотреть на живот, боясь увидеть выпущенные свои кишки. Но решившись наконец, оцупал себя руками. Все цело. Только... ладонь моя оказалась густо выпачканной семенной жидкостью: опростался во время схватки...

Я вспомнил Коржавина и его предупреждение о заразе войны. Неужели она накатила на меня волчьей стаей, чтобы мучить, как мучила ротного?..

Меня подобрала мужики, воровавшие потихоньку лес в Ворванской роще. На санях, груженных дровами, они привезли меня в больницу вместе с трофеями. Врачи и сестры только ахнули, увидев, что представляет собой их ночной пациент.

Меня вымыли и целую ночь штопали, поскольку я был одной большой раной. Зашивали рваные щеки, кожу на голове, плечи, руки, ноги. Наложили гипс на раздробленные волчьими зубами пальцы. Поздно утром меня наконец оставили в покое, и я заснул. Снились война, Коржавин, волки...

Очнувшись, увидел над собой симпатичное лицо молоденькой медсестры.

— Ну что, герой, — улыбнулась она. — Ничего существенного, надеюсь, волки тебе не откусили? — засмеялась, будто в колокольчик серебряный зазвонила.

Раны гноились, заживали долго, и у меня было время поближе познакомиться с Наденькой. Именно так звали девушку.

После выписки мне еще долго довелось ходить в больницу отпугивать от моей новой знакомой ухажеров. Слава волкодава бежала впереди меня, и я не стеснялся подтверждать

ее, кровавая кулаки о зубы соперников.

Осенью сорок восьмого, к радости постаревшей матери, я привел в дом молодую хозяйку.

Через год, осенью сорок девятого у нас родился первенец. Назвали его в честь деда — Анатолием.

Три года счастье не покидало нашего дома. А потом грянула беда. Сын заболел.

Врачи, запутавшись в диагнозах, только разводили руками. А Толик таял на глазах.

От бессилия опускались руки. На Надежду было страшно смотреть. И у меня работа не клеилась. Мать, не чаявшая во внуке души, не просыхала от слез. Надеяться оставалось только на чудо.

Чудесами в нашем городе ведала бабушка Чиликина. Она бралась лечить все, от вывихов до полового бессилия. Брала рубль за посещение и не очень-то афишировала свою деятельность, хотя все ее знали.

Бабушка Чиликина память о себе оставила добрую. До сих пор, когда футболист ворсменского "Спартака" в матче на областном первенстве промажет по воротам соперников, трибуны дружно посылают его править ногу к бабушке Чиликиной. Это имя в наших краях стало нарицательным.

Всей семьей предстали мы перед чистенькой, румяной старушкой. Расспросив о беде, ведунья выставила меня за дверь и осталась наедине с Надеждой и Анатолием.

Я топтался у ворот и курил одну папиросу за другой. Мелкий осенний дождь не прибавлял оптимизма.

Наконец, крепко прижимая к груди закутанного с ног до головы сына, вышла жена.

— Что она ска...? — спросил было я, но осекся на полуслове, увидев на лице Нади блуждающую улыбку и искорку надежды в глазах.

— Идем скорее домой... — Голос жены дрожал от волнения.

Оставив Анатолия на попечение бабушки, жена метнулась на кухню и через некоторое время пригласила меня к столу. Для тогдашнего не очень сытного времени он был просто великолепен.

Надежда сидела напротив и преданным взглядом поощряла мое обжорство.

Наевшись, спросил:

— Что дальше?

Я терялся в догадках, но решил не противиться. Поцеловав горячий лоб сына, пошел спать. Днем. Такого раньше со мной не случалось.

Уснул неожиданно быстро и проспал до вечера. Очнулся от поцелуев жены.

— Баня готова, милый, — горячим шепотом проговорила она.

От ее влажных волос пахло полевыми цветами.

Я обалдевал.

Она мыла меня, как маленького ребенка, с присказками: "Сейчас умоем глазки, чтобы лучше видели! Помоем ножки, чтобы лучше бегали!" От нежных прикосновений жены во мне проснулось такое желание, что я дрожал всем телом и всхрипывал, как боевой конь перед битвой.

Жена отдавалась с такой страстью и бесстыдством, словно мы любили друг друга в последний раз.

Так продолжалось в течение недели. После работы меня ожидали горячий, сытный обед, отдых с дремотой, парная баня и жаждающая ласки жена. Ребенок находился между жизнью и смертью, метался в горячечном бреде, а мы сходили с ума от банного пара и любовных утех. Наше неистовство походило на молитву безумных, просящих таким вот способом о чуде.

И чудо произошло. Анатолий стал быстро поправляться. Тогда-то счастливая жена и открыла секрет бабушки Чиликиной.

— Смерть побеждается жизнью, — сказала ведунья. — Успеешь понести раньше, чем угаснет твой первенец, может, и спасешь сына. И запомни, что отвести беду от младших сыновей есть только одно средство — сделать их старшими...

Мы опередили смерть.

Тогда-то я вспомнил предсказание цыганки. Так вот кого видела цыганка рядом с моими сыновьями! Так вот кто должен до времени увести с собой моего младшего сына!

От такой догадки мурашки дикими табунами поскакали по спине.

Оставалось одно — воспользоваться рецептом бабушки Чиликиной до конца. Что мы с Надеждой и сделали.

В пятьдесят втором родился Борис, в пятьдесят пятом — Сергей, в пятьдесят восьмом — Венедикт, в шестьдесят первом — близнецы Александр и Алексей. Алексей родился на двадцать минут позже.

Дорого достались близнята жене. Роды были тяжелые, а их последствия еще тяжелее. Доктора сказали, что жена больше не сможет рожать. Страх за младших сыновей снова поселился в нашем доме.

До трех лет близнецы росли здоровыми, но подойдя к этому рубежу, захворали. Болели тяжело и, я так думаю, справились с болезнью только потому, что боролись с ней вдвоем, деля страдания поровну. Выздоровление близнецов принесло в дом несказанную радость и надежды на будущее. Мы с женой были счастливы.

А баньку я, надеясь на очередное чудо, продолжал регулярно топить. Только чуда не произошло...

Когда провожали Александра и Алексея служить, я чувствовал, что больше не увижу их живыми, но крепился и, как мог, поддерживал жену. Плакали мы потом, когда остались наедине, не скрывая слез друг от друга.

Это была весна семьдесят девятого года. Близнецов ждали пыльные дороги Афганистана.

...Братьев застрелил снайпер, когда они сидели на привале, прислонившись спиной друг к другу. Так они частенько сживали дома на крыльце.

Пуля вошла под левый сосок Алексея и вышла из-под левого соска Александра. Грудь младшего брата оказалась слишком слабой, чтобы защитить спину старшего. Александр умер мгновенно. Алексей жил еще целых двадцать минут. Он был в сознании. Ушел из жизни, только сравнявшись в возрасте со старшим братом, принимая за того муки, как написано на роду всем младшим сыновьям.

Мне не в чем винить ни себя, ни жену. Мы сделали все, что могли. Так же, как и наши близнята сделали все, чтобы род наш жил на этой земле.

Благодаря тому, что приняли они муки за грехи людские, старшие сыновья пустили крепкие корни, и теперь не всякая буря сможет выкорчевать рощицу человеческих судеб — семью Осиповых.

**1993 год.
Город Курск,
гостиница "Центральная"**

Ночь вступила в свои права. Только редкие автомобили тревожили тишину улицы, одинокие прохожие, опоздавшие на последний автобус, спешили по домам, да парочки влюбленных никак не могли оставить скамеек, скрытых в зелени скверов.

В гостиничное окно, словно прислушиваясь, заглянула луна, разогнав по углам комнаты мрак, с которым тщетно боролась небольшая настольная лампа с зеленым абажуром.

Мой собеседник продолжал свое повествование:

— С уходом близнецов я не переставал думать: почему так случилось? Что это? Просто стечение обстоятельств, или действительно над младшими висит трагический рок? А может, это я несу в себе тот самый вирус войны, как назвал его когда-то Коржавин? Я стал, как губка, невольно впитывать все, что касалось этой темы. Начал с поговорок и сказок, которые во множестве читал внукам на ночь. Они дали огромную пищу для размышлений.

Чего стоит, например, такая поговорка: "Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — вот это сын!" Почему один сын — не сын?

Почему, думал я, главными героями сказок становятся младшие сыновья? Почему в жены им достаются хоть и царевны, но лягушки или лебеди? А на пути к счастью становятся то Кощей Бессмертный, а то еще хлеще — Змей Горыныч? То им в кипящем молоке искупаться надо, то на их уже мертвые тела, чтобы вернуть их к жизни, льют поочередно мертвую и живую воду.

Народ в сказках всегда хотел выдавать желаемое за действительное. Хранилища народной мудрости настолько переполнены мученическими

судьбами младших сыновей, что именно они и становятся главными сказочными героями. Следуя этой мудрости, российские крестьяне всегда выделяли отруба старшим сыновьям, оставляя младших на хозяйстве под своим родительским присмотром.

Донские казаки пошли еще дальше. Потомственные воины, они метили младших и единственных сыновей, вдевая им в уши золотые сережки. А атаманам в походах давали наказ ставить этих в задние ряды конной лавы, когда шли в сабельную рубку. Так донцы заботились о продолжении рода.

И не потому ли рухнула Римская империя, что передовые ряды ее легионов составляли молодые, неопытные воины, которые принимали на себя первый и самый мощный натиск неприятеля, а то время как ветераны укрывались за их спинами?

С уходом из жизни младших сыновей уходили в небытие вековые династии правителей. Яркий пример тому — убийство в Угличе сына Ивана Грозного царевича Дмитрия.

Когда Борису Годунову лстивые волхвы и звездочеты нашептывали: "Тебя ожидает венец...", он перестал таить то, чего жаждал, и гибель царевича (по сути дела, не имевшего права на престол, потому что был рожден неизвестно от какой по счету жены Ивана Грозного — шестой или седьмой) была предрешена. Задуманное Борисом с усердием мясников выполнили его должники — отец и сын Битяговские с племянником Никитой Качаловым. Исполнители были растерзаны народом, но главный виновник воцарился на троне.

Вместе с отроком Дмитрием пала династия Рюриковичей, правившая девятьсот лет. На Руси наступило смутное время самозванства и бунтов.

А судьба династии Романовых?! Она начала свой закат с самого рождения наследника престола царевича Алексея. Болезненный Алексей никак не смотрелся на фоне пышущих здоровьем старших сестер.

Когда устои монархии зашатались, Николай II отрекся от престола в пользу великого князя Михаила, пы-

таясь хоть этим спасти от гибели царевича. Но революция требовала жертв. И их приносят в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Фатальностью веет от того, что первыми святыми, канонизированными русской православной церковью, стали Борис и Глеб — младшие сыновья князя Владимира Крестителя, убитые по приказу сводного, но старшего брата Святополка.

По костям братьев Русь вступила в христианство. А в молитве юного Глеба, с которой он обращался к своим палачам, слышится плач всех младших сыновей, безвременно оставивших этот мир: "...Помилуйте юности моей, помилуйте, господи мои... Не пожните от жития, не дозревши... Не порежьте лозы не до конца возрастивши..."

А Библия? Священное писание изобилует примерами рокового мученичества младших сыновей.

Уже на заре истории была уничтожена половина человечества: Каин убил Авеля. И убийца остался безнаказанным, потому что сказал Господь: "За то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро". И сделал знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

Внук братоубийцы Ламех по праву мог воскликнуть: "Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро".

И младшие сыновья всех времен и народов понесли на челе своем печать Авеля — знак покорности и мученичества.

Помнишь? "Сказал Бог Аврааму: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдешь в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор..." Хорошо, что Господь остановил руку отца. Только мало у кого из младших сыновей имеется свой ангел-хранитель. Коротка их земная жизнь. Слишком спешат они предстать перед глазами Господними.

А какие муки пришлось претерпеть Иосифу, прежде чем он стал правителем Египта и смог спасти от голодной смерти вероломных братьев своих, продавших его в рабство.

Великим избиением младенцев было ознаменовано рождение Иисуса

Христа. Царь Ирод повелел перебить всех младенцев в Вифлееме "и во всех пределах его, от двух лет и ниже. И плакала Рахиль о детях своих".

Под этот плач и ступил Христос на путь к Голгофе, где принял мученическую смерть во искупление грехов человеческих, как и положение младшему сыну Всевышнего, единственному сыну Богородицы. Адовы муки.

А путь этот проторил ему старший брат по непорочному зачатию — Кришна. Старшинство позволило умереть ему легкой смертью. Он скончался от трех стрел, выпущенных "воинами с суровыми лицами".

Христу же, прежде чем воссоединиться с Отцом, предстояло принять бичевание, примерить терновый венец, вознестись на Голгофу крест, чтоб на нем и быть распятым.

Муки, достойные младшего брата.

Страстотерпцы — так называл летописец святых Бориса и Глеба. Это емкое слово вбирает в себя и мучеников божественных, и страдальцев-царевичей, и Коржавина — единственного сына родителей, и того одноглазого немца, и моих младших сыновей, и многих-многих других единственных и младших, принявших и еще примущих муки во имя спасения человечества.

— Чтобы никто не думал, что я свихнулся на библейской теме, — продолжал мой гость, — посмотрим на это дело с другой стороны. Ни для кого не секрет, что младшие сыновья чаще всего крупнее старших братьев и сестер. Это легко объяснимо. Вторая беременность и вторые роды переносятся женщинами значительно легче. Казалось бы, у младших должно быть больше физических сил и энергии для противостояния жизненным невзгодам. Но не тут-то было. Чем крупнее человек, тем меньше шансов у него выжить при неблагоприятных условиях.

Пережившие ГУЛАГ неоднократно описывали, как на лесоповал привезли пленных финнов. Это были потомственные лесорубы почти двухметрового роста каждый. Они умерли от истощения в течение двух месяцев! Большому телу необходимо больше пищи, больше тепла. Так что шанс

выжить в тех условиях оставался у низкорослых и худых.

Американские инструкторы во времена индокитайских войн не уставали удивляться выносливости "мелких" корейских солдат. Первыми на длинных переходах валились с ног именно американцы. Что ж, пятьдесят килограммов собственного веса нести значительно легче, чем девяносто или сто.

На войне крупный солдат — хорошая мишень. Это я говорю как фронтовик.

В отношении младших сыновей понятие "заласканный ребенок" звучит трагически. Младшие — любимы. Им — больше ласк, самый лакомый кусок со стола. В результате у младших развивается комплекс исключительности. Создается иллюзия вседозволенности. И не удивительно, что большинство "населения" в местах не столь отдаленных составляют младшие и единственные сыновья.

Печать Авеля на младших. Трагический рок висит над ними. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть вокруг. Вспомнить знакомых и друзей, вспомнить родственников, с которыми произошли несчастья...

...Я долго ворочался, шурша казенными простынями, не в силах уснуть. Перед мысленным взором проходили родные, друзья, знакомые — те, кого ночной гость называл страстотерпцами.

Мой отец — младший из четырех братьев — угас в сорок лет от точившей его человеческой слабости.

Младший брат. Я всегда завидовал его росту и силе. А он, призванный служить на Северный флот, вернулся домой полуслепым, инвалидом второй группы.

Мои школьные товарищи. Серега Крутов, единственный сын родителей, красавец и весельчак. Перед самыми выпускными экзаменами упал с турника и теперь прикован к инвалидной коляске. Поздняков Валера. Единственный сын у матери. Окончил военное училище, а через некоторое время его свалила страшная болезнь. Он первым из одноклассников ушел в мир иной.

Мои соседи. Вовка Софонов, млад-

ший сын в семье, погиб в автокатастрофе еще совсем мальчишкой. В том же примерно возрасте попал под колеса автомашины Вовка Слитков — младший сын в большой семье. Леха Еропкин. Единственный, любимый, а потому балованный сын, отбывает очередной срок за поножовщину. Первый городской силач Николай Сыров. Отслужил в армии, женился. Сначала схоронил маленькую дочь, потом не пережившую горя жену. Его нашли на озере в тростниках вмерзшим по плечи в лед, с выеденным зверьями лицом. Он был единственным сыном в семье. Саня Посконин. Заживо сгорел во время пожара. Сестра и мать успели выскочить из горящего дома, а он нет...

Я продолжал вспоминать имена и фамилии страждущих, ловя себя на том, что никогда не задумывался о количестве людских трагедий, которыми буквально напичкана моя память. Долгой чередой проходили передо мной младшие и единственные сыновья-мученики, которым по судьбам их старый солдат Осипов дал точное определение — страстотерпцы.

— Печать Авеля! — с этими словами я провалился в беспокойный сон, с ними же и проснулся поутру: — Печать Авеля!..

ПРАВДА И ПРАВДОПОДОБИЕ

Четверть века назад Союз писателей России вместе с руководством Министерства обороны провели первый семинар молодых армейских литераторов в Доме творчества им. Яна Райниса в Дубултах. Семинар стал постоянно действующим и проходил в дальнейшем с периодичностью в два года. Затем к проведению подобных семинаров и совещаний присоединились и другие силовые министерства. К слову сказать, начиная с 1979 года состоялось семь семинаров литераторов внутренних войск, а весной 1995 года и первый семинар литераторов МВД России.

К каждому семинару шла основательная подготовка: отбирались рукописи, формировались группы, руководство которыми поручалось таким известным писателям, как П.Ф.Нилин, И.Т.Козлов, О.К.Кожухова, М.М.Годенко, А.П.Соболев, Е.А.Исаев, В.М.Гончаров, А.М.Николаев, В.В.Дементьев, О.П.Смирнов, Н.И.Букин. Как результат — за эти годы вытиснены десятки книг семинаристов, около сорока из них стали членами Союза писателей. Доводилось руководить семинарскими занятиями и мне в паре с В.П.Росляковым, М.М.Колосовым, И.В.Черных, Н.П.Кузьминым. Из наших семинаров прозы приняты в писательский союз Владимир Возовиков, Виктор Лесков, Леонид Борич, Николай Иванов, Юрий Никитин, Евгений Мельников, Виктор Гастелло, Александр Горлов, Иван Козлов. Все эти имена ныне известны российскому читателю.

Работа в семинаре была своеобразной творческой лабораторией не только для семинаристов. В ходе обсуждений рукописей рождались интересные мысли, суждения, которые по горячим следам я записывал в блокнот. Подобных записей накопилось немало. Иные из них оказались сиюминутными, но некоторые, как представляется мне, не потеряли своей значимости и по сей день. С ними я хочу познакомить сегодня и тех, кто делает первые шаги в литературе, и широкий круг читателей.

Борис ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук.

Когда писатель обращается к реальному персонажу, то он, конечно же, пишет не его исторический портрет, а его художественный образ. И в произведении об эпохе, в которой действовал сей исторический персонаж, писатель не решает социально-политических, научных и прочих задач. Он решает только одну — художественную. Об этом следует помнить обращающемуся к прошлому Отечества, где достаточно ярких фигур, возбуждающих к себе несомненный интерес современников.

Мы строили общество нового социального устройства и верили в создание нового мира. И вера эта наполняла художников пафосом утверждения. Сейчас неверие крушит прошлое. Тогда как надо не крушить, а понять, оценить случившееся и происходящее. Что же вымостило дорогу от веры к безверию, к крушению идеалов? Вот в чем вижу сегодня задачу художников: они должны показать болезнь неверия, деформацию мечты в душах, а не просчеты в политических доктринах.

Особо остро процесс этот ощутим в мире военных.

Не следует поддаваться чувству нигилизма, отрицания по отношению к художественному опыту прошлого. Дело в том, что сама литература противится конфронтации, поскольку правда произведений нового времени никоим образом не противостоит той правде, что отстаивалась в

лучших книг прошлых лет. Больше того, не зная прошлого, нельзя помышлять и о собственном будущем. Как в жизни, так и в литературе.

Немыслимо представить начинающего писателя, обращающегося, скажем, к теме границы, но не читавшего повестей и рассказов С.Диковского, не знакомого с произведениями О.Смирнова, А.Марченко, Е.Белянкина. Даже если что-то в них и не будет соответствовать вашему эстетическому чутью, этот отрицательный импульс, несомненно, сыграет свою положительную роль в становлении собственного "я".

Меня, честно говоря, всегда смущала одна особенность или некая деформированность прозы о современной военной службе: почему в ней не было, нет и, по всей вероятности, не скоро появится произведение о сегодняшних военачальниках, о выдающихся ученых, подвижничестве которых был выкован щит Родины?! Я прихожу к неутешительному выводу: слабый, незрелый талант не может подняться над великой жизнью и узреть ее в истоках и вершинах, постичь глубины духа личности полководца или ученого. Духовность авто-

ра должна соответствовать внутреннему миру избранного героя. Без такого соответствия идет всего лишь подгонка личности героя под себя. Таков неумолимый закон художественного овладения реальностью.

Не могу не отметить, что в так называемых "жестких" произведениях о современной армии, где есть и убийства, и развенчание лжегероев, и истязания молодых солдат, угнетает безнадежная "схематика". Если раньше говорилось, что легче писать отрицательных героев, нежели положительных, то нынешняя практика литературы вообще, включая и прозу о ратной службе, отличается неумением создавать и отрицательный тип. У отрицательных персонажей прошлой литературы была своя субъективная правда, а нередко и своя философия зла. Ныне все сведено к каким-то неясным самооправданиям, в которых логика зла нередко подменена умственными подлогами.

Прозу о ратных буднях обвиняли в том, что она-де не тянет на истинно художественное исследование жизни, что она в лучшем случае несет в

Участники одного из семинаров с Валентином Пикулем. Дубуты. Июнь 1985 г.

себе очерковое начало. И повинны в том военные журналисты, обратившиеся к писательскому ремеслу. О самой же журналистике в критике не говорилось: не хотелось вторгаться в жгучую проблематику военного бытия, а сетовать на поверхностность отношения журналистов к сложным процессам, происходившим в армии минувшего десятилетия, — пустая трата сил.

Дело в том, что сама журналистика была поставлена в такие условия, когда она в лучшем случае могла информировать читателей о каких-либо проблемах или явлениях армейской жизни, но не о самой драматургии этих явлений. И чтобы как-то компенсировать "наболевшее", чтобы скрасить собственную неудовлетворенность от всевозможных поделок по заданию редакции и внутреннего цензора (пойдет — не пойдет), некоторые журналисты, обладая литературными способностями, уходили в сферу художественного извоза. Художественный вымысел как-то позволял разрядиться и высказать какие-то мысли по существу болевых проблем армейского бытия, которые не могли найти выхода в прямом авторском тексте на страницах периодики. Естественно, проза вчерашних журналистов несла и несет на себе очевидные родинские пятна журнально-газетной практики.

* * *

Пожалуй, проза об армии сильнее всего оказалась подверженной одной из самых жестких регламентаций метода соцреализма: подчинение личности обществу, коллективу. Это объясняется не только консервативностью армейского уклада и стереотипом мышления, в основе которого коллективистская мораль: коллектив всегда прав, личное непременно должно быть подчинено общественному. Индивидуализм в нашей жизни вообще рассматривался как страшный грех. Человек не мог шага шагнуть без санкции на то общества, коллектива. Само же общество от-

вечало не за личность, не за индивидуальность, а за реализацию поставленных целей — великих и малых, общих и частных, включая и чисто прикладные: выполнение плана, проведение посевных работ, достижение успеха в учебном бою и т. п. Именно на подчинении личности коллективу построено подавляющее большинство конфликтов даже в известных произведениях о ратной службе: "Юность командиров" Ю.Бондарева, "Наследники" М.Алексеева, "Сильнее атома" Г.Березко, "Звездное тяготение" Н.Горбачева. Несколько особняком в этом ряду стоит "Максим Перепелица" И.Стаднюка. И не только силой противостояния индивидуальности Максима нажиму на него со стороны коллектива, но и умом его командиров, которые сумели оценить непохожесть солдата Перепелицы и использовали ее в нужном для коллектива русле, то есть личность поставлена на службу обществу, а не подавлена им.

* * *

Как-то неуютно чувствуешь себя в мире современной прозы о службе в армии. Чужие какие-то люди, не интересующиеся друг другом, не знающие практически ничего ни о товарищах, ни о командирах. В персонажах этой прозы не проявлено чувство сопричастности к судьбе страны, которое вроде бы должно пробудиться с принятием присяги. Да и само понятие присяги на верность Родине не проступает ни в поступках, ни в жестках, ни даже в словах. И невольно вспоминаешь строки из письма питерского учителя Е.Ильина: "Я ощущаю эмоциональный голод в своих учениках. Это только с виду кажется, что они эмоциональны. Нет! В юном человеке порой исчезает человеческое начало. А вместе с душевным уходит из жизни и духовное, даже то чувство, которое во все времена человека возвышало — любовь к матери".

Вместе с ним, добавим, исчезает и любовь к Родине, которая немислима без любви к матери.

* * *

В разных аудиториях, включая и военные, не раз слышал вопрос: "Почему современная проза не создала героя нашего времени в военной форме?" Однозначного ответа тут, пожалуй, нет. Но отвечать так, как это делают некоторые "теоретики" от литературы, стыдно. Они заявляют, что наша изящная словесность создает такой образ коллективными усилиями писателей, что облик такого героя складывается из черт героев самых разных книг.

Мало того, что подобный ответ ненаучен, он бессовестен, поскольку утверждать подобное есть обман.

Суть моего понимания. Человек не столько интересовал литературу об армии или же не столько проявлял в ней себя как индивидуальность, сколько представлял из себя всего лишь объект выполнения армейских уставов, принципов жизни по воинским законам. Иными словами, человеческие чувства приносились в жертву долгу. А ведь парадокс в том и состоит, что без чувств не проясняется и сама суть этого долга. Без них все выглядит чем-то механическим, формальным, навязываемым сверху, а не естественным, выстраданным. Тем самым создавался определенный стереотип "образа", возможный там и тогда, где и когда из поля зрения писателя выпадают глубинные процессы духовной жизни личности, где проблема становления солдата подавляет индивидуальную особенность человека, не согласуясь с его кричащими противоречиями, естественно возникающими в душе в ответ на насилие, без коего не может быть вхождения в специфику воинской службы. И бояться этого слова "насилие" не следует, ибо оно — неременное свойство всякого воспитания.

* * *

На место оптимистической, нередко псевдооптимистической тональности в литературу о воинской службе хлынул стандарт так называемой "жесткой прозы", у которой, как тут же оказалось, есть свои эталоны. Ни

одно из произведений этого направления не обходится без человеческих жертв. В самом деле, в повести М.Попова "Солдат не обидит ребенка" — повешение и самострел, в повести Г.Николаева "Хранилище" — повешение, в рассказе "Промашка" Б.Рощина — опять же повешение. Чур меня! Прямо наваждение какое-то!

Но печально, что все это не трогает, все заведомо предположительно, задано в самом повествовании волей автора, которому надо сработать "жесткую шутку" про армейскую службу, где нет ныне места подвигу, а есть всего лишь место преступлению без наказания.

* * *

Поражает в повествованиях, подобных "Стройбату" С.Каледина, даже не нагнетание ужасов, не коллекционирование уродств и убожеств, а полное отсутствие высшего смысла в понимании человеческого назначения. А ведь это и есть тупик, поскольку отсутствие веры в человека стало чуть ли не основным принципом современного литературного "неофициоза", который создается вопреки традиционному, якобы всегда нормативному. И нельзя не согласиться с критиком В.Курбатовым, который подметил у этих писателей холодность и отстраненность. Они препарируют происходящее, как в опытах на лягушках. Они всецело поглощены вскрытием изломанной и исковерканной реальности, и потому эти не верящие в человека "творцы" нередко кидаются во всевозможные жестокости и от жестокого правдоподобия идут к "капризам стилистики", но с разных сторон приходят к одинаковой пустынности".

* * *

Я ни разу не встречал, чтобы в литературе всерьез решались проблемы: на какую глубину сажать картофель, так ли затачивать резец, верно ли выбран режим работы бензопилы лесорубом. А в прозе о военной службе — сплошь и рядом техноло-

гии "оседлания" техники. Эта недо-водка, недоработка с тумблером, аппаратом или еще каким-то агрегатом становится чуть ли не роковой в судьбе героя в погонах. А ведь художник должен постоянно держать нас на духовной высоте осязания нескончаемости жизни, и она, душа человеческая, не отрывается от всего сущего, оказавшись в солдатском строю. Она пытливо или пугливо знакомится с новизной мира, проникает в него, не утрачивая себя, а лишь обретая новое "зрение" и "умения". Истинный художник знает выход из самых жестоких жизненных коллизий, потому что он милосерден и не позволяет человеку лишиться своей человечности.

Вспомните "Поединок" А.И.Куприна. Из "мрака" муштры мы, читатели, выходим обновленными, хотя большинство окружавших нас персонажей — существа, мягко говоря, несимпатичные и малозначительные.

Вот почему нужно вечно нести в себе толстовское понимание: везде люди живут!

* * *

Нет-нет да и проскальзывает в статьях, рецензиях, заметках о произведениях об афганской войне (а теперь наверняка коснется войны чеченской) преобладание этических суждений над эстетическими. А ведь речь о литературе. Она же, как известно, рассчитана на эстетическое сопереживание читателя.

Вот отчего нельзя, к примеру, разделить позицию В.Курицына в его статье "О чем думает "саперная лопатка"? (Афганский опыт: песни, стихи, проза)".

Позиция эта изложена просто: недавно я, мол, говорил с одним "афганцем", который не согласен с амнистией всех, совершивших преступления в Афганистане. "Ты не знаешь, что там было, — говорил он. — Там делалось такое, за что прощать нельзя".

Но я не знаю и другого: ежеминутной смертельной опасности, свиста

пуль, изнуряющей жажды, изуродованных тел друзей, погибших на поле боя или в плену. Мы не испытали таких ударов, чтобы решать из своих скромных квартир и кабинетов, кто, насколько и почему преступил закон.

Так ведь мы не в трибунале! Так и хочется мне возразить: мы всего лишь наедине с нравственной коллизией, какую предлагает тот или иной автор, и мы вольны по-своему вершить "праведный" душевный суд. Ибо это суд обновления, собственного очищения, без коих немислимо общение с подлинной литературой. Мы ведь не были и в Белогорской крепости вместе с пушкинским Петрушей Гриневым, но знаем о нем все, судим и рядом происходящие события того времени и в тех местах, куда каждый раз спешим за автором "Капитанской дочки".

А что же говорить не испытывшему кровавых боев у Ельни или под Сталинградом?

Не судить нам выпала доля, а сопереживать и сострадать.

* * *

Одной из самых сложных проблем литературного труда была и остается проблема создания художественного образа, героя произведения. Без этой ключевой фигуры, вообще говоря, немисливо новое слово в литературе, создаваемой новым поколением. Надо помнить и понимать, что герой в литературе появляется не по указу, а по духовному велению творца, рассказывающего о сложностях потерь и радости обретений своего современника. Суть этих откровений не в лозунгах и декларациях, а в поисках и находках нового в недрах самой природы человека, которая отнюдь не превращается в качественно иную после наименования ее таковой.

В жизни процесс складывания новых черт в человеке противоречивее и труднее, нежели в идеале. Но психология человека, особенно русского, снабжена нетерпением, стремлением выдать желаемое за действительное. Именно так возникла в не-

давнем прошлом идеологическая концепция быстрой перестройки человека. Сделай революцию, отмени частную собственность, и быстро сойдет "короста капитализма", миру предстанет новый человек новой формации. Ныне, кажется, дело идет по тому же шаблону, только в точности до наоборот. Отмени советскую власть, введи рыночные отношения, включи зеленый свет западным образцам морали и нравственности, и человек незамедлительно переделается.

Ан нет, нового человека по лысенковскому методу превращения ржи в пшеницу не создашь. Социальная генетика — вещь упрямая и страшно консервативная. Как не смогли мы справиться с преодолением так называемых "пережитков прошлого", так не поддадутся нашим желаниям тотчас получить новое качество "недожитки настоящего".

Хотим мы того или не хотим, но любое время рождает своего героя. И не надо думать, что время перестройки, постперестройки и нынешних реформ — исключение из правил.

Время рождает не только образ борца за правду и честь, но и образ демагога, хищника, отличающегося жестокостью, хамством и бездуховностью. Осуждая деформацию жизни при социализме, этот своими деяниями деформирует и нарождающуюся демократию.

Что ж, в литературе будут появляться новые люди, и воспевать они станут новых идолов, выдавая их за героев своего времени. Но мне бы хотелось, чтобы в сложных условиях развала старой системы, жестокого беспредела в ходе перераспределения собственности, в стремлении как можно болезненнее унизить прошлое писатели не забывали слова известного драматурга В.С.Розова: "Мы должны воспевать человека, его душу, создавать, пусть даже через страдание, гимн человеку, святости его личности".

Больше всего следует опасаться одномерности, однолинейности, од-

нообразия в жизни, включая и общение с однотемной литературой. Когда человек годами читает привычный набор изданий, нередко односторонне узкий, у него непременно формируется одномерное мировосприятие. Он четко относит себя к социально обусловленному "мы": "мы" — сталевары, учителя, военнослужащие и т.д. Нормированность сознания, возникающая при чтении однотемного потока изданий и книг, удобна и для общения (все понимают одинаково), и для управления (вопросов не возникает: раз сказано, так тому и быть). Но тем-то она и опасна.

"Мы — вне политики!" — слова эти чуть ли не общее место в заявлениях чиновников самых разных ведомств. Но ведь это сущая неправда! Человек, живя в обществе, раздираемом политическими разборками, если он не душевно больной, немислим вне политики. В художественном творчестве политика выявляет себя через мировоззрение художника, которое выражается в тенденциозности его созданий. Ныне немало появилось суждений о том, что тенденциозность-де свидетельствует о конъюнктурности художника. Подлинное, мол, искусство всегда было непредсказуемо, естественно. Но хочется спросить, а куда же в таком случае девать И.А.Гончарова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского? Ведь вряд ли можно представить себе более тенденциозных писателей.

Известный критик А.Воронский в 20-е годы заметил: "Наше время — тенденциозное. В эпоху острых классовых битв тенденциозность — неизбежное и естественное явление в искусстве. Но в то же время надо отличать истинную тенденциозность, органически связанную со всем мировоззрением художника, от фальшивых и бессовестных подделок под революционность". А это не так просто, как кажется на первый взгляд.

12 апреля — День космонавтики

МЯГКАЯ ПОСАДКА

Во втором номере нашего журнала в материале "Граната для замнаркома..." мы рассказали о необычных эпизодах биографии ветерана внутренних войск полковника в отставке Виктора Федоровича Саловьева, который в молодые годы увлекался рационализаторством и изобретательством. Материал заканчивался обещанием поведать еще одну интересную историю. В апреле она, на наш взгляд, будет уместна.

Ежегодно, уже словно по инерции, отмечая День космонавтики, мы отдаем дань нашей науке, сумевшей впервые в мире поднять в космос живое существо, а позднее — и первого человека. А ведь мы в свои молодые годы были свидетелями этого триумфа. Каждое новое сообщение о запуске спутника или полете в космос вызывало всенародное ликование. Для меня незабываемыми остаются встречи с Юрием Алексеевичем Гагариным, часто я не без оснований вспоминаю и свой дипломный проект. Кто знает, может, он в свое время направил мысль разработчиков системы мягкой посадки на этот путь. Ведь Лайка, первая собака, побывавшая в космосе, видимо, изначально из-за несовершенства системы была обречена на гибель. А вот Белка и Стрелка благополучно вернулись на Землю.

В 1948 году в одной из военных академий я готовился защищать дипломную работу по проблеме достав-

ки военных грузов соединениям, действующим в окружении. К тому времени общепринятым способом решения такой задачи было сбрасывание грузов с самолетов на парашютах. Именно так немецкое верховное командование пыталось помочь своей окруженной группировке под Сталинградом. Естественно, этот способ имел недостатки, был общеизвестен и ненадежен. Тем не менее то, что услышал на лекции, я и изложил в своей работе. Консультант-руководитель майор Фрейдин, придирчиво изучив мой черновик, изрек:

— Максимальная оценка, на которую ты можешь рассчитывать в лучшем случае, — четверка.

Это меня не устраивало. Я учился на "отлично" и стремился получить золотую медаль.

— Поломай голову, помучайся. Придумай что-нибудь оригинальное, такое, что еще не применялось, — добавил консультант уходя.

— В таком случае самым оригинальным будет сбрасывать грузы с

самолетов вообще без парашютов, — вспыхнуло и не очень вежливо бросил я ему.

Фрейдин уже в дверях оглянулся, секунду помедлил, потом сказал:

— А почему бы и нет?

Вначале я воспринял его слова как насмешку. Но позже эта случайно мелькнувшая мысль стала навязчивой идеей: а почему бы действительно не поломать голову над этой почти фантастической проблемой. И я стал мучительно придумывать способы беспарашютного сбрасывания. В голове роились невероятные планы: мощные пружины, гидравлические тормоза и тому подобное. Все было не то. О моих исканиях каким-то образом узнали на факультете, и я стал предметом шуток и насмешек.

Устав от бесплодных попыток что-то изобрести, я решил на время отложить эту затею и спокойно готовиться к государственным экзаменам. И в один из дней мне вдруг вспомнился случай, который и подсказал нужное направление моего поиска.

Сейчас, наверное, осталось уже мало свидетелей этого ужасного, трагического события. 18 мая 1935 года солнечным воскресным днем от столкновения в воздухе на поселок Сокол в Москве упали истребитель и огромный восьмимоторный пассажирский самолет «Максим Горький». Все летчики и пассажиры погибли.

Разваливался этот гигант в воздухе на моих глазах. От него отрывались куски фюзеляжа, крылья, и все это обрушивалось на дома, цветущие сады. Я и моя сестренка Нина были так поражены этим страшным зрелищем, что стояли неподвижно, рискуя попасть под обломки. Основная часть фюзеляжа упала неподалеку, разрушив дом №4 по улице Левитана. Истребитель упал на улице Шишкина. Метрах в ста от нас грохнулся какой-то белый бак, взметнувшийся в небо снопогна и дыма. Падающий вслед за ним огромный лист алюминия вдруг завис в воздухе, а затем мягко приземлился. Ударившая вверх взрывная волна замедлила падение куска обшивки фюзеляжа. Между прочим, подобным образом спасся от гибели военный летчик Булочкин в фильме «Небесный тихоход». Во время войны такие

случаи имели место и в реальной жизни.

Итак, идея была найдена. Встречный поток струи газов гасил скорость падающих предметов. Теперь требовалось придумать устройство, которое направленным взрывом, а точнее, мощной струей взрывной волны гасило бы скорость сбрасываемых грузовых контейнеров. Эскиз корпуса тормозного приспособления мне удалось вычертить довольно быстро. Долго пришлось ломать голову над механизмом, который обеспечивал бы взрыв на заданной высоте от поверхности земли. Я решил приспособить для этой цели взрыватель от ружейного гранатомета Дьяконова, в котором при выстреле обычным винтовочным патроном пороховые газы затекали в корпус этого снаряда, поджигали пороховую дорожку капсуля-воспламенителя и одновременно выталкивали гранату на траекторию. В полете, в зависимости от установленной дальности, граната разрывалась.

Однако все оказалось не так-то просто. Я не мог сообразить, как воспламенить капсуль — в гранате эту роль выполняли раскаленные пороховые газы патрона. Не ясно было, как стабилизировать падающий грузовой контейнер. Необходимы были расчеты мощности взрыва в зависимости от высоты падения и веса предмета. Мне это было не по силам. Я приуныл. Работа меня захватила полностью, но стало ясно, что орешек не по зубам.

Когда майор Фрейдин ознакомился с моей идеей реактивного торможения грузовых контейнеров на подлете к земле, то пришел в восторг.

— Это именно то, что нужно, — воскликнул он. — Ведь таким способом можно будет десантировать даже людей.

Через неделю консультант вручил мне официальное письмо в адрес Научно-исследовательского института парашютно-десантного имущества с просьбой «дать заключение по идее старшего техника - лейтенанта Соловьева В. Ф. о возможности сбрасывания военных грузов с самолетов без парашютов».

В институте вежливый пожилой человек внимательно выслушал меня, прочитал пояснительную записку, по-

смотрел эскиз и, попросив подождать, вышел из комнаты. Вскоре вернулся, вручил мне запечатанный конверт, пожал руку и, сказав “желаю успеха, коллега”, дал понять, что разговор окончен.

По дороге к станции метро “Динамо” достаю конверт. В коротком письме, адресованном заместителю начальника академии по научной работе генерал-майору Цуканову Е. Е., говорилось: “Известно, что в Советском Союзе идеей, предложенной т. Соловьевым, занимаются с 1934 года, и дополнительные вклады в эту идею будут способствовать решению проблемы”.

Защита диплома проходила при закрытых дверях — в то время с соблюдением режима секретности было строго. Члены государственной экзаменационной комиссии слушали с большим интересом, выставили отличную оценку и на прощание порекомендовали “пробивать” эту идею дальше. Диплом у меня сразу отобрали, засекретили и сдали в первый отдел академии. “Пробивать” я ничего не стал, служба моя требовала иного.

Вспомнил о своих прежних разработках 12 апреля 1961 года, когда весь мир облетело сенсационное сообщение о полете в космос и благополучном возвращении на землю Ю. А. Гагарина. Слышу: “мягкая посадка”. Когда моменты приземления спускаемых аппаратов показывали по телевидению, стало ясно, что еще задолго до подлета к поверхности земли раскрывается парашют. У меня в дипломе этот вариант не проходил, так как военные грузы на парашютах расстреливались бы еще в воздухе.

Мне очень захотелось встретиться с Гагариным, расспросить его не столько о полете, сколько об особенностях приземления. Я понимал, что это мечта из области фантастики. Однако судьбе было угодно распорядиться по-другому. Такая встреча состоялась буквально через несколько дней. Я тогда отдыхал в санатории “Сочи”. Как-то вечером, перед началом киносеанса, среди зрителей пронесся шепоток, что в зале находится Юрий Гагарин. Все взволнованно переглядывались, вытягивали шею. Не удовлетворившие свое лю-

бопытство стали скандировать “Гагарин, Гагарин!”. Юрий Алексеевич встал, улыбнулся своей знаменитой улыбкой, сжал над головой ладони поднятых рук.

Он отдыхал в другом санатории и на следующий день совершенно неожиданно пришел к нам поиграть в волейбол. Игра наша, естественно, прекратилась. Его обступили, начались расспросы. Защелкали фотоаппараты. Кто-то быстро сообразил и сбегал за открыткой для автографа. Однако желающих получить автограф было так много, что решили не тратить время на это дело, а дать возможность все-таки поиграть в волейбол. Когда страсти немного поутихли, Гагарин вышел на площадку и сказал: “Ну что — поехали”.

На следующий день собрали фотооткрытки, и кто-то отнес их на подпись первому космонавту планеты. Обладателем такого портрета стал и я.

После игры подошел к Гагарину, даже набрался смелости сказать, что в 48-м году в дипломной работе предложил способ мягкой посадки. Он заметил, что в решении этой проблемы участвовало много людей.

На память об этой встрече у меня остались фотографии, запечатлевшие Гагарина на волейбольной площадке. Впоследствии мы еще несколько раз встречались за бильярдным столом.

И уж совсем неожиданной для меня была встреча с Юрием Алексеевичем в Министерстве внутренних дел, где я тогда служил. Как-то я пришел к министру доложить некоторые документы. Адьютант сообщил, что у него посетитель. Я сел в кресло и стал ждать. Минут через десять дверь открылась, и из кабинета вышли министр и Гагарин. Приятно поразило то, что Юрий Алексеевич узнал меня, первым подошел, подал руку. Он вспомнил и наш разговор, шутя спросил, в каком виде находится сейчас моя “мягкая посадка”. Я ответил тоже шуткой, кивнув на мягкое кожаное кресло, в котором только что сидел.

**Полковник в отставке
В. СОЛОВЬЕВ,
ветеран внутренних войск.**

Без грифа «Секретно»

Самолет из «шараги»

55 лет назад в небо поднялся фронтальной бомбардировщик ТУ-2 — одна из лучших машин Андрея Николаевича Туполева. Не каждому известно, что этот самолет родился в тюрьме, а вернее, в особом КБ НКВД, где Туполев провел 1367 дней.

О жизни Андрея Николаевича Туполева в период с 1937 по 1941 год уже много написано. За эту тему брались и непосредственные свидетели тех событий, такие, как конструктор Леонид Кербер. Журналист Ярослав Голованов точно подметил, что при умелой компиляции можно было бы составить целую книгу о Туполеве. Но мы решили остановиться лишь на одном периоде жизни конструктора. Почему именно на этом, а не, скажем, на послевоенном, когда КБ Туполева создало множество прекрасных машин? Пожалуй, потому, что в нашей стране от генерального конструктора, кроме таланта, требуется еще и твердый характер, чтобы новая машина могла увидеть свет. Благодаря такому удивительному характеру и прекрасным организаторским способностям Туполев не только выдержал тяжелый

натиск репрессивной системы, но и сумел организовать работу за решеткой.

... Его арестовали 21 октября 1937 года прямо в кабинете наркомата, где в ту ночь Андрей Николаевич за сиделся за работой допоздна. Навсегда останется загадкой, о чем подумал он, подняв глаза на ввалившихся в кабинет людей в штатском. Наверное, в его голове мелькнуло что-то сродни архимедовскому «не смей трогать мои круги»...

Обвинение предъявили сверхидеотское: «Создание русско-фашистской партии и руководство ею». Ни больше ни меньше. Дело тянулось очень долго. Туполева вынудили «признаться», пригрозив, что отправят в лагерь жену, а детей — по специальным детским домам. Кстати, судили Туполева заочно, дали срок 15 лет. И формулировку сочинили: «Ввиду того, что вина доказана, вызов в суд нецелесообразен». «Нецелесообразно» было вызывать его в суд еще и потому, что он уже работал в особом КБ НКВД. Поначалу конструктор протестовал, но иллюзии Туполева по поводу существования здравого смысла в машине террора вскоре развеялись. Шутя с сокамерниками, он многое списал на мистику. «Камера у меня — 58-я, статья —

58-я, и новый самолет по нумерации будет АНТ-58”.

Так все и получилось. В особом бюро при НКВД СССР в подмосковном Болшево собрался к тому времени цвет отечественной мысли. Конструкторы танков, кораблей, самолетов. Именно это заведение и дало начало “шарагам” — спецтюрьмам для интеллектуалов. В Болшево Туполева ожидала хорошая компания коллег: В.Петляков, В.Мясищев, Р.Бартини, главный конструктор Харьковского КБ И.Неман, вооруженец А.Надашкевич и другие.

Здесь его познакомили с чертежами нового самолета. Проектировали машину итальянец по происхождению Роберт Бартини и Сергей Егер, впоследствии один из “приближенных” Туполева, кстати, автор замечательных учебников по проектированию самолетов.

Туполев стосковался по работе и приступил к ней с воодушевлением. Отвлекали его разве что вызовы в НКВД, где его учили, как делать самолеты. Там от него потребовали 4-моторный дальний пикирующий бомбардировщик. Туполев имел смелость не согласиться. Он понимал, что для будущей войны нужен небольшой маневренный самолет. Именно в создании дешевого пикирующего бомбардировщика он видел свою задачу. Здесь произошел удивительный случай: Андрей Николаевич убедил в этом Берия. Тот дал добро на работы над АНТ-58 — будущим ТУ-2.

Однако и работы над объектом 103 — дальним бомбардировщиком — также продолжались. Берия поставил условие: “Самолет — в воздух, а вы все — по домам!”. Вскоре построили макет ТУ-2 в натуральную величину.

Туполев порой дипломатично, а порой не стесняясь в выражениях, гнул в НКВД свою линию. Потребовал нужных специалистов. Причем сделал это умно, то есть затребовал списки сидящих в лагерях конструкторов, чтобы в шарагу не загремел кто-

то с воли. Так он вытащил из лагерей многих, в том числе С.П.Королева.

В особом КБ были созданы различные условия. Леонид Кербер, только что доставленный из лагеря, подумал, что сходит с ума, услышав, как в столовой кто-то из зеков варивает официантке за остывшее какао. Однако Туполев не остановился и потребовал от Берии улучшить снабжение — вплоть до выдачи каждому его любимых папирос. Жизнь наладилась. Конструкторы даже создали небольшой оркестр.

Работа шла своим чередом. В муках рождалась машина — двухмоторный ТУ-2. Наконец — летные испытания. 29 января 1941 года самолет впервые поднялся в небо. Летчик Михаил Александрович Нюхтиков выжал из машины 640 километров в час, невиданную по тем временам скорость для машин подобного класса. Всем стало ясно, что ни один испытатель ТУ-2 не догонит.

Началась война. Конструкторы обдумали свое положение в новом качестве. Работать начали с удвоенной энергией. Для выпуска ТУ-2 мощностей опытного завода № 156 не хватало, да и враг подходил к Москве. ОКБ Туполева эвакуировали на восток. Но Андрея Николаевича в нем уже не было. 19 июля 1941 года его самого и 20 его бывших коллег освободили со снятием судимости. Реабилитировали Туполева лишь в 1955 году.

**Старший лейтенант
В.СИПРОВ.**

Уголок фалериста

Награды спасителям

Из русских царей самая беспоконная жизнь была, наверное, у Александра II — на него 6 раз совершались покушения. Последнее (1 марта 1881 года) закончилось гибелью царя-освободителя. Но в случае благополучного исхода он не забывал своих спасителей.

Первая такая награда была вручена мещанину О.Комиссарову, помешавшему народовольцу Д.Каракозову совершить покушение 4 апреля 1866 года у Летнего сада в Петербурге. Ему вручили золотую медаль “4 апреля 1866 года”, изготовленную в единственном экземпляре. Носилась она на Андреевской (голубой) ленте.

Затем (в 1872 году) отчеканили золотую и серебряную медали “Благодарю”. Ими наградили унтер-егермейстера Иванова и стремянного I-й статьи Никонова за спасение императора во время охоты. Эти медали носили на Владимирской (черно-красной) ленте.

Следующая из этой серии — золотая “За спасение” (Владимирская лента). Ее получили 6 человек за поимку народовольца А.Соловьева, покушавшегося на Александра II 2 апреля 1879 года.

Последняя в скорбном перечне — “1 марта 1881 года”, учрежденная уже Александром III. Ею наградили лиц, сопровождавших Александра II в его последней поездке вдоль Екатерининского канала в Петербурге, когда взорвалась бомба народовольца И.Гриневицкого. Медали изготавливались из серебра и носились на груди на соединенной Андреевско-Владимирской ленте.

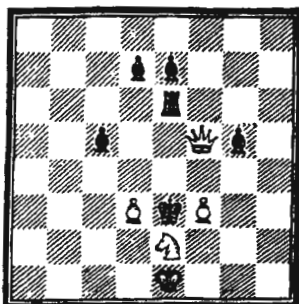
О.ДУНАЕВ.

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

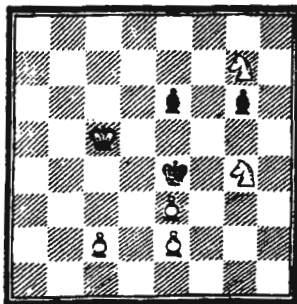
ТРЕНИРУЙТЕ ГОЛОВНОЙ МОЗГ!

№ 11

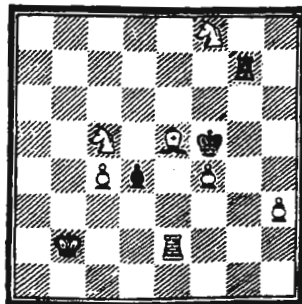
Мат в 3 хода

№ 12

Мат в 4 хода

№ 13

Мат в 4 хода

Одной из десяти заповедей вечной молодости, разработанных международной группой врачей, является тренировка головного мозга. Решайте композиции! Для любителей шахмат это лучший способ тренировки. Предлагаем также решить две неортодоксальные миниатюры.

№ 14. Кре4, Фе3, Сс2, Сс7 (4) — Кре6, Сд1, Кб7 (3), кооперативный мат в 2 хода.

№ 15. Крс7, Ла3, Кс5 (3) — Крб2, Фh1, пп. b7, b3 (4), кооперативный мат в 3 хода.

Супертурнир на острове

Как известно, парижский конгресс ФИДЕ, состоявшийся в 1995 году, принял решение — провести в декабре 1996 года очередной чемпионат мира по особой системе. Так, планировалось участие 100 гроссмейстеров в отборочных соревнованиях за право играть в финальной четверке. Увы, решение это осталось на бумаге. Вместо него в декабре 1996 года на Канарских островах (провинция Испании) состоялся не чемпионат мира, а турнир шести гроссмейстеров, обладающих самыми высокими рейтингами. Участники играли друг с другом по две партии, т.е. всего десять партий. Результаты супертурнира таковы: 1. Г.Каспаров — 6,5 очка (семь ничьих и три выигрыша); 2. В.Ананд (Индия) — 5,5 очка; 3. В.Топалов (Болгария) — 5,0 очка; 4. В.Крамник (Россия) — 5,0 очка; 5. В.Иванчук (Украина) — 4,0 очка; 6. А.Карпов — 4,0 очка.

Личная встреча Топалов — Крамник закончилась со счетом 1,5 — 0,5 в пользу Топалова, и поэтому организаторы супертурнира поставили его на 3-е место. Иванчуку присуждено 5-е место, так как у него, кроме ничьих и проигрышей, были две победы. Карпов же в восьми партиях сделал ничью и две партии проиграл.

Результаты супертурнира вызвали разношерстные толкования, многие считают их случай-

ными, зависящими от везения. Но в истории соревнований они уже записаны и не изменятся.

Отрежся от шахмат

Недавно известный гроссмейстер Гата Камский сделал официальное заявление о своем уходе из шахмат. Решение это выглядит трагическим, так как принадлежит совсем молодому человеку (23 года). Свое решение Камский объяснил необъективным к нему отношением президентов ФИДЕ. Возможно, он прав, но главная причина, увы, другая. Скорее всего, она в возросшей психической напряженности, возникшей после неудачи в матче с А.Карповым, состоявшемся летом прошлого года. Напомним нашим читателям: Камский проиграл матч со счетом 10,5:7,5.

Снять стресс можно только изменением стиля и образа жизни, что и делает Гата Камский.

Проверьте свои решения

(На боевом посту, № 2, 1997)

№ 6. С.Ленер, 1864. Кра6, Фf4, Сg2 (3) — Крс5, пп. d6, e6 (3), мат в 3 хода. 1. Сd5! — 2. Фс4 X, 1...Кр:d5 2. Крb5, 1...e6 2. Фа4!

№ 7. Публикуется впервые. Крс1, Лс8, Кg4, Kh2 (4) — Крe1, пп. e2, e4 (3), мат в 4 хода. 1. Лf8! e3 2. Лf2! e3 3. Кf3+ Крf1 4. Кe3 X!

№ 9. Публикуется впервые. Крg1, Фg8, Лf4, пп. e2, f2, g5 (6) — Крh3, Ла1, Лd7, Сb1, Кd8, - пп. a2, e6 (7), обратный мат в 2 хода. 1. Фg6!, цугцванг; 1...Ла7 2. Фd3+ С:d3 X, 1...Лd2 2. Фh7+С:h7 X, 1...e5 2. Фf5+ С:f5 X, 1...К — 2. Ф:e6+ Cf5 X.

№ 10. Публикуется впервые. Крf6, Ла1, Сg7 (3) — Крс3, пп. a2, c2, f7 (4), кооперативный мат в 3 хода. 1. Крb2 Лb1+! 2. cbC! Ch8! 3. Кра1 Кр:f7 X.

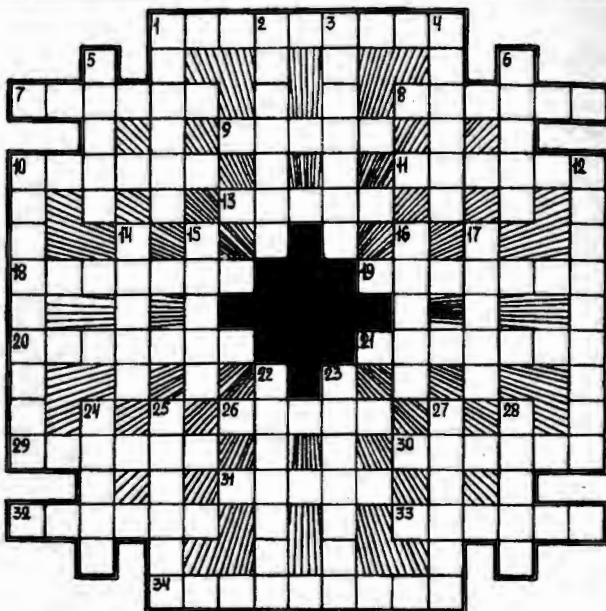
По горизонтали:

1. Один из способов комплектования русской армии в XVI-XVII вв. 7. Приспособление для размещения нескольких патронов. 8. Движение оружия назад во время выстрела. 9. Внезапное нападение, короткий, стремительный удар по противнику и быстрый отход. 10. Насыпь у внутренней крутости высокого бруствера для размещения стрелков, ведущих огонь поверх бруствера. 11. Жилое помещение для матросов и старшин на корабле. 13. Древнерусское ударное холодное оружие, напоминающее по форме молоток для чеканки. 18. Отраженный полет снаряда или пули. 19. Специальное устройство в огнестрельном оружии для размещения патронов. 20. Укороченная и облегченная винтовка. 21. Автоматическое оружие для поражения наземных, воздушных и морских целей. 26. Открытое полевое, фортификационное сооружение, позволяющее вести косоприцельный огонь. 29. Выборный главный предводитель казачьих войск. 30. Младший офицерский чин в кавалерии дореволюционной России. 31. Свод правил деятельности, прав и обязанностей военнослужащих. 32. Способ действия войск. 33. Войска, специально подготовленные и брошенные в тыл противника для выполнения задач. 34. Прислуга при древнем метательном оружии.

По вертикали:

1. Узкий длинный разделенный на конце флаг, поднимаемый на мачтах

КРОССВОРД

корабля в плавании. 2. Военачальник в древнегреческих государствах, обладавший широкими военными и политическими полномочиями. 3. Помещение для хранения вооружения и боеприпасов. 4. Легкоконный отряд русского поместного войска XVI-XVII вв. 5. Общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами. 6. Знак триумфа, славы, победы. 10. Искусственное ограждение для защиты от наступающего противника. 12. Город на острове Котлин, база Балтфлота. 14. Отравляющее вещество нервно-па-

ралитического действия. 15. Краткое изречение, выражающее руководящую идею поведения или деятельности. 16. Плотная лента или тесьма из хлопчатобумажной пряжи, шелка, часто с золотой или серебряной нитью. 17. Станок, на котором закреплен ствол артиллерийского орудия. 22. Систематическая помощь, оказываемая организацией (гражданами) кому-либо. 23. Буксируемый подводный аппарат для защиты кораблей от якорного контакта мин. 24. Система опор самолета. 25. Увеличение количества свежего заряда рабочей смеси, подаваемой в двигатель внутреннего сгорания. 27. Электрическое (электромагнитное) воздействие на цепи радиоприемника. 28. Сооружение для хранения, ремонта и технического обслуживания летательных аппаратов.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 2

По горизонтали: 3. Граната. 8. Танкетка. 9. Канонада. 11. Мокроусов. 12. Осада. 13. Отход. 14. Парад. 16. Велит. 18. Армия. 20. Трасса. 21. Гавань. 25. Хунта. 27. Таран. 28. Вылет. 29. "Берег". 30. Коток. 31. Амбразура. 32. Партизан. 34. Агрессия. 36. Селитра.

По вертикали: 1. База. 2. Танк. 4. Маресьев. 5. Вермахт. 6. Воевода. 7. Адамович. 10. Допрос. 14. Пластов. 15. Динамит. 17. Иприт. 19. Рында. 22. Гудериан. 23. Солдат. 24. Наводчик. 26. Ангария. 27. Токарев. 33. Арес. 35. Герб.

Составил
Е. КУЛИКОВ.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет прием на военную службу по контракту во внутренние войска МВД России

На военную службу по контракту принимаются граждане Российской Федерации в возрасте: лица мужского пола — от 18 до 40 лет; лица женского пола — от 20 до 40 лет (кроме имеющих ребенка в возрасте до 8 лет).

Военнослужащие по призыву, изъявившие желание поступить на военную службу по контракту, подают рапорт по команде, а граждане, пребывающие в запасе, и граждане женского пола, желающие поступить на военную службу по контракту, предоставляют районному (городскому) военному комиссару по месту воинского учета (жительства) следующие документы: личное заявление, автобиографию, копии документов об образовании и рождении, характеристику, справку из домоуправления о составе семьи и месте жительства, фотографии. Женатые (замужние) кандидаты на службу по контракту, кроме того, представляют копии свидетельств о браке и рождении детей.

На военную службу по контракту принимаются граждане, признанные при медицинском освидетельствовании годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями.

Отбор пребывающих в запасе и лиц женского пола, не состоящих на воинском учете, на военную службу по контракту осуществляется в два этапа:

на первом этапе (в военных комиссариатах) — профессиональный отбор кандидатов на службу по контракту;

на втором этапе (в воинских частях) — конкурсный отбор и прием кандидатов на военную службу по контракту.

Подготовка предложений командирам воинских частей о приеме или отказе (с указанием причин) в приеме кандидатов на военную службу по контракту осуществляется аттестационными комиссиями воинских частей на основании изучения личных дел, заключений о состоянии здоровья, результатов проверки физической подготовки и профпригодности граждан к военной службе.

Первый контракт о прохождении военной службы заключается:

с поступающими на воинскую должность, замещаемую солдатами (матросами), сержантами (старшинами), — на 3 года;

с поступающими на воинские должности, замещаемые прапорщиками (мичманами), а также офицерами, — на 5 лет.

Военнослужащим, поступившим на военную службу по контракту, гарантируется:

а) получение ежемесячного денежного содержания в зависимости от занимаемой должности и воинского звания;

единовременного денежного вознаграждения в размере не менее трех окладов денежного содержания по итогам календарного года за добросовестное исполнение должностных обязанностей;

выплаты на первоначальное обустройство хозяйством в виде беспроцентной ссуды в размере до 12 окладов денежного содержания на срок до трех лет в случаях заключения контракта на 5 лет или при заключении первого брака;

ежегодной денежной компенсации за санаторно-курортное лечение и организацию отдыха во время отпуска в размере шести минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и трех минимальных размеров оплаты труда на жену (мужа) и каждого несовершеннолетнего ребенка;

пособия в размере пятилетнего содержания при получении ими увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, исключающего для них возможность дальнейшего прохождения военной службы; бесплатной медицинской помощи;

б) оплата занимаемой ими и проживающими с ними членами семьи жилой площади в домах государственного, муниципального и ведомственного жилых фондов и коммунальных услуг, независимо от принадлежности жилых помещений, а также установки и пользования квартирными телефонами в размере не более 50 процентов;

в) освобождение от уплаты подоходного налога с денежного довольствия, денежных вознаграждений и других выплат, получаемых в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также от уплаты земельного налога на имущество физических лиц;

г) обязательное государственное страхование на случай гибели (смерти) или увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученного в период прохождения ими военной службы;

д) бесплатный проезд к месту основного отпуска и обратно, бесплатный проезд членов семей военнослужащих к месту использования отпуска и обратно один раз в год;

е) бесплатное пользование всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси);

ж) выбор постоянного места жительства в любом населенном пункте Российской Федерации при увольнении в запас или в отставку.

Кроме того, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, пользуются и другими правами и льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

НАШИ ИЗДАНИЯ – ДЛЯ ВАС

Открыта подписка на второе полугодие 1997 года

Приложения к журналу

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

Ежемесячный
военно-публицистический
и литературно-
художественный журнал
внутренних войск
МВД России

*Индекс
для индивидуальной
подписки – 70610.*

*Индекс
для предприятий и
организаций – 73175.*

Сборник учебно-методических материалов «ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК» публикует методические разработки, нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность Вооруженных Сил, МВД и внутренних войск.

Выписывайте «Войсковой вестник», и у вас не будет проблем в проведении занятий.

Сборник выходит три раза в полугодие.

**ВОЙСКОВОЙ
ВЕСТНИК**

Индекс – 73515.

• факты
• события
• комментарии
• происшествия
• расследования

Газета «Ситуация» — это правда о положении в стране, о жизни и службе ее защитников — людей в военной форме.

Газета выходит четыре раза в месяц.

Индекс – 50157.

Подробности подписки в каталоге Роспечати

ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

НАШ АДРЕС:
107120, Москва, Б—120,
Сыромятнический проезд, 8.

Орден Дружбы

Статут ордена Дружбы

Орденом Дружбы награждаются граждане за большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества наций и народностей, высокие трудовые достижения в развитии экономики России, за особо плодотворную деятельность в развитии науки, сближении и взаимообогащении культур наций и народностей, укреплении мира и дружественных отношений между государствами.

Орден Дружбы носится на левой стороне груди и при наличии других орденов Российской Федерации располагается после ордена Почета.

Описание ордена Дружбы

Знак ордена Дружбы из серебра с эмалью и позолотой, имеет форму пятиконечной звезды, образованной пучками расходящихся золотистых лучей. В центре звезды — накладное изображение земного шара, отдельные детали которого покрыты цветной эмалью. Изображение земного шара обрамлено венком из лавровых ветвей, покрытых зеленой эмалью. На венке красные точки. На оборотной стороне ордена — рельефная надпись "Мир и дружба" и номер ордена. Расстояние между противоположными концами звезды 44 мм.

Знак ордена при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой зеленого цвета с голубыми полосками. Ширина ленты 24 мм. Ширина голубых полосок 6 мм.